

Ночная гостья

Направленность: Фемслэш

Автор: [Rum ist Rum](https://ficbook.net/authors/198526) (<https://ficbook.net/authors/198526>)

Фэндом: Ориджиналы

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Драма, Психология, Философия, Даркфик, POV, Hurt/comfort

Предупреждения: **Смерть основного персонажа**

Размер: Макси, 76 страниц

Кол-во частей: 18

Статус: закончен

Описание:

Что такого должно произойти с человеком, чтобы он прекратил общаться со всеми, основательно замкнулся в себе и не снимал с себя чёрных одежд? Именно таким вопросом и задаётся М., переведясь в новую школу и встретив там странную девушку, которую все прочие считают изгоем.

Посвящение:

Посвящается городу на болотах.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Любые совпадения с реальностью - не случайны. Все герои имеют реальных прототипов. Если Вы случайно узрели в этой истории себя и даже описания города и прочего показались вам знакомыми - надеюсь, вы никогда не узнаете моего имени и не найдёте меня. Приятного прочтения, если оно будет таковым.

ТОС

ТОС	2
Глава первая. Город на болотах.	3
Глава вторая. К.	8
Глава третья. Дневник.	10
Глава четвёртая. Соглядатай.	11
Глава пятая. К. - 2	15
Глава шестая. Хелп	19
Глава седьмая.	23
Глава восьмая. Целесообразность.	26
Глава девятая. На краю.	30
Глава десятая. К - 3.	35
Глава одиннадцатая.	39
Глава двенадцатая.	48
Глава тринадцатая. Спокойной ночи	54
Глава четырнадцатая	58
Глава пятнадцатая.	62
Глава шестнадцатая	65
Глава семнадцатая. Снег	70
Глава восемнадцатая. Всё так, как должно быть	74

Глава первая. Город на болотах.

Я вышла из дома и вдохнула свежий морозный воздух – поздняя осень во всём своём унылом великолепии представляла перед моим опущенным взором. Листья уже почти полностью опали, оставив голые стволы деревьев, как напоминание о когда-то счастливых и тёплых временах; и теперь понуро лежали на земле, дожидаясь, когда их укроет под собой первый снег. На небе прорезался рассвет – ломаные солнечные лучи, которые уже не грели, а лишь радовали глаз, и, казалось, насмешливо говорили прохожим «теперь-то вы не скоро отогреетесь».

Очередной порыв ледяного ветра чуть не сбил меня с ног, я пошатнулась, но всё же устояла. Права мама, нужно начинать прилично есть, а то так меня скоро унесёт ветром, как бедняжку Элли с её любимой собачкой. До новой школы оставалось не больше тридцати метров. Что ж, мне придётся туда зайти, придётся встретиться с новыми одноклассниками – как скучно – я с печалью вздохнула, и из моего рта вырвался клуб пара. Я ускорила шаг.

Тут, пожалуй, стоит немного рассказать об этом одиноком городке, в который меня забросила судьба по своему странному и жесткому желанию. Он располагался не то чтобы в низине, но на болотах, а вокруг него на многие километры тянулся густой смешанный лес. Земля в нём, как вы уже понимаете, была богата на чернозём и удобрения, а в лесах, если углубляться дальше, можно непременно встретить зловонную трясину, хоронящую под своим пластом немало трупов животных, а может, даже и людей. Однако, несмотря на это разнообразие природы, город не был деревней или селением – он был крупным, со многими районами и землями. Центр был недавно и успешно отстроен – на месте кривых улочек появились изысканно мощёные тротуары, разваленные дома заменили высотки со множеством сверкающих прозрачных окошек – город стал более современным. Сюда начали съезжаться люди из других, более малонаселённых городков, а так же и важные чиновники из крупных мегаполисов, ищущие покоя и умиротворения, посему то, что мои родители выбрали именно это место для нашего временного пристанища было вполне очевидным.

В эту школу я перевелась около недели тому назад, и сегодня был мой самый первый день в новом учебном заведении. Всё из-за этого переезда, по странным причинам, неизвестным мне. Отец просто однажды вернулся домой, переговорил наедине с мамой и на следующий день мы уже занялись упаковкой вещей. Я уже не была маленьким ребёнком и поняла, что раз уж мой отец, известный своим каменным спокойствием не на шутку взволнован – дело серьёзное, ещё бы. Бизнес – опасная сфера занятий. Как я ни протестовала и как ни отказывалась уезжать – попытки остановить родителей были напрасны, поэтому я просто замолчала и смиренно пошла наверх собирать свои вещи. Что-что, а с таким человеком, как мой папа спорить было бесполезно.

Новый дом оказался вполне неплох, конечно, поменьше предыдущего, но я не была той избалованной девочкой, которыми всегда (или почти всегда) являлись дети богатых родителей. По мне – так я бы вообще хотела жить в маленькой однокомнатной квартирке без всей этой роскоши и праздной помпезности, чтобы каждый её сантиметр был результатом моей кропотливой работы, с помощью которой я добывала бы деньги на жизнь – чтобы у меня был хотя бы один повод гордиться собой, знать, что всего того, что меня окружает я добилась собственными силами, без помощи обеспеченных родителей. У дома было всего два этажа, вместо прошлых трёх. На первом этаже находилась просторная светлая кухня, санузел и гостиная с тёплым камином, а на втором этаже располагались спальни и кабинет. Я заняла ту, что поменьше, но и она показалась мне

невероятно огромной. Мне досталась большая трёх спальная кровать, гигантский массивный шкаф, макияжный столик и рабочее место, а так же белая резная дверь, ведущая в личную ванную комнату – хоть что-то радовало, я смогу по желанию расставить все свои баночки, скляночки и никто не будет их всё время менять местами или использовать без моего ведома. Первым делом нужно было разложить свои вещи и создать какой-никакой уют – я достала свечи, статуэтки и расставила их на тумбочках и полках, коих здесь было немалое количество. На подоконнике в мгновение ока оказался ряд ярко-зелёных кактусов, множество белых и чёрных свечек, а так же пара рамок с фотографиями, на полки я поставила любимые книги в алфавитном порядке и баночки с пучком ароматических палочек; повесила на стены плакаты так, что создавалось впечатление фотографических обоев, а над кроватью оказался мой старый добрый ловец снов. Да уж, много придётся приложить усилий, чтобы эта комната стала по-настоящему моей.

Вечером того же дня все домочадцы в количестве четырёх человек и одной кошки собрались на узенькой террасе, расположились на диванчиках и принялись обсуждать переезд.

Мой непоседливый младший брат то и дело вскакивал и осматривал наш обширный сад: - Это нравится мне на новом месте больше всего! Мам, у нас чудесный сад! – восторженно кричал он.

- Майкл, не шуми так. Это действительно хороший дом – мама устало улыбнулась – всегда любила подобный стиль.

Отец тоже казался умиротворенным, хотя и не работал сегодня – со всем управились грузчики за символическую плату:

- Я рад, что вам нравится. Ну, а ты что скажешь, М? – он обратился ко мне.

- Лучше, чем предыдущее наше жильё. По крайней мере, тут я не рискую заблудиться в затаенном петлянии коридоров.

Все рассмеялись и ещё через четверть часа отправились спать. Оказалось, что за день я просто смертельно устала и как только тяжёлая голова коснулась подушки – я забылась долгим глубоким сном.

Но вернёмся к моему основному повествованию – я подходила к школе – сердце стало биться чуть учащённее – вполне объяснимый страх перед неизвестностью, в предыдущей школе меня тоже не особенно-то жаловали, а тут я подозревала, что могут посчитать за изгоя и устроить травлю – обычная ситуация для среднестатистической российской школы. Об этом всегда молчали – на эту тему наложено негласное табу, и стоит только кому-нибудь заговорить, как на него обрушивается целый шквал упреков и обвинений. Сами зачинщики молчат, потому что считают, что выполняют добросовестную работу чистильщиков, очищая массы от белых ворон, а их несчастные жертвы молчали, потому что чувствовали себя слабыми и беззащитными. Их заставляли ненавидеть свою индивидуальность, подавлять её и даже мечтать стать такими же, как и все. Они ощущали, что намного слабее своих противников, говоря даже не о физической силе, ведь это просто на просто естественный отбор – выживают сильнейшие, кто может запросто приспособиться к любым условиям и подавить остальных, а немощные и дальше влачат своё жалкое существование, изо дня в день понукаемые этими волками в человеческом обличье. Проходят времена, меняются нравы, но это неизменно. Было, есть и будет. Ты чем-то отличился, стал не таким, как прочие, подумал не так, как окружающие и всё – ты белая ворона и находишься в категории «отстоев» класса. А дальше только два пути развития твоей жизни – либо ты и остаёшься безвольным слабаком, либо сквозь боль и слёзы, сжимая кулаки и заставляя себя вставать, идёшь

вперёд и доказываешь окружающим, что хоть и не такой – ты достоин существования и уважительного отношения. Это значит, что ты должен вынести все испытания жизни на стойкость, досадно, однако, что ты вовсе не оловянный солдатик, ты живой, а современное общество больше похоже на инкубатор, нежели на скопление адекватных и трезво мыслящих людей.

Беспокойство всё больше овладевало мной, но поглубже в последний раз вдохнув осенний сырой воздух, я рывком открыла дверь, пропуская вперёд толпу свистящих и улюлюкающих младшекласников, а затем, вошла сама. Ещё пару минут я стояла на одном месте, озираясь вокруг и ища глазами у кого бы можно было спросить о местонахождении кабинета директора, но вскоре ко мне подошёл мужчина средних лет в строгом костюме и вежливо поздоровавшись, предложил показать школу и отвести в класс. В новой школе было довольно уютно – вместительная раздевалка, кишущая мелкой ребятнёй, не путаные коридоры и просторные кабинеты в тёплых тонах.

Пока мы шли, по телу пробежала нервная дрожь. Для меня это было самое страшное – знакомство с одноклассниками. Меня нельзя назвать общительным человеком, я не умею устанавливать контакт с окружающими меня людьми, а потому каждый раз, когда мне предстоит новая встреча – жутко волнуюсь. Коленки уже начинали мелко подрагивать, а я беззвучно молилась, чтобы никто не заметил моего беспокойства. Я шла и пыталась унять дрожь, смотрела в окно, в потолок, куда угодно, только не на людей снующих вокруг. Директор открыл дверь и пропустил меня вперёд. Неуверенным шагом я зашла и окинула взглядом помещение. Класс был каким-то холодным, в грязно-серых тонах, да и атмосфера царила тут не особо дружеская. Все взгляды были моментально обращены на меня. Девушки смотрели с усмешкой и лёгким презрением, а парни оценивающе.

Кажется, за минуту до моего прихода здесь была драка – я заметила толпившихся юношей у окна. Одна из девушек, подошла ко мне и, лучезарно улыбнувшись, поздоровалась и поинтересовалась, как меня зовут. Я еле слышным от волнения голосом прохрипела «М». Едва она услышала ответ – брови её поползли вверх. Оказалось, что мы с ней были тётками. М. подхватила меня под руку и вывела из класса – «Пошли, я покажу тебе школу», и полдюжины одноклассников, находящихся в классе, проводили нас заинтересованным взглядом, но, впрочем, очень скоро обо мне забыли.

М сразу вызвала у меня симпатию, хоть и не была какой-то особенной. Обычная приветливая дружелюбная девочка, озорно помигивающая серыми глазками из очков в тонкой чёрной оправе. Чуть позже я узнала, что она пользуется большой популярностью среди парней. В этом не было ничего удивительного с её милой мордашкой и фигуристым телом. В школе была введена особая форма, включающая в себя блузку, пиджак и короткую юбку, что добавляло привлекательности её женственному телу.

За двадцать минут мы успели осмотреть всю школу. М вела меня по коротким коридорам и показывала каждый попадающийся кабинет, и без умолку тараторила:

«Школа у нас небольшая, но зато здесь все друг друга знают. Учителя не строгие, понимающие люди. Смотри, вот это столовая. Тут дежуришь по очереди. Мы уже все успели по разу отдежурить, значит, скоро ты будешь, только подберут тебе пару. Может тебе даже попадётся какой-нибудь симпатичный парень. Лови момент.» - она подмигнула. – Вообще, у нас хороший класс – дружный. Нас даже директор хвалит за коллективность. В прошлом году мы стали самым лучшим классе во всей школе и нас наградили поездкой на экскурсию в ботанический сад.

- В самом деле? Здорово.

- Ага, но я не особо люблю биологию – она мечтательно закатила глаза – а вот английский – это другое дело. Там такой симпатичный учитель – перевёлся к нам в новом

году. Все девчонки старших классов сохнут по нему и строят глазки, а я поступила умнее – просто остаюсь на дополнительные занятия и провожу с ним больше времени, чем остальные. Жалко, что он не подрабатывает репетиторством, тогда я смогла бы пригласить его даже к себе домой.

- Неужели он настолько красивый? – спросила я.

- Да! Он просто прелесть! Знаешь, на что я обратила внимание первым делом? На глаза! Они у него такие ярко-зелёные, просто изумрудные. А потом я посмотрела на его правую руку. И, представляешь! На ней не было обручального кольца, а это значит, что наш симпатяжка холост.

Я рассмеялась:

- Тогда у тебя, пожалуй, есть шанс.

Всё получилось, она попалась на мою удочку, и теперь была более ко мне расположена:

- Наверное. – она улыбнулась – По крайней мере, очень на это надеюсь. Ой, смотри, а вот и он!

Мимо нас по коридору прошёл молодой мужчина лет двадцати двух – он действительно был очень обаятелен. С длинными белокурыми волосами, собранными сзади в хвост. Он уверенно шёл, прижимая кожаный чёрный портфель; его тёмно-серый твидовый костюм выгодно подчёркивал его стройную фигуру и высокий рост. Если бы в моей голове было поменьше извилин, я бы возможно тоже потеряла от него голову.

- Вот видишь, какой он классный! – воскликнула М.

- Согласна, он красивый.

Мы осмотрели столовую, в которой мне запомнились гранённые стаканы под чай, а так же одна забавная история, рассказанная М. и связанная с этими самыми стаканами, но которую я из приличий не пересказываю; кабинет информатики и множество других каких-то серых кабинетов. Меня заинтересовала библиотека, но М. почему-то не дала мне туда войти, а быстро сменила тему и увела меня на первый этаж. Прозвенел звонок, и мы двинулись к нашему кабинету. Это был урок обществознания, я села за свободную парту и стала слушать монотонную речь учителя. Что-то про международные конфликты и про толерантность, я не особо вслушивалась. Думала о своей новой знакомой и школе, мне, наверное, будет сложно адаптироваться. Но тут в класс зашла девушка и сразу же привлекла моё внимание. Худенькая, в свободном чёрном платье, совершенно отличающемся от принятой формы. Красивая, но что-то в ней было не так – я поняла это сразу. Позже, приглядевшись, поняла причину моего странного ощущения. Что-то не так с её глазами. Пустые, мутные – стеклянный взгляд. Она ни с кем не говорила, ни на кого не смотрела, а прошла в самый конец класса, и, усевшись за последнюю парту, достала учебники, бесшумно положив их на край стола. Весь урок я то и дело поглядывала на неё, но выражение лица девушки оставалось неизменным, как будто она была неодушевлённым предметом, куклой. Она мало напоминала обычного живого человека. Она тоже не слушала учителя, а что-то писала чёрным карандашом в тетради. Такие люди всегда привлекают внимание своей замкнутостью и оторванностью от мира, поэтому я и решила узнать о ней побольше. Это было почти неосознанно – лишь какой-то подсознательный порыв – мне было интересно кто она такая.

Как только прозвенел звонок, я собрала вещи, небрежно закинув их в рюкзак, и пошла, искать М, чтобы расспросить о той девушке. Она нашлась возле раздевалки и на мой вопрос ответила очень неохотно: «Она ненормальная. Чокнутая. Ни с кем не общается, молчит целыми днями. Вся в чёрном, кажется, это из какой-то субкультуры, готы вроде! Все носят форму, а эта будто особенная, и главное, директор ничего против не имеет! Нам ведь так нельзя. А вообще вот как было дело. Раньше она была нормальной

девчонкой – не то чтобы очень популярной, но пользующейся благосклонностью, через некоторое время она замкнулась в себе, перестала с нами общаться, а затем и вовсе не посещала школу около двух месяцев. Где она была всё это время и что делала – никому неизвестно. Когда она вернулась, то изменения стали заметны пуще прежнего. Отныне она не меняла своего чёрного цвета, перестала заводить знакомства и слоняется по школе целый день, как призрак». – вот что я услышала от М. Потом она ещё спросила, почему это я заинтересовалась ею, но я очень ловко что-то соврала на сей счёт. Я твёрдо знала, что ничего в жизни не бывает без причины. Что-то должно было произойти, прежде чем она замкнулась в себе и оборвала всяческие связи с окружающим социумом. Мне слишком хорошо было это знакомо. А одноклассники, проучившиеся с ней столько лет, ничего и не заметили, или делали вид, что не замечают? Неужели никто даже не пытался узнать что случилось? Куда я попала? В скопление бездушных тварей, именуемых людьми?

Так или иначе, первый день прошёл очень неплохо – я познакомилась с одноклассниками и учителями, не вызвала негативной реакции. Уже лёжа в кровати дома перед сном я почему-то думала о Ней и она мне приснилась. Мы гуляли по лунным аллеям, вдыхая ночной тёплый воздух, я задала вопрос, что с ней случилось, и девушка ответила: «Factum est factum».

Глава вторая. К.

Я не знаю, когда всё в моей жизни обратилось в ничто. Когда ещё вчера всё было, а сегодня уже нет. Будто все события были долгим и тяжёлым сном, настолько правдоподобным, что после пробуждения я не забыла о нём, как обычно забываю о всяких моих снах, а напротив, запомнила, да так отчётливо, что по-прежнему могу всё пересказать в мельчайших деталях и подробностях.

Моя история началась с одного обычного дня, своим началом не особенно отличающегося от остальных, но обернувшись для меня не так, как хотелось бы. Тот день... Мы играли в большом зале, до которого нужно было долго добираться на троллейбусе, а потом ещё прилично идти до самого здания по холоду. 6 ноября – на улице прохладно, дует сильный ветер, а на траве иней. Когда я ехала и держалась за грязно-бежевого цвета поручни троллейбуса, могла заметить через голые ветки небо нежного розового оттенка. Такое довольно редко случается осенью, не так ли?

Она играла с нами в одной команде уже давно, у нас даже сложились вполне дружеские отношения, мы иногда гуляли и созванивались, но не более того, а сегодня она находилась в каком-то особенном радостном настроении – смеялась и улыбалась, невольно я сама начала улыбаться и настроение улучшилось. Я любила незаметно разглядывать её и поражалась той резвости, с которой она передвигалась, той грации, с которой бросала мячик и возвращалась в исходную позицию. Хорошо, что этого никто не замечал, а не то я могла показаться странной.

Солнечный свет заливал зал. На дощатом выкрашенном в светло синий цвет полу образовывались огромные солнечные лужи – яркие участки света, из высоких окон было видно невинно голубое небо с рваными белоснежными облачками, можно было подумать, что на улице лето – до того было тепло и уютно. На душе стало так светло-светло, на лице расплылась немного глуповатая улыбка. У меня создавалось какое-то необычное настроение – недоверия ко всему, но в то же время успокоения. У меня есть всё, что мне требуется, да и чего ещё нужно для счастья? И вот, задумавшись, я не заметила как на меня бежала Б. и замешкалась, через секунду я уже лежала на полу, больно ударившись и удивлённо смотрела на распластавшуюся на мне Б.

Я засмеялась, видя, что она не собирается вставать:

- На мне так удобно лежать?

Но её, казалось, моё замечание нимало не тронуло, она ещё шире улыбнулась и, наконец, быстро встала. Затем подала мне руку и сказала:

- Вставай, я помогу посмотреть, нет ли ушибов, пошли в раздевалку.

Схватив её за руку и легко поднявшись, я не стала спорить и покорно поплелась за ней в раздевалку, а все игроки провожали нас недоуменными взглядами.

- А ты чего стояла? Не заметила меня что ли? – озадаченно спросила Б, когда мы остались наедине.

- Да нет, это я виновата, задумалась просто – я сделала попытку улыбнуться.

Она удивлённо взглянула на меня:

- Самое подходящее время для раздумий, о чём хоть думала?

- О жизни. Я, наверное, счастлива.

- Ты в этом не уверена?

- Да, мне чего-то не хватает, ну а ты?

Мы миновали коридор, и Б. слегка потянув за металлическую ручку, открыла дверь, и мы оказались в просторной комнате, залитой ослепительным солнечным светом.

- Я? Не знаю... Я не думала об этом. Думаю, что счастлива. Так. Раздевайся, посмотрим

твою спину.

- Может не надо?

Она рассмеялась:

- Конечно, надо! Да чего ты стесняешься, не первый год видим друг друга.

Я и сама не знала, откуда вдруг появился этот внезапный приступ страха, я залилась краской и нерешительно потянула край безразмерной футболки.

Мне было так неудобно стоять перед ней в одном лифчике и я старалась прикрыть наготу руками, а она, напротив, ни на секунду не смутилась, а обошла меня сзади и принялась рассматривать спину, ощупывая чуть ли ни каждый её миллиметр.

- Кажется, синяков нет. Извини, если что, случайно вышло – она одним изящным движением откинула волосы назад и улыбнулась. Надеюсь, ты не сердишься, К.

- Да ничего.

Она выглядела обеспокоенной:

- Точно ничего не болит? Наверное, тебе не стоит возвращаться к игре, а я пока побуду с тобой.

- Да брось, это ерунда, всё хорошо.

Я ловко вновь накинула футболку и, оправив её, стала направляться к выходу, она дёрнулась и ухватила меня за рукав:

- В самом деле, отдохни.

- Почему ты так настойчиво пытаешься остановить меня? – я приблизилась к ней вплотную.

С такого расстояния можно было даже слышать её прерывистое дыхание и прямо смотреть в серые глаза с расширенными зрачками.

- Быть может, я волнуюсь?

- За меня?! – воскликнула я удивлённо.

В следующий момент она притянула меня к себе за ворот рубашки и нежно коснулась моих губ своими. Я бы никогда не подумала, что в жизни бывает, как в фильмах или книгах – с землёй, уходящей из под ног и затуманенным рассудком. Мне показалось, что я правда провалилась в какую-то альтернативную реальность, напоённую самыми светлыми и трогательными чувствами, что это короткое мгновение длилось целую вечность.

Я отшатнулась от неё – ноги стали ватными и совсем не держали меня:

- Что... что это было? – запинаясь, проговорила я.

Б. подошла к деревянной двери и скрылась в коридоре, бросив мне напоследок весёлое «Не знаю».

Вот и я тогда не знала, что это было и чем станет.

Глава третья. Дневник.

22 ноября. 2011 год.

В мой выпускной класс пришла новая девочка – по виду скромная, но скорее скрытная, уж слишком у неё странный взгляд. Она симпатичная – наши девочки сразу же завистливо стали посматривать в её сторону и, похоже, умная, раз не стремится к общению с одноклассниками с ними не о чем разговаривать. Да, я увы, тоже невысокого мнения о них...

Удивительно, что она сразу заинтересовалась нашей Р. – местной персоной нон грата, или, быть может, рыбак рыбака видит издалека? Если вспомнить, Р. когда-то была нормальной. Нет, не одной из весёлых девчонок, задорно хохочущих, она была серьёзнее и взрослее их, но, тем не менее, она говорила, общалась, у неё даже вроде бы была подруга. А потом с ней стало твориться что-то непонятное. Она забросила учёбу, даже свои любимые предметы, перестала со всеми общаться, и всё чаще её можно было заметить в наушниках одиноко сидящую на лестнице возле библиотеки. Я подходила к ней и говорила, что если ей требуется помощь – я всегда к её услугам. Такой я была. Доброй, наверное. Ну, отчего же было не помочь, раз человеку плохо? Но Р., видимо, не оценила моих стараний и промолчала. Впрочем, к тому времени она уже ни с кем не разговаривала...

Через несколько месяцев она перестала посещать школу – более того, причина, по которой она отсутствовала, была тщательнейшим образом сокрыта. Учителя молчали, она молчала – на тему её личности было наложено табу.

Что ж, ладно, в конце концов, она мне ни дочь и не подруга, просто одноклассница. Но, тем не менее, меня поражает, как с ней все обходятся. Первое, что можно заметить даже невооружённым взглядом – это её одежда. У нас в школе введена особая форма – юбка, блузка и пиджак или можно было одевать средней длины просторное платье с воротничком на манер японских школьниц. Джинсы, другие юбки, брюки – всё это было запрещено, и одну её запрет обходил стороной. Она продолжала щеголять в своих чёрных платьях разных фасонов и моделей, в общем-то, она могла одевать всё, что угодно, но главной отличительной чертой её стиля был чёрный цвет. Или это не стиль? Словом, всех учеников возмутил сам факт нарушения школьного устава. Второе – это учёба. Её не вызывали пересказывать параграф или что-нибудь объяснять у доски; она сдавала работы исключительно в письменном виде и иногда молча решала задачу у доски. Разумеется, и это вызвало недоумение у всех нас. Разве все мы здесь не равны?

Я уверена, учителя и директор знают о ней больше, чем все мы. А так же, знают о причинах её двухмесячного отсутствия. В любом случае, я крайне надеюсь, что новенькая не будет делать попыток заговорить или подружиться с Р., или её ожидает гонение и почётное звание изгоя, как и её подружку.

Глава четвёртая. Соглядатай.

С самого первого дня, когда она вошла в класс и наши взгляды встретились, я начала наблюдать за ней. Какими ручками она пользуется, какая марка одежды ей нравится, добирается она до школы пешком или на транспорте. Она – это моя навязчивая идея. Она – это что-то необычное и притягательное для меня, это целый новый мир, отличающийся от моего. Мне кажется, что то, что я безуспешно искала всю свою жизнь – это она. Будто мне с самого начала была предначертана эта встреча. Вы когда-нибудь испытывали подобное чувство? Что нашли то, что должны были найти?

Я не знаю, почему так случилось, не знаю, почему я перевелась именно в эту школу, когда могла выбрать любую другую, почему именно в этой школе училась она, почему мы встретились. Это было решено много лет назад. Так и должно было быть, всё идёт как надо – именно такие мысли появились у меня с первых же минут её появления в душном классе. Это судьба.

День за днём я пыталась разгадать её тайну, вникнуть в самую её суть. Я думала только лишь об этом. Мысль о ней постоянно пульсировала у меня в голове, круша всё прочее, словно отбойный молот. Я не могла заснуть, не подумав о ней, не могла не проснуться, не произнеся её имени. Она появлялась в моих снах. Да, она начала сниться мне каждую ночь, не было ни одного раза, чтобы я провела ночь без её появления. Мы гуляли по ночным площадям, мы наслаждались серебристым лунным светом (а у меня во снах всегда была ночь), мы разговаривали и я отчаянно пыталась спасти её. Вытащить. Под конец сна она начинала исчезать, её тонкое тело становилось всё прозрачнее, я хватала её за руки и пыталась заставить себя верить, что она настоящая, она из плоти и крови, а не иллюзия моего мозга, но она растворялась в воздухе. Я на пару минут оставалась в одиночестве в своём вечно сумрачном мире, а затем просыпалась.

Тогда я поднималась, и быстро умывшись и собравшись, чуть ли не бегом неслась в школу, чтобы наблюдать за ней уже реальной. За всё это время она ни разу не улыбнулась, не засмеялась, не выдала признаков волнения и одушевления – она была похожа на слишком большую куклу с застывшими глазами и фарфоровым хрупким личиком. Невероятно красивую куклу, самую лучшую из тех, что я видела. С кукольными прямыми чёрными волосами, с миниатюрной фигуркой в роскошных одеждах. Такую же молчаливую, как и все прочие куклы, такую же загадочную, как эти произведения самых искусных мастеров, похожие как две капли воды на настоящего человека. Единственное отличие её от куклы было в том, что куклы пусты, а она вовсе не была такой.

Одноклассники относились к ней презрительно. Пытались подцепить её словами, затем переходили на грубые действия. Ей ставили подножки, толкали, даже ребята шире и выше её раза в два. Её куртку в раздевалке всё время сбрасывали, изрисовывали маркерами и другими способами пытались ей навредить. Чем она им только не угодила? Она показала слабинку? Они будто, войдя в азарт, пытались загнать её в угол, как при охоте на медведя, и подавить если не физически, то морально. Всё её существование было иррациональным для них, а люди всегда боятся того, чего не понимают.

Она не могла свободно передвигаться по школе, её нигде не оставляли в покое – и только лишь в одном месте она могла отдохнуть от их нападков, только одно место негласно считалось её территорией – это была библиотека. На каждой перемене она уходила туда и возвращалась только к звонку. Наверное, именно поэтому в первый день моего пребывания в этой школе М. не пустила меня туда.

Я стала появляться в библиотеке немного чаще, чем следовало бы. Я приходила туда и, делая вид, что выбираю себе книгу, следила за ней сквозь просветы между книгами.

Иногда я садилась рядом и притворялась, что читаю, а сама с жадностью вдыхала воздух, в котором раздавался пряный аромат её духов. В восторг меня приводила одна только мысль, что мы с этим человеком вдыхаем один и тот же воздух, живём на одной планете, в одном городе. Не имею представления, откуда взялась эта моя одержимость ею, ведь мы даже ни разу не разговаривали. Это просто было так, и я приняла это как данность, не особо над этим задумываясь.

Её выбор литературы был широк – это и классика, и мистика, и приключения и даже научная литература. Создавалось такое впечатление, что она просто читала всё, что попадает под руку. Порой она делала на полях заметки или обводила карандашом понравившиеся цитаты, и как только она покидала пределы библиотеки, я кидалась к книжным стеллажам, отыскивала нужные книги и ненасытным взором впивалась в линии, нарисованные ею. Я записывала её любимые цитаты в свой кожаный чёрный блокнотик, я учила их наизусть, я перечитывала все книги, которых касалась её рука. Читая всё это, можно было сделать вывод о её пристрастиях и интересах, но это было слишком мало для меня. Мне хотелось знать всё, абсолютно всё.

Она всегда была в чёрном – после того её отсутствия – никто не видел на ней одежды других цветов. Она была смертельно бледна. Она была неповторима. Одна я видела её бедственное положение – эту боль в глазах, этот взгляд в одну точку и её желание огородиться от всех людей.

В каждой школе есть свои изгои. Им рискует стать каждый. Если ты не так одеваешься, не так себя ведёшь или не приведи господь, не так думаешь – ты белая ворона.

Окружающие своими грязными лапами хватают тебя, ставят клеймо изгоя и выбраться из этой категории и избавиться от повседневных издевательств не так уж просто, а в отдельных случаях и вовсе невозможно.

Вы когда-нибудь переходили из одной школы в другую? Вам приходилось ловить на себе унижительные взгляды новоявленных одноклассников? Мне – да. В связи с работой отца мы очень часто переезжаем и не задерживаемся слишком долго на одном месте. Если ты новенькая, то можешь не понравиться только лишь внешне и сразу же будешь записана в разряд «Ничего интересного» или «Скука». И это если тебе повезёт. Если же нет... Лучше не будем об этом. Это мир подростков. Он такой, какой есть – вот и всё. И порой задумываешься, а кто всё-таки кровожаднее, хитрее и жёстче? Взрослые или дети? И здесь нельзя найти однозначного ответа.

Она медленно идёт по коридору, опустив взгляд в пол и крепко зажав в руке сумку.

Никто уже не смотрит на неё заинтересованно или удивлённо – к ней привыкли.

Несколько высоких парней у шкафчиков показывают на неё пальцами и громко смеются, перешёптываясь и похлопывая друг друга по плечу. Она приближается к ним и рябой парень в застиранном пиджаке выставляет вперёд свою жилистую длинную ногу и застывает с уродливой гримасой на лице, предвкушающей боль девушки. Р. всё так же невозмутимо двигается и, кажется, что сейчас она сделает ещё один шаг и упадёт, но в самый последний момент она резко уклоняется и переходит на другую сторону коридора.

- Какая досада, что ты не упала! – кричит ей вслед этот парень.

Другой смеётся, широко раскрыв рот и выставив напоказ свои желтоватые зубы:

- Молодчина, О. ! Я бы посмотрел как она грохнулась.

Парни остаются насмехаться над ней, а Р. тем временем уже далеко от них. Я иду за ней и по пути бросаю на этих хамов злые взгляды.

Смотрю в её чёрную спину, а в голове всплывает воспоминание о моей предыдущей школе.

Я помню, как впервые перешла в неё. Сколько школ я успела сменить за свою жизнь?

Уже не сосчитать. Я видела немало разных учителей, учеников и ситуаций.

В мою память намертво въелось воспоминание о парне из предыдущей школы, который на первый взгляд был совершенно обычный мальчик – симпатичный, общительный, дружелюбный. Прилежно учился, получал неплохие оценки. И, тем не менее, именно он стал мишенью для своих одноклассников. Именно он стал козлом отпущения, на которого сваливали все совершённые пакости. И что меня поражало – он никогда не противился, никогда не спрашивал их «А почему собственно именно я?». Я нравилась ему; он пытался заговорить со мной, рассказывал смешные истории и всячески стремился произвести впечатление, но я относилась к нему только как к хорошему человеку, которого к тому же жалела. И вот, когда мы стояли, разговаривая, возле окна или в кабинете; именно в эти моменты этим недоумкам нужно было пристать к нему. Тогда я пыталась отвернуться или сделать вид, будто я ничего не замечаю, я представляла, как ему неприятно, что это происходит у меня на глазах. Однажды это заметила учительница, разогнала дерущихся и посоветовала ему обратиться к директору, если подобное произойдёт ещё раз.

В один тёплый апрельский день мы вместе возвращались домой – он жил рядом, а я шла на остановку. Вокруг уже распускалась зелень, щебетали птички, люди, довольные и улыбающиеся бодро шагали по улицам и озирались по сторонам. Мне было хорошо, я вдыхала свежий воздух и наслаждалась волнами приходящего отличного настроения.

- Почему ты не скажешь директору? - спросила я его.

Ни секунды не раздумывая, он ответил:

- Жаловаться? Нет.

- Я бы сказала.

- Но ты девочка.

Он хотел с ними дружить, хотел быть такими же, как они, а тот факт, что изредка они вымещали на нём свою злобу – казалось, не замечал, по правде говоря, изо всех сил пытался не замечать. Он всегда был таким жизнерадостным – я просто не понимала, как можно себя так вести при такой жизни. Скорее всего, этот парень всё своё внимание пытался сосредоточить только на хорошем, а плохое не замечать, впрочем, мне кажется, это довольно удобная жизненная позиция, нежели останавливаться на отрицательных моментах, как это делаю я. Я восхищалась им. А сейчас я готова была бы всё отдать, чтобы вернуться в прошлое и защитить его. Не знаю, почему я бездействовала – боялась? Или на это были другие причины? Меня саму при каждом удобном случае толкали, пинали и кололи булавками. Я знала, что даже вступи я в спор с этими парнями – ничего бы не изменилось, меня бы просто осмеяли, обругали и продолжили бы его избивать, но я бы всё равно вернулась и всё изменила. Я бы хотела показать ему, что он не одинок, что я понимаю его и считаю его очень хорошим. Ещё одна мысль останавливала меня – он не замечал их и старался понравиться мне, не была бы моя помощь в таком случае унижительной? Не подумал ли бы он, что получать помощь от маленькой низенькой девочки это всё равно, что жаловаться? В любом случае, мне стыдно за своё поведение и я даже не пытаюсь уже найти себе оправдание – моя вина для меня так же явственна, как яркий солнечный свет.

В том классе было ещё две девочки, над которыми издевались. Одна полноватая и живущая с бабушкой, а потому немного отстающая от сверстниц в расхлябанном поведении, а другая, девочка, страдающая аутизмом. Я не понимаю, почему родители отдали её в обычную школу, а не специальную, почему не обратились к специалисту – слишком много вопросов. Учась в той школе, я ни разу не видела, чтобы её задирали, но одна девочка, с которой я более менее сдружилась, рассказывала, что они избивали её. Избивали девочку, и без того страдающую психическим заболеванием. Какая дикость.

А ещё я не знаю, как случилось так, что я не вела себя точно так же, не стала такой же, как и они. Наверное, в моей голове просто что-то было не так. Именно поэтому моё внимание и привлекла Р. – она была чем-то похожа на меня, но её состояние было в разы тяжелее, и я не была уверена, что это излечимо.

Глава пятая. К. - 2

Когда с тобой происходит какая-нибудь романтическая история, больше походящая на сюжет мелодрамы или женских романов – понять, что это реальность не так уж просто. Ты не можешь уснуть – ложаешься и накрываясь с головой одеялом можно только думать о происходящем и тихонько вздыхая, мечтать о дальнейшем развитии романа. Представляя все эти встречи, прокручивая в голове диалоги, придумывая слова для всех действующих лиц и раз за разом вспоминать уже случившееся. Так было и со мной.

Школа, тренировки и, наконец, родной дом с ожидающей меня постелью. Когда влюбляешься, в голову не лезет ничего, кроме глаз, скул, и, пожалуй, ещё губ... Кроме тех редких и прекрасных мгновений, когда вы остаётесь наедине и всё прочее отходит на второй план, когда ты слышишь беспокойное дыхание человека, который сводит тебя с ума. И он находится всего в нескольких сантиметрах от тебя. Всего в нескольких сантиметрах – вот что крутится в голове. Протяни руку и ты почувствуешь тепло человеческого тела, ощутишь гладкую ровную кожу.

После того поцелуя прошла неделя. Целая неделя незаметно брошенных взглядов, тайных вздыханий и игнорирования прямого контакта. Б. занималась на тренировках, как и обычно. Так же жизнерадостно скакала по залу, гоня мяч и забивая один гол за другим и всем своим видом показывая тотальное равнодушие ко всему происходящему. По утрам, в раздевалке, она, как и раньше здоровалась со мной, так же, не стесняясь, переодевалась, так же невзначай дотрагивалась до меня во время игры. Посмотреть на неё – и можно подумать, что совсем ничего не произошло, но я-то помню...

Для меня это был период переживаний и слёз. Я думала, а что, если это был просто мимолётный порыв, поддаваясь которому она поцеловала меня, а сейчас жалеет? Думает, как бы выкрутиться и избежать разговоров на эту тему, чтобы всё стало, как и было до этого. Разве её поведение не говорит об этом? Или оно обозначает нечто другое? Например, попытку замаскировать своё смущение и крайнюю степень стыда? Больше всего в это время меня тревожила мысль, что это неправильные отношения, ведь с самого детства нам твердили, что любой женщине необходимо обзавестись мужем, собакой и парочкой детишек. Жить жизнью обыкновенной домохозяйки, днями стряпая обеды осточертевшему мужу и детям, донимавшим своими криками. Дождаться его с работы и ко всему прочему пытаться выглядеть всё такой же привлекательной и сексуальной. Или я не права. Знаю, что во мне слишком много сексизма и шовинизма, но я с малых лет была именно такой. Может быть, любовь к девушкам была заложена во мне с самого рождения, ведь учёные до сих пор не дали однозначного ответа на вопрос врождённое это или приобретённое.

Раньше я встречалась не с одним парнем. Мы обнимались и целовались, как положено, но я ничего не испытывала. Нейтральное отношение ко всем ласкам и ухаживаниям, даже льстивые слова и клятвы в вечной любви не могли растрогать меня; они казались мне какими-то смешными, а парни ещё слишком маленькими, не готовым к взрослой жизни и длительным настоящим отношениям. Меня раздражали их жёсткие мускулистые тела с кубиками пресса, от которых обычно визжат девчонки. Они были слишком твёрдыми, не соблазнительными, я не представляла, как можно целовать это тело, как можно спать с парнем? Не то чтобы у меня было отвращение к ним, нет, они просто не нравились мне, и я не хотела никаких экспериментов с противоположным полом в этом плане. Иное дело – девушки. Высокие и низкие, худенькие и слегка полноватые – они были такими милыми и нежными. Их тела переполняла изящность и грациозность, в их плавных походках угадывались мягкие кошачьи движения, аккуратно подведённые глазки двигались во

всех направлениях и безошибочно стреляли по понравившимся мишеням, мне нравились их холёные миниатюрные ручки, с аккуратными ноготками, покрытыми всевозможными цветовыми вариантами лака. Мне нравились именно женственные девушки – с их очаровательными личиками, маленькими губками, которые так и притягивают восхищённый взор. Они знали как, что и с чем носить, как подчеркнуть свои выгодные стороны и спрятать от посторонних глаз свои недостатки. Девушки много часов уделяют своей фигуре, изнуряющим тренировкам и мучительным диетам, но оно того стоит – они были неподражаемо шикарны. Их тела были мягки и упруги, кожа была гладкой, как у младенца. Изгибы тела зачаровывали своей сексуальностью, округлые бёдра, осиная талия, грудь.

Такое тело хотелось прижать к себе, и гладить, обнимать, целовать и ни в коем случае не отпускать. Вот поэтому любить мужчин казалось мне дикостью – за что? За брутальность или мужественность? Мне это было не по вкусу.

Вожделенным взором я следила за Б., представляла её в своих объятиях, и еле успевала отвести взгляд, когда она поворачивала ко мне голову.

Развязка нашей с ней истории произошла спустя две недели. Мы снова занимались в том зале, как обычно и бывало по субботам, но только в этот раз погода была хмурая, моросил лёгкий дождь, на небе собирались тёмные тучи, да и моё внутреннее состояние полностью соответствовало этому. Изнемогая от мучивших меня вопросов, я не спала ночами, без конца ворочаясь на кровати, поворачиваясь то так, то эдак, то вообще вставая и подходя к окну, чтобы взглянуть на чёрное небо. Обычно я засыпала только к утру, измотанная и нервная, в конце концов, почему она так мучает меня? Неужели она не понимает, что мне тяжело оставаться в неведении при моих чувствах.

Первая симпатия к ней появилась у меня ещё год назад, когда она пришла к нам в команду вся такая взъерошенная, как воробушек и смешная. С вздёрнутым носиком и озорными глазами. В ней можно было разглядеть маленького непоседливого ребёнка, которого очень хочется приструнить и поставить в угол. Дружелюбная и забавная, она, быстро нашла среди наших девочек подруг и приятельниц, одна я стояла особняком от них, серьёзно поглядывая на неё, что, скорее всего и отпугивало это улыбающееся дитя. Так как произошло, что эта маленькая девочка обскакала меня в решительности и сделала первый шаг? А я стояла, поджав колени, как первоклассница и густо краснела от её прикосновений. Ох, уж эти дети.

Играя с ней в одной команде, мы не могли не сблизиться, мы болтали на тренировках и потом вместе возвращались домой, целых десять минут находясь вместе в автобусе. Эти 600 секунд были для меня чем-то особенным, отделённым от моего привычного существования.

Словом, это была моя первая влюблённость. Самая настоящая, та самая, когда теряешь аппетит и сон, страдаешь и грустишь. Поэтому когда она поцеловала меня, я оказалась на пике блаженства. Я так давно хотела прикоснуться к этим губам... И я считала, что рано или поздно я сделаю это, но каждый раз мне не хватало смелости на этот шаг.

Согласитесь, это было рискованно, ведь я не хотела потерять её дружбу, а значит, и единственную возможность видиться и говорить с ней, если бы она восприняла мой шаг в штыки, что оставалось бы мне делать, как попытаться это объяснить? С другой же стороны, во мне теплилась надежда, что она испытывает смежные с моими чувствами и поцелуй я её, она ответила бы мне и нас ожидал бы счастливый финал, но...

Но всему помешал тот день. Осенний, но солнечный, который я запомнила навсегда.

Вспоминая который у меня по телу пробегали мурашки, а в голове раздавался её голос «Не знаю». Кто же будет знать за тебя, девочка, ведь сама я тоже в неведении.

Однако вернёмся к пасмурному дню и лужам на пыльном асфальте. Я без труда добралась до зала, выскочила из автобуса и трусцой пробежалась до входа – я забыла прихватить зонт, а перспектива промокнуть меня отнюдь не привлекала.

В раздевалке уже было несколько девчонок, которые уже переоделись и теперь обсуждали какой-то популярный фильм, посмеиваясь и рассказывая о забавных персонажах. Я быстро скинула влажную толстовку и джинсы, натянула шорты и футболку, отметив про себя, что в зале будет немного холоднее, чем здесь, и я продрогну.

Дверь внезапно распахнулась и в неё практически вбежала Б., радостно размахивая пакетом с одеждой для игры.

- Всем привет! – поздоровалась она с присутствующими.

Со всех сторон послышалось «Привет» и я, чтобы не отставать, тоже промямлила «Здравствуй».

- Эй, чего такие хмурые? Никто ж не умер – тут она состроила гримасу ужаса – Или я чего-то не знаю?

- Да ты что! Сплюнь! Все живы, здоровы и вполне счастливы – белокурая девочка обвела взглядом всех сидящих – А вот ты чрезмерно перевозбуждённая.

- Просто хорошее настроение, зануды – бросила она и двинулась в лавке, небрежно закинув на неё свой пакет.

Когда она переодевалась, то никогда не стеснялась, она могла беззастенчиво рассекать по раздевалке в одном только лифчике и трусиках, хватая других за футболки и пытаясь их стянуть. Сегодня она медленно разделась, аккуратно сложив свою белую юбку и кофту на лавку и проворно накинув форму. Она ей чертовски шла и она об этом знала, как, впрочем, и все прочие, ведь именно они засыпали её кучей комплиментов.

Мы сидели и ещё долго о чём-то болтали, пока не дождались всех членов команды, и тренер не вошёл к нам с бодрым «На выход, девочки, пора показать «Фаренгейтам» класс.». Все поднялись и пошли на выход и в раздевалке остались только мы вдвоём.

- Эй, вы идёте? – нервно спросил тренер.

- Да, сейчас. К, только поможет мне кое с чем. Мы скоро придём – ответила за нас двоих Б.

Тренер удивлённо на нас взглянула и вышла, захлопнув дверь и посоветовав нам шевелиться.

- Что это было? С чем это я должна тебе помочь? – я вопросительно вскинула брови.

- Я просто хотела с тобой поговорить.

- О чём? – мой голос прозвучал взволнованно.

- Ты понимаешь меня.

- Ладно, давай.

- Понимаешь, тот день и то... что произошло..это..понимаешь, это не так просто объяснить.

- Конечно, понимаю.

- И, тем не менее ждёшь от меня объяснений?

- Да.

- Ну, хорошо. Пусть будет так – она сделала тяжёлый вздох – Ты мне нравишься – и выдохнула.

На моём лице сама собой появилась улыбка.

- Ты мне тоже.

- Правда? – её лицо просветлело – Я рада.

- И...и..что мы теперь будем делать?

- Встречаться! Что ещё делать двум людям, которые нравятся друг другу?

И тут я выдала наиболее банальную фразу, которая только могла быть в такой ситуации:

- Но мы же обе девочки...

Они хитро прищурила глаза:

- В прошлый раз тебе это не очень помешало.

- Верно.

- Хочешь повторить?

И не дожидаясь моего ответа, она прильнула ко мне и поцеловала. Я обхватила её талию руками и прижала к себе, пытаясь ощутить каждый изгиб её тела. И тут, по закону подлости и как обычно случается в фильмах, а моя жизнь в последнее время напоминала именно фильм, дверь открылась и в комнату вошёл тренер, да так быстро, что мы едва успели отскочить друг от друга.

- И чем это вы тут занимаетесь?

«Она помогала мне распутать волосы», «Я щупала лоб на наличие температуры» - одновременно произнесли мы и покраснели от стыда.

- Хм, ладно, в любом случае, марш заниматься!

И мы вышли из раздевалки следом за тренером.

Глава шестая. Хелп

Чтобы добраться до школы требуется четыре песни Агаты Кристи или три песни Лакримозы . Если время года - зима, то нужно с особой тщательностью составлять плейлист – вытащить руки из карманов возможности не представится, или рискуешь отморозить всё, что находится ниже запястья. 14 декабря – это скучно. Необыкновенно скучно. С неба быстро опускается снег, превращая всё вокруг в белоснежные громадные комья и мгновенно заматывая всякие следы. В столь ранний утренний час я, как всегда, выхожу из дома и шагаю по направлению школы, с заткнутыми в уши серебристыми наушниками. Люди почему-то оборачиваются и странно на меня смотрят; вот уже пару месяцев, а я всё не возьму в толк по какой такой причине. Я особенная что ли? Или выгляжу как-то не так?

В ушах разрывается «А за окном снежинки тают, за окном кого-то убивааают». Какая подходящая песня для сегодняшнего утра. И, впрочем, для любого другого утра, потому что в это время непременно хочется взять в руки автомат Калашникова и начинить свинцом всех необъятных туш, которые не глядя, налетают на тебя и толкаются. Именно утром понимаешь степень своей ненависти к людям, к этим сонным мухам, летящим по своим таким же мелким, как и они сами, делам. Которые двигаются по инерции, сталкиваются с друг другом и отлетают в пространство для столкновения с новым телом, совсем как молекулы, только с меньшей пользой для Земли. Человек – единственное лишнее существо во всей Вселенной. Мы не несём ничего, кроме хаоса и разрушения. Наше безрассудное поведение заставляет нас точить ветку, на которой мы сами сидим. Если кроме нас и вправду не существует других разумных цивилизаций – наша жизнь становится на порядок бессмысленнее, чем обычно. На Земле смысла нет. И никогда не было.

Если Бог существовал, то, уверена, он уже мёртв. Пустил в свою божественную голову небесную пулю, ибо наблюдать за нами – сплошная скука. Ничего нового. Всё уже было, ничего не меняется. Люди всё так же в погоне за материальным благополучием готовы шагать по трупам бывших сотоварищей, подобные Иуде продают своих друзей, миллионы жертв обмана и жалких инсинуаций. Предательство, ложь, смерть, любовь, страсть. Никаких новых чувств, никакого, по сути, полезного прогресса – разве что убивать и лгать научились куда искуснее, нежели прежде. Он может читать наши мысли? Из года в год, из столетия в столетие, всё те же мысли, будто Бог обречён вечно блуждать по лабиринту, из которого нет выхода. Поток мыслей на ту или иную тематику замкнут, он переключивается из одной головы в другую. Не стоит ли такой беспросветный тупик того, чтобы возненавидеть нас?

Что появилось нового помимо зомбирующего телевизора, интернета, модных гаджетов, чрезмерного пафоса и непомерной гордыни? Чем изменился человек? Эволюция мышления и поведения существует, но она движется так медленно, что наблюдая за ней, начинает клонить в сон.

Сейчас, в эпоху всеобщей моды на мизантропию и цинизм ненавидеть людей и говорить об этом – как минимум глупо, но я ненавидела людей ещё до того, как это стало мейнстримом. Не то чтобы я как некоторые грубые личности всем хамлю и посылаю, напротив, я абсолютно нейтрально с ними всеми общаюсь, но дело в другом. Я ненавижу в них пороки и их грязь, но больше всего я ненавижу их за скуку – ибо никто не может удивить меня, никто не поведаёт мне новой истории, которая потрясёт меня. Я ощущаю себя бывалым человеком в почтенном возрасте, повидавшим на своё веку уже всё, что возможно и теперь мучающийся от осознания невозможности испытать новые чувства, а

ведь я ещё совсем молода. Я нахожусь в «прекрасном» возрасте, который воспевают все поэты, я молода, я ещё могу изменить свою жизнь, но...зачем? Я всё равно не смогу дать миру ничего нового. Совсем ничего. Все мои мысли, все мои слова уже сказаны задолго до моего появления, всякая Идея уже существовала.

Я поднялась по скользким ступеням школьного крыльца и с силой пнула дверь ногой. Здравствуй, школа, вот и я. В раздевалке не протолкнуться – все снуют туда-сюда и больно наступают на ноги. Младшеклассники крутятся возле двери, голосят и ужасно медленно переодеваются. Позже всего в школе появляются ученики старших классов – за одиннадцать лет каждодневных мучений в этом адовом заведении они начинают понимать, что большинство предметов, на которых было бездарно потрачено их время, не пригодятся им в жизни. Я уже довольно-таки давно прошла через это и перестала уделять много времени учёбе уже с шестого класса. Учителя раньше казались мне вполне нормальными людьми, а дети порой дружелюбными, но когда у меня возникли проблемы, вылившиеся в депрессию, никто просто не обратил внимания. Никто и не должен был обращать на это внимание – так устроено в нашем мире. И вот тогда я подумала, а какого чёрта я что-то кому-то должна, если никто в свою очередь ничего не должен мне? Почему я должна безропотно выполнять все требования людей, которых не уважаю и с точкой зрения которых не согласна? Хотя, признаться, я охладела к учёбе больше по причине потери любознательности. Мне стало почти всё неинтересно, мне стало всё равно..

Виртуозно орудуя локтями, я всё же смогла добраться до раздевалки и переодеться. Прозвенел звонок и кишачая толпа кричащих, сопящих и кашляющих людей двинулась каждый по своим кабинетам. Я поднялась по лестнице на второй этаж и вошла в свой кабинет – первым уроком был русский язык.

На меня уставилось почти три десятка сонных глаз, в которых легко можно было прочесть «Спать. Спать. Как же я хочу спать, какого чёрта я здесь сижу?». Я чуть больше, чем полностью была с ними солидарна, как говорится обеими руками «за»! И ногами кстати тоже. Что нашло на министров образования, когда они решили начинать занятия с восьми часов утра? Неужели нельзя было перенести это хотя бы на два часа вперёд – пожалуй, ученики были бы более усердны в учёбе, если бы думали об уроках, а не о том, что ещё одна минута и они просто отключатся. Разумно, не правда ли?

Я уселась на своё место и лениво достала из рюкзака учебник и тетрадь.

Немного полноватая учительница средних лет с всегда приятным выражением на лице оглядела присутствующих оценивающим взглядом.

- Итак, открываем тетради, записываем число, классная работа.

- А вы проверили наши сочинения? – послышалось с задних парт.

- Да. Неплохо написали, хотя могли бы лучше. Семь хороших сочинений, молодцы.

И нам раздали тетради с нашими сочинениями на тему «Моё будущее». От нас требовалось написать чего мы хотим добиться, кем стать и объяснить свой выбор. Такие темы даются ещё в младшей школе и уже тогда нам приходится врать. Например, в сочинении «Кем я хочу стать» - «я мечтал бы стать президентом, чтобы улучшить жизнь каждого человека в нашей стране», а не «я хочу занимать руководящую должность в стране, чтобы иметь власть и деньги и заниматься всем, чем заблагорассудится». Мне всё время не оставалось ничего кроме как выдумывать разные счастливые моменты своей жизни на новый год или на каникулы и описывать их так красочно, чтобы сама я стала сомневаться в том, что этого не происходило на самом деле. Порой даже становилось жаль, что действительность моей жизни не соответствовала всем этим красивым словам. Что новый год я всегда проводила сначала с семьёй, а затем в гордом

одиночестве. Каникулы проходили немного разнообразнее, но тоже без особенных событий и изменений.

Под моим текстом стройного почерка стояла красная жирная пятёрка.

- Кстати, Р., очень смешно. Глупая проделка! – раздражённо сказала учительница.

«А что она сделала?», «Что случилось?» - слышалось со всех сторон.

Учительница, казалось, минуту колебалась говорить или нет и, видимо, сделав выбор в пользу первого, произнесла:

- Написала «У меня нет будущего».

По классу прошёл смехок. Кто-то лишь улыбнулся, другие хохотали во весь рот.

Нет будущего. Она так считает? Действительно так считает или что это за странное сочинение?

После выставления оценок мы написали ещё одну самостоятельную, разобрали пару упражнений и совсем неожиданно прозвенел звонок, возвещающий о конце первого урока. Ура, первый отмучились – так и говорили глаза всех присутствующих.

И все разбрелись кто куда. Некоторые в следующий кабинет, другие в столовую, а кто-то просто слоняться по школе. Я же, как и всегда, незаметно последовала за Р., но по дороге меня поймала М.

- Эй, куда это ты? – прокричала она мне на ухо.

- Ноги разминаю – затекли.

- Понятно – бросила она – Слушай, сегодня Л. устраивает посиделки у себя дома и попросила меня передать, что ты тоже приглашена. Пойдёшь?

Р. всё дальше удалялась от нас по коридору, а я стояла и рассеянно слушала М:

-Хм, не знаю даже, а во сколько это?

- Собираемся в десять часов и с ночёвкой. Если ты согласна – я напишу тебе адрес. И советую сходить, ты новенькая, познакомишься со всеми. К тому же у Л. всегда классные вечеринки, её отец директор ликероводочного завода, так что...сама понимаешь.

- А Р. не приглашена?

- Нет, разумеется – раздражённо проговорила М – кто её будет приглашать? Да и чего она тебе вообще далась? Просто больная девчонка, что здесь интересного? Хватит уже выпрашивать о ней!

- Мне просто интересно.

- Ну да, интересно каково это быть такой же, как она? А ты именно такой и станешь, если не прекратишь себя глупо вести.

- Я как-нибудь разберусь с этим.

- Как знаешь – и М. поправив сумку на плече, развернулась и удалилась в направлении столовой.

До чего же назойливая девушка! Ненавижу людей, которые всё время пытаются навязать другим своё собственное мнение. Вы просто стайка шакалов, издевающихся над беззащитной девушкой и требующих от меня уподобления вам. Ничего не выйдет – меня не сломить. Управлять мною не раз пытались родители, знакомые, все кому не лень, но каждый оставался ни с чем – так уж вышло, что на всё у меня было лишь своё мнение, на которое никто не мог повлиять.

И сейчас ко всему прочему я ещё сомневалась, стоило ли мне соглашаться пойти на вечеринку? Мною руководило то самое чувство, когда подсознание трубит тебе о том, что возможен лишь один вариант, а остальные ты обязана отмести – и я, как обычно, поддавалась своему внутреннему голосу.

Оставшиеся уроки пролетели незаметно. Звонок прервал череду этих мучительных занятий. А Р. по своему обыкновению, снова исчезла. Сколько бы я не пыталась

проследить за ней – всё было напрасно, будто прямо со стула она мгновенно переносилась домой. Будто растворялась в воздухе...

Глава седьмая.

Когда я открыла глаза – была глубокая ночь. В голове до сих пор крутился сюжет моего кошмара. Я в широком белом, чуть ли не прозрачном платье, без обуви. Я быстро бегу по тёмному громадному лесу, больно натываясь босыми ногами на шишки и корни, спотыкаясь, загребая грязную землю ногтями и корчась, снова поднимаюсь и бегу. Сначала я не понимаю от кого или чего я бегу, но ясно было одно – бежать, бежать. Без оглядки бежать и ни за что не замедлять бег. Главное, убежать как можно дальше, выбраться из этого леса и попасть в безопасное место.

Сердце колотится с бешеной частотой, ноги путаются. Мне кажется, что я сейчас потеряю сознание – вот ещё немного и упаду замертво. А вокруг лишь страшный лес, безотрадно тёмный. Высятся исполинского размера деревья, что кажется, кронами они задевают небо. Сквозь их скрюченные, как костлявые руки, ветви плывёт бледная луна, освещая лес своим зловещим светом.

Через каждые два метра я падаю, а почва тут рыхлая, испещрённая маленькими дырочками, из которых высовываются жирные земляные черви, извивающиеся и копошащиеся. Рядом с ними пробегают ещё полдюжины мерзких насекомых с мохнатыми лапками и маленькими узкими тельцами. Я вскакиваю, как ошпаренная и стараюсь больше не упасть, представляя себе этих отвратительных гадов.

Тут всё озаряется желтоватым матовым светом – я поворачиваю голову назад и, наконец, вижу своего преследователя. Это высокий человек в костюме арлекина, держащий в длинной руке большой старинный фонарь. Он не бежит и даже не ускоряет шаг, он медленно, но уверенно идёт за мной, будто точно знает, что куда бы я не побежала, куда бы ни старалась спрятаться он обязательно поймает меня – и от этого становится ещё страшней, чем если бы он действительно бегом гнался за мной.

Я не могу увидеть его лицо – оно скрыто за маской, но мне почему-то кажется, что на нём играет злая ухмылка. Да, именно так. Злая ухмылка человека, уверенном в успешном окончании своей погони.

Он приближается, теперь он не так далеко от меня, хотя я бегу, а он еле шагает. И вот, я поворачиваюсь к нему спиной, но вижу, как он протягивает ко мне руку и кладёт её на моё плечо. В этот момент я просыпаюсь.

В комнате удушливо жарко, я откидываю одеяло в сторону и стараюсь отдышаться – состояние точно такое, как если бы я в реальности убегала от кого-нибудь. Я смотрю в сторону – на часах три часа ночи. Отлично, я проспала свою долгожданную вечеринку, на которую меня так старательно зазывал внутренний голос. Ребята, наверное, очень весело отдохнули, как это обычно бывает на подобных попойках. Сигареты, алкоголь – всё самое запретное, а значит, привлекательное для подростков, вообразивших себя взрослыми. Это их особый мир, и переступившим его черту – обратно дороги нет, ты вырастешь раз и навсегда. И больше уже никогда так заманчиво не предстанет перед тобой перспектива напиться и пофлиртовать с кучей девчонок, совершить десяток глупостей и получить за это наказание от родителей. Тут действительно всё дело в запрете, а вернее в нашей жёлании обрести свободу, хотя мы даже не можем однозначно сформулировать её определение. В детстве мы все думали, что стоит нам стать взрослее жизнь станет по-настоящему счастливой, мы сможем покупать только то, что нам нравится, есть, что захочется. Время прошло и вот мы взрослые и что изменилось? Получив возможность воплотить свои прежние мечты, мы потеряли к ним интерес. Получается, нам нужно лишь ощущение свободы, но не сама свобода. Мы обманываем самих себя, но как же это сладко, как приятно.

Однако, я уже утратила это чудесное ощущение и для меня вечеринка – просто вечеринка, а потому и жалеть о том, что я её проспала – было бессмысленно. «Лучше бы мне сейчас подняться, чем-нибудь заняться, а потом снова лечь» - подумала я, и окончательно отойдя ото сна, встала с постели. Но ничего не лезло в голову – я всё думала о своём сне, а заниматься чем-либо было настолько невыносимо, что мне пришлось снова лечь. Проворочавшись до шести часов утра я, наконец, уснула всего на час.

И вот снова учебный день. Кофе, утро, хмурые лица – до безобразия наскучивший картина будней. А ещё понимание того, что это самое счастливое время из предстоящего. Школа, университет, работа. Звучит страшно. Особенно для таких оторванных от остального общества, как я. Всё не так, всё не по-людски.

Сегодня не слишком морозно. Вчера выпал снег и на улице изумительно красиво. Эта невинная белизна, ещё не запятнанная грязью из луж талого снега, брызгами от машин и мусором. Небо всё такое же бесцветное, как и бывает зимой. В это время года создаётся впечатление, что землю поместили под огромный стеклянный купол. Время – восемь часов семь минут – я медленно иду в школу.

Пыльные люстры распространяют унылый свет, придавая кремовым обоям особый оттенок. За окном всё так же темно – в голову лезут странные мысли. На уроках всегда можно думать о чём угодно, только не о самих уроках. О жизни, смерти, Р., себе, школе, одноклассниках – тем сколько угодно.

М. зло посматривает на меня, наверняка сердится, что я не пришла на их вечеринку, а Р. тихонько сидит на задней парте, уставившись в одну точку. По ней видно, что сегодня она тоже не спала – под потускневшими глазами большие тёмные синяки, усталый вид, уголки губ, как всегда, слегка опущены вниз. Изредка она оборачивается и посматривает на часы, висящие на задней стене класса. Мне нестерпимо хочется дотронуться до неё прямо в эту минуту. Р. выходит из своего оцепенения и смотрит мне прямо в глаза, должно быть, заметила, что я за ней наблюдаю, я резко отворачиваюсь и делаю вид, что увлечена уроком. Я уже не маленькая, но такие вещи по-прежнему меня смущают, я не могу прямо смотреть в глаза человеку, который мне нравится – мне кажется, что он может прочесть все мои мысли.

Всё оставшееся время я не оборачиваюсь и не смотрю на неё – вдруг она решит, что я вообще слежу за ней, или что я ненормальная.

Звонок. Я забрасываю учебники в рюкзак, но остаюсь за партой, пока Р. не выйдет из класса, но как только она скрывается в дверном проёме, я резко встаю и иду следом. В моей слежке нужно быть максимально осторожной, ведь я хожу за ней повсюду, постоянно приглядываю. Я – её тень. По крайней мере, мне очень бы этого хотелось. Она останавливается возле кабинета иностранного языка и устраивается на полу возле батареи. Поза лотоса, сумка рядом, а в руках плеер и книга. С безразличным выражением на лице она переворачивает одну страницу за другой.

К ней подходит шайка тех парней, которые обычно издеваются над всем, что движется, и все её участники кольцом окружают сидящую на полу маленькую фигурку. Она озадаченно вскидывает голову, как будто не понимает что происходит, а рослый парень с сальными свисающими волосами, одним ловким движением выхватывает у неё книгу.

- Так-с, посмотрим, что тут у нас – громко произносит он и смотрит на обложку. – Репарк? Что за бред?

Она тянет руки в попытке отобрать книжку, но окружавшие её парни бьют по ним. Моё тело прожигает острая боль, как если бы меня саму ударили, в крови вскипает

ярость. На ум сразу приходит всё та же история с парнем, которого я даже не пыталась защитить и я понимаю – медлить нельзя, бездействие убийственно. Кто они такие, чтобы прикасаться к ней? Какое они имеют право? И какое имеют право все остальные равнодушно наблюдать за происходящим?

На этот раз я мало думала о том, что меня могут причислить к изгоям и преследовать уже меня, о том, что моя помощь может показаться ей унижительной, что я не смогу помочь, нет, ни о чём этом я не думала, когда твёрдым шагом приближалась к участникам разгоревшегося конфликта.

Парень стоял ко мне спиной, поэтому я смогла обойти его сбоку и выхватить книгу, он повернулся и ошалелым взглядом окинул меня снизу вверх.

- Ты ещё кто такая? – недовольно пробурчал рядом стоящий.

- Не трогайте её! – рявкнула я под неодобрительные взгляды всей этой кучки.

Парень заметно заинтересовался появлением новой мишени и теперь уже рисовал в своём воображении чем можно меня задеть.

- Тогда быть может нам переключиться на тебя?

- Может быть. – он явно не ожидал такого ответа.

- Кхм...на первый раз мы тебя простим, крошка, и будем надеяться, что ты не повторишь своей ошибки, а то будет плохо. – немного поразмыслив он добавил – и не только тебе.

Затем он обернулся к своим приятелям:

- Уходим, ребята.

И они удалились то и дело оборачиваясь и пялясь на меня, будто бы я была новым экспонатом в музее. А я повернулась к Р. и протянула ей книгу, она неуверенно взяла.

- Спасибо – услышала я голос, от которого у меня по телу побежали мурашки.

- Не за что.

И я вошла в класс. Первая победа за мной. Они оставили меня в покое только лишь потому, что не ожидали такого разворота событий – обычно их все боялись и забивались по углам при их появлении, но на самом-то деле банда суровых накачанных хулиганов была ни чем иным, как сворой трусов. Вместе они разрушающая сила, но поодиночке – ничто, однако в одиночестве никто никогда и не оставался. Все члены группы вступались друг за друга, как брат за брата. Разумеется, это происходило вне школы и потому ускользало от пытливого взгляда директора, или же тот старательно делал вид, что ничего не замечает. В сущности, от этого дело не менялось. Я застала их врасплох, шокировала и они отступили. В следующий раз будет, определённо, сложнее, но я всё равно её не оставляю. Ни за что. Эту девушку никто не посмеет обижать, пусть даже это будет стоить мне собственного физического и морального здоровья.

В продолжение этого учебного дня я несколько раз ловила на себе взгляд Р. , она будто пыталась раскусить меня, узнать что я за человек и стою ли её драгоценного внимания. Теперь мы обе, похоже, были заинтересованы друг в друге. Я пыталась узнать кто она, а она понять меня и мои намерения. Неплохое начало.

Глава восьмая. Целесообразность.

За всю мою не слишком длинную жизнь у меня никогда не было друга. Не было даже приятельницы или просто хорошей знакомой. Мне не с кем было разговаривать, делиться чем-то интересным или забавным, гулять, вместе выбирать одежду, ходить в кафе. Всё я делала одна. Одиночество – это моё второе имя. Ему можно дать любое определение. Для некоторых это свобода, для других напротив тюрьма, кого-то это тяготит, а другие сами к нему стремятся. Думаю, в моём случае будет верно сказать так – поначалу мне было страшно быть одной, мне нужны были друзья, на которых я смогла бы положиться, но их не было, меня окружали люди и, казалось, мы говорим с ними на разных языках. Однако, с годами появились люди, предложившие мне взаимовыгодное использование, именуемое дружбой, на что я сказала твёрдое «нет», успев к этому времени как следует рассмотреть сущность людей. Что такое собственно дружба? Использование. Попытка скрасить своё одиночество. Способ унять скуку.

Во всех моих предыдущих школах за меня пытались уцепиться всякие зануды и неудачники, таких персон я притягивала, словно магнитом. Одна всё время говорила о своём превосходстве, о том, что однажды она станет известным человеком, занимающим высокую должность, завидовала отличной учёбе собственного парня и вообще являлась отвратительным человеком. Другая находила во мне жилетку, чтобы выплакаться и рассказать свои грязные секреты, и я удерживала ладонью рот, чтобы меня не вырвало прямо на неё. Интересно, это и было то, что люди называют дружбой?

Во всяком случае, в этой школе я так же не заметила нормальных людей, кроме М., да и та была законченной конформисткой и мисс Посредственность. Другое же дело Р.. Я знала, что она не станет передавать слухи, использовать меня или нести полную чепуху. Я ни разу не общалась с ней, но твёрдо это знала, даже была уверена. Р. – это то, что способно меня удивить. Это единственное интересное в моей жизни.

После того случая с этими громилами, я заметила, что меня стали сторониться. М. едва завидев меня в коридоре, воодушевлённо начинала разговаривать с любой попавшейся знакомой, или просто сворачивала в кабинет поблизости, но её усилия были не только лишними, но и бесполезными – я даже и не собиралась к ней подходить. Те парни и их приятели вопросительно поглядывали на меня, будто их взгляд расколол бы меня как грецкий орех и они бы узнали что я за фрукт. В общем говоря, наполовину я уже являлась изгоем, что волновало меня гораздо меньше, нежели то, что Р. по-прежнему на меня поглядывала. За это я готова была бы отдать всё, чем обладаю, но это не так уж много...поэтому вдобавок я бы могла подарить свою жизнь. Стоило ей один раз взглянуть на меня и весь оставшийся день я проводила в прекрасном расположении духа – мечтала, представляла как стала бы с ней разговаривать, думала какой шаг предпринять дальше и день за днём не предпринимала ничего...На удивление, я больше не замечала, чтобы к ней приставали – она слишком быстро удалялась в библиотеку, и теперь уже не читала возле батареи. Изредка на уроках в неё пытались бросить скатанные кусочки бумаги, но так как я сидела не так далеко от неё, я их перехватывала. Вот и все школьные события.

На улице темно, все домашние уже давным-давно спят, но я, подобно часовому, стоически переносу свой пост. Не то чтобы я что-то сторожу, но по ночам не спать намного приятнее, чем днём. В голову лезут интересные мысли, можно в тишине и спокойствии подумать, в конце концов, просто полежать или послушать музыку. Но только не сегодня. Сегодня в нашем доме невыносимо жарко и вдобавок чертовски скучно. Я уже была в ванне, читала, сидела за компьютером, слушала музыку, рисовала,

готовила кофе, считала ворон в буквальном смысле этого слова (они до сих пор слетались возле моего окна) и всё равно мне было тоскливо. Ни одно занятие не отвлекало меня от сосущего чувства внутри меня, требующего заполнить пустоту. Я должна была сделать что-то, отличающееся от моих обычных поступков. Чего я никогда не совершала? Нужно подумать. Но думать сейчас просто нельзя. От духоты мне трудно дышать и даже открытое окно не спасает. Мозгу не хватает кислорода и, наверное, именно поэтому ничего не идёт на ум.

Я встаю и прохожусь по всему дому, заглядывая даже в подвал и на чердак. В последнем я останавливаюсь ненадолго и нахожу много занятных вещей, оставленных предыдущими хозяевами. Из старого сундука, настолько древнего, что, кажется, он рассыплется в прах от одного прикосновения, я извлекаю тетрадь в кожаном переплёте с пожелтевшими от времени страницами. В ней на каждой странице небольшие рисунки и краткие четверостишия, а посередине даже засушенная белая роза. Я откладываю находку в сторону и продолжаю поиски. На глаза попадает керосиновая лампа, оторванные пуговицы, потемневшее серебряное колечко идеальной формы и письмо в конверте, адресованное некой «Анне Вишнёвой». Я открываю его и уже готовлюсь прочитать, возможно, признания в любви, или записки с фронта, но нахожу в конверте лишь пепел сожженного письма. Должно быть, отправитель сильно обидел эту самую Анну Вишнёву. Захлопнув сундук, ибо больше ничего интересного там не нашлось, я срываю покрывало с чего-то громадного и вижу себя в полный рост в запыленном зеркале. Похоже, на этом всё. Я иду к выходу и по пути безжалостно давлу двух маленьких паучков, попавших в круг света моего фонарика.

Итак, я снова в своей комнате и если останусь в этих четырёх стенах ещё хотя бы десять минут, то просто позеленею от тоски. И тут мой взгляд падает на распахнутое окно. Вот она мысль! Мне нужно прогуляться. Просто необходимо. Порывшись в шкафу, я отыскиваю тёплую кофту и джинсы и с умопомрачительной быстротой натягиваю всё это на себя. Беру наушники с телефоном, обуваюсь, накидываю куртку и незаметно выскальзываю из дома, погружённого в сон.

На улице необычно тепло для зимы. Дороги – сплошная грязь и слякоть, но мне это даже нравится, во всяком случае, лучше, чем лёд, а значит и вероятность грохнутья и что-нибудь себе сломать. На синем небе загадочно мерцают крошечные звёзды, от света луны снег кажется голубоватым. Где-то вдали исступленно лают собаки, но их лай растворяется во всепоглощающей ночной тиши. Всё вокруг так прекрасно, когда лишено присутствия людей. Эти маленькие домики и рядом большие многоэтажки, припаркованные и забытые до утра машины, пустынные проезжие дороги – всё так таинственно и хрупко. В такие ночи всегда ожидаешь, что тебя повсюду поджидает опасность – кто-то притаился за кустами, усыпанными снегом, кто-то спрятался в просторе уютных двориков, кто-то бесшумно крадётя за тобой, чтобы подобраться поближе и вонзить холодную сталь в податливое тело. Но я не боюсь. Если бы передо мной выскочил маньяк и полоснул ножом, последние мои слова были бы «как предсказуемо». И если бы этого не случилось, то интересного так же мало, ведь процент совершения убийства в эту минуту крайне мал.

Передо мной километры тёмного асфальта, ведущие в никуда. Я на краю города. Если проехать чуть дальше начнутся бесконечные ряды складов, заводов, гаражей и недостроенных домов. Напротив дворика, состоящего из трёх пятиэтажек, высится жилой дом из четырнадцати этажей, выкрашенный в бледно-персиковый цвет. Кодовая дверь на ночь отключена и дверь распахнута. Мне не пришлось долго думать, чтобы прошмыгнуть в тёмный проём и нажать на тугую кнопку вызова лифта. Он опустился на

первый этаж и передо мной медленно раздвинулись двери, открывая путь в заплёванное помещение лифта. Я надавила пальцем на прямоугольную кнопку с цифрой 13.

Оказавшись на площадке, тускло освещённой фонарями в паутине, я сразу же заметила покрытую цементом лестницу, ведущую на техэтаж и крышу. На её ступенях одиноко стояла бутылка из под пива с яркой этикеткой золотистого цвета, а рядом в консервную банку были небрежно брошены бычки от сигарет. Поднимаясь, я постаралась не наткнуться на этот мусор и не оступиться в темноте – ведь сюда свет практически не проникал. Я толкнула деревянную дверцу, обитую листами железа, и стараясь не производить слишком много шума, залезла на крышу.

Как же здесь изумительно красиво ночью. Виден жёлтый свет фонарей, окна, где люди ещё не спят. А на небе тучи открыли взгляду рогатый полумесяц. Здесь было так спокойно, как нигде на земле. Так тихо и безопасно. Здесь я была ближе к звёздам. Я запрокинула голову вверх и замерла в этом положении на несколько минут. Там, в звёздной пучине неизменно мерцает неземная красота, не одно столетие заставляя людей восхищаться своим заманчивым светом. Там, в космическом безмятежном пространстве покоятся планеты на своих орбитах, вращаются спутники, происходят взрывы на солнце. Если бы я могла улететь высоко-высоко, в самую неизведанную даль, я бы сделала это ни секунды не мешкая. Где ещё искать смысл жизни, если на Земле его нет? Возможно там, где зародилась эта жизнь? В безграничном космосе? И, быть может, спустя тысячу или две тысячи лет после моей смерти, человек, наконец, прочно обоснуется в этом безвоздушном пространстве и сможет жить на других планетах, искусственно поддерживая нужную температуру и обеспечивая необходимые условия для выработки кислорода. Человек станет на порядок совершеннее, но я этого уже не увижу. Может быть, именно тогда я бы восхитилась плодами человеческой изобретательности, может быть, тогда это самое человечество перестало бы быть таким жалким и ничтожным. Отчего мир устроен так, что ты рождаешься в тот момент, когда всё интересное уже прошло, а САМОЕ интересное предвидится только после твоей смерти?

Даже отсюда слышен встревоженный вой дворняг, но когда он затихает, город снова погружается в тишину. Ночь – самое прекрасное время суток. Только ночью то, что кажется обычным при свете дня, приобретает оттенки таинственности.

Я вставляю в уши наушники и на всю громкость включаю любимые песни. Немного посидеть на краю, немного послушать музыку – это всё, что мне нужно этой ночью, не хватает только присутствия Р.

И только после трёх часов, проведённых на крыше, мне становится холодно, и я понимаю, что мне уже давно пора возвращаться домой. Я спускаюсь по лестнице и быстрым шагом иду по направлению своего дома, а самое важное то, что моё сегодняшнее путешествие подсказало мне что делать дальше. В моей голове, вдохновлённой очарованием ночи, созрел план. Чего я жду, обращая её внимание на себя? Может, попытаться прямо и открыто с ней заговорить? Сказать самое банальное, что только может быть – «привет». А почему бы и нет? Вдруг она не окажется такой колючей, какой кажется, вдруг это лишь защитная маска? И если я попробую наладить с ней контакт, возможно, сумею приблизиться к её сути, уменьшить её боль, излечить, насколько это возможно. Да, решено! Сегодня же в школе я к ней подойду.

На четвёртой, самой большой перемене я поднимаюсь в библиотеку. За самым последним столиком сидит Р. и держит в руках книгу в зеленоватой обложке. Я наблюдаю за тем, как её тонкие пальчики с длинными ногтями, выкрашенными в чёрный цвет,

переворачивают страницы и изредка поправляют упавшую на лицо прядь. Её лицо бледное и безжизненное выражает бесконечную усталость – я только сейчас заметила НАСКОЛЬКО она кажется уставшей. Веки глаз немного опущены, как и уголки губ, щёки еле заметно впали, а сама она несколько сутулится.

Я прохожу вглубь стеллажей с книгами и выбираю первую попавшуюся – это оказалось собрание сочинений Маяковского, записываю её у библиотекаря и сажусь рядом с её столиком. Делать вид, что читаешь, а самой посматривать на человека – дело сложное и я, честно говоря, безобразно справляюсь со своей задачей. У библиотекаря звонит мобильный телефон и он торопливо выходит из помещения, а я продолжаю свою слезку.

- Ты считаешь, что стихи Маяковского написаны прямо на мне?

Миссия провалена. Объект меня заметил.

- Извини, пожалуйста, я не знаю что на меня нашло.

- Да ничего. Слушай, я не имею представления о том, чего ты добиваешься, но лучше тебе держаться от меня подальше. Так будет лучше. Для тебя самой.

- Ты имеешь в виду, что на меня тоже объявят травлю? Мне всё равно! – в пылу воскликнула я. Как она могла подумать, что я окажусь трусом?

- Да. И не только это. Почему бы тебе просто не примкнуть ко всем остальным и не начать охоту на меня?

- Я не такая, как остальные.

- Вижу.

Между нами повисло неловкое молчание, а затем я заговорила:

- Я не боюсь их. Не боюсь быть изгоем. Я ничего не боюсь. Почему нам нельзя просто общаться? Мне кажется, у нас бы нашлось достаточно много общих интересов для этого. Она бросила на меня взгляд, полный какой-то невыразимой тоски и боли, а потом резко захлопнула книгу и встала.

- Мы не можем общаться!

- Да почему?!

- Это нецелесообразно. Ясно?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но она меня перебила:

- Последний вопрос риторический. – и пулей вылетела из библиотеки.

Но я так быстро не сдаюсь, да, в общем-то, никогда не сдавалась. Нецелесообразно? Я это исправлю. Клянусь, что исправлю.

Глава девятая. На краю.

На первом уроке Р. не было, она не пришла и на второй и вообще отсутствовала целый учебный день. Её часто и подолгу не бывало в школе, но сегодня мне это показалось особенно тревожным. Или из-за вчерашнего нашего разговора, или из-за смутного предчувствия. Но, в конце концов, что с ней могло произойти? Насколько я знаю, она была стабильна в своём депрессивном состоянии и эмоциональных скачков не предвиделось. Однако всегда подозреваешь только самое страшное.

Школа без неё – это сырые кирпичные стены и покатая крыша. Это просто здание, которое мне безразлично. Другое же дело, когда я знаю, что где-то в её просторных коридорчиках сидит маленькая фигурка и читает, или слушает музыку. Или что она сидит в библиотеке и что-нибудь изучает, обводит карандашом слова, которые я потом найду и обязательно запомню. На которые я буду смотреть, и думать о ней, пытаться уловить на книжных страницах прикосновение её пальцев. Я буду знать, что она сидит в каком-нибудь кабинете и смотрит в окно, за которым неторопливо крупными хлопьями опускается снег. Что вот она, стоит мне войти в класс, и я встречу с ней взглядами. Только её присутствие придавало школе то значение, какое она для меня имела. Место, где я встретила её, место назначенное, наверное, самой судьбой.

Но сегодня за окном не шёл снег. Был ясный день и голубое с пухлыми белыми облачками небо. Если не обращать внимание на голые деревья и землю, можно было бы подумать, что сейчас один из жарких летних деньков. Моими мыслями завладела только Р. и как бы я не старалась – не смогла вникнуть в слова, которые быстро и чётко произносила учительница. Вообще, я люблю историю, но только не в этот раз. Все эти политические интриги, любовь, война, деньги, честь, борьба за мир и самостоятельность – всё это захватывающе. Выдающиеся личности вождей, царей и цариц, особенности традиций и культуры каждого государства, древний мир и древние люди – да, это очень интересно, но не тогда, когда единственный смысл твоей жизни сейчас находится в неизвестности. Чем она сейчас занимается? Спит? Сидит за компьютером? Читает? Ведь я даже близко не знаю, чем она может заниматься в свободное от учёбы время. Не думаю, чтобы у неё были друзья или чтобы она гуляла в какой-то компании – для такого она была слишком замкнута. А значит все эти дни, включая выходные и праздники, она проводит в одиночестве. Наедине с самой собой. Каково это? Как она переносит одиночество? И находит ли она его таким же приятным, как и я, или наши представления об этом сильно различаются? У меня к ней миллионы различных вопросов, вплоть до таких, какой у неё любимый запах или каким мылом она пользуется, но я не уверена, что мне выпадет счастливая случайность задать ей их. Это было бы больше похоже на допрос или анкетирование, а так разговаривать с людьми нельзя. Я не хотела бы узнавать её постепенно, хотя только это сейчас и делаю, я бы пожелала узнать всё и сразу, все секреты, тайны, страхи и комплексы. Я бы смогла выслушать абсолютно любые мысли, на какие только способен её мозг. Но для этого не хватает как минимум ростка доверия между нами, а максимум её близкого присутствия. Ну, где же ты, Р.?

Я сижу, уставившись на циферблат моих наручных часов, и лениво наблюдаю задвигающуюся стрелкой. Урок идёт уже ровно тридцать семь минут – осталось совсем немного, стоит только чуть-чуть подождать. Для меня сейчас одна минута тянется, как добрых два часа, будто время плавится и превращается в тягучую карамель, которая всё тянется, тянется, и нет её конца и края. Я уже предвкушаю чем займусь после уроков и что самое интересное – мой мозг категорически протестует, чтобы сразу после занятий я послушно плелась домой. Мне снова хочется куда-нибудь сходить, собраться с мыслями,

опять придумать что-нибудь, что подарит мне надежду, подобную спасательной шлюпке, ведь мне так не хочется утонуть в море рутины и обыденности.

Мысленно я считаю каждое движение длинной стрелки и, наконец, до моего слуха доносится дребезжание школьного звонка. Все вскакивают со своих мест и, не обращая внимания на возмущённые возгласы учительницы, призывающей всех присесть и записать домашнее задание, собирают свои вещи и чуть ли не бегом покидают помещение. Я с нетерпением ждала этого момента и поэтому тоже тороплюсь и сквозь плотное кольцо толпы продвигаюсь к выходу. По пути кто-то ставит мне подножку, но я вовремя замечаю это и пресекаю попытку унижить меня одним коротким, но сильным ударом по этой самой ноге.

И вот я на улице. Передо мной высятся длинные ряды деревьев огромного размера, разросшихся здесь, наверное, ещё с середины прошлого века, сейчас таких уже нигде не встретишь. За кем-то приехали на машине, другие идут на остановку, и только я одна двигаюсь в противоположную сторону через крайний выход из школы. Впереди несчётное количество двориков, а за ними частный сектор – здесь вдоволь не попутешествуешь. Наверное, именно поэтому я решила вернуться на крышу полюбившуюся мне с первого взгляда. До неё отсюда не так далеко идти, да и к тому же там я смогу укрыться от назойливых взглядов прохожих.

Однако, подойдя поближе я заметила, что на этот раз кодовая дверь была закрыта, и я не была уверена откроет ли мне кто-нибудь, но меньше всего в данный момент мне хотелось над этим размышлять. Я подошла и нажала на первую попавшуюся кнопку, после двух непродолжительных звонков у меня хрипло поинтересовались:

- Кто?

- Это почта, откройте – не раздумывая, выпалила я, и дверь как по мановению волшебной палочки открылась.

Я и не думала, что проникнуть в дом окажется настолько просто. Далее я последовала уже известным мне маршрутом, поднявшись на лифте и забравшись по лестнице, я вышла на крышу.

И каково же было моё удивление, когда прямо перед собой я увидела чёрную фигуру, сидящую прямо на бортике, свесив ноги и меланхолично ими покачивая. Я ожидала встретить здесь кого угодно, но только не её, только не мою Р., а это была, конечно же, именно она. Подумать только! Всё это время, пока я думала о ней она, наверняка, сидела на этой чёртовой крыше на волосок от смерти. Поскользнься она на заледеневшей поверхности или сделай одно неловкое движение, и я бы больше никогда её не увидела. Никогда в жизни!

Ветер развеивал её длинные чёрные волосы, поражая воображение их непередаваемой гладкостью. Я невольно застыла, разглядывая девушку – она была прекрасна, несмотря на её усталый вид и безжизненный взгляд. Болезненная бледность при солнечном свете смотрелась немного неестественно, делая её внешность отчасти кукольной, а кожу подобной тончайшему дорогому фарфору. Она напоминала мне аристократку, наследницу какого-нибудь старинного и могущественного рода, держащего в своей власти все крупные заведения города. От замешательства и лёгкого шока мои руки ослабли, и из них вывалился до этого крепко зажатый мобильный телефон, своим неожиданным шумом заставивший её обернуться. На её лице изобразилось недоумение, но начинать разговор первой она, похоже, не собиралась, тогда я взяла инициативу в свои руки.

- Так значит, вот где ты прогуливаешь занятия.

- Да – кратко ответила она. – Ты за мной следишь?

- Нет, я не нарочно. Несколько дней назад, ища спасение от тоски, я забралась на эту крышу, а сегодня решила ещё раз наведаться и вот встретила тут тебя.
- Понятно. Я часто здесь бываю.
- А как ты проникаешь в дом? Мне пришлось соврать, будто я из почтового отделения – я засмеялась, но на её лице не отразилось и тени улыбки.
- Вообще-то, я живу в этом доме.
- Ааа, тогда ясно.
- Но мне всё равно кажется это подозрительным. Ты преследуешь меня в школе, а теперь и в свободное от неё время.
- Заметив, что я густо покраснела, Р. продолжила:
- Или ты действительно считала, что это не так заметно? Куда бы я ни пошла – ты следуешь за мной, прячась за широкими спинами наших громил, а когда я уединяюсь в библиотеке, ты настаиваешь меня и там. Чего ты хочешь?
- Я...я не знаю.
- Будь добра узнать, а то скоро я начну тебя сторониться, как социально-опасного психопата или маньяка.
- Как ты могла такое подумать??!
- А что мне ещё думать? – возразила она – Твой интерес к моей скромной персоне явно нездоровый. Порой я думаю, что лучше бы ты примкнула к тем, кто на меня охотится.
- Ты знаешь, за что они так к тебе относятся?
- Нет. И, поверь мне, даже не хочу этого знать. Мне всё равно.
- Понимаю, но мне кажется несправедливым, что в нашей школе кого-то считают изгоем, а за кем-то повторяют, будто он современный поп-идол.
- Справедливость – надуманный термин. – она показала рукой на место, рядом с собой – Не хочешь присесть?
- Ни слова не говоря, я подошла поближе и заглянула вниз. Там смешными точечками туда-сюда двигались люди, если смотреть на них сверху – можно принять за маленьких тружеников муравьёв, спешащих по своим муравьиным делам. Оттуда доносились звонкие крики играющих детей и суровые оклики их родителей. Пожилая дама с собачкой вальяжно прохаживалась вдоль тротуара, то и дело, дёргая поводок с напуганной звуками улицы собакой. Пожилые люди почти всегда заводят какое-нибудь живое существо. Собак, кошек, рыбок или попугайчиков. Наверное, людям на протяжении всей жизни важно думать, что кто-то в них нуждается, и чья-то жизнь целиком и полностью от них зависит. Я перекинула ноги на ту сторону и села совсем рядом с Р., настолько близко, что могла уловить запах её духов.
- Зачем нам нужно разбираться в терминологии? Важно то, что я не хочу, чтобы тебя трогали – продолжила я после долгого молчания.
- Почему именно я? В нашей школе полно неудачников, на которых объявили травлю.
- Но ты не такая. Ты особенная.
- Знаешь, под словами «ты особенная» чаще всего имеют в виду то, что я чокнутая.
- Ты прекрасно понимаешь, что я так не считаю.
- Верно.
- Она обвела печальным взглядом небо и всё, что находилось внизу:
- Отсюда всё кажется таким мелочным и незначительным.
- На самом деле, так и есть. – ответила я, повернув к ней голову и ожидая, что она сделает тоже самое.
- Эти люди такие ничтожные, такие приземлённые, они даже не знают, зачем живут...
- А ты знаешь?

- Я знаю лишь то, почему хочу умереть.

Эти слова, подобно лезвию впились в моё сердце, которое стало стучать учащённее. Она. Моя Р. хочет умереть. Умереть. Чего же ещё я ждала от неё? При одном взгляде на её измученное лицо становится понятно, что она не горит желанием продолжать эту жизнь, которая вероятнее всего является для неё лишь пыткой, но, тем не менее, так страшно было услышать это прямо из её уст. Я не смогу пережить, если она вдруг уйдёт. Тем более что оттуда уже нет возврата.

- Если я спрошу почему, ты, конечно же не ответишь?

- Конечно. – согласилась Р.

- Я тоже часто думаю о своей смерти. – я немного помолчала – Раньше мне нравилось представлять что было бы, если бы меня вдруг не стало. Что говорила бы мама, плакал бы отец, спрашивал бы мой брат, куда делась его сестра?

- Но ведь ты не хотела по-настоящему умереть, правда? – спросила Р.

- Несколько раз я стояла на самом краю.

- Вся моя жизнь проходит исключительно на краю..крыши, безумия. На краю мира. Моего собственного.

- Я тебя понимаю – ответила я, чтобы попытаться хоть немного её утешить.

- Нет, ты меня не понимаешь. Тебе кажется, что я полна загадок, но внутри меня лишь пустота.

- Есть ещё то, что поглотила пустота.

- Было.

Рядом с ней даже молчание воспринималось совсем по-другому, а самое приятное было в том, что я знала – я могу молчать, но она не сочтёт меня скучной или неинтересной, она будто знает, что таится под моей немотой. Я чувствовала, что эта девушка, сидящая на самом краю, – поймёт меня. Единственная из всех многочисленных знакомых, которые лишь крутили пальцем у виска, едва я начинала говорить на подобные темы. Она всё знает, она понимает. У меня появилось ощущение, будто я знаю её уже много лет, с самого рождения. Как будто мы как брат и сестра, знаем о местонахождении родинки друг у друга.

- Год назад мой знакомый шагнул отсюда навстречу смерти.

Я невольно поёжилась:

- И ты видела его... - я не смогла закончить

- Тело? Да. – Р. посмотрела на меня – знаешь, это произошло несколько лет назад, но я до сих пор помню. У него было много проблем, с деньгами, домом, людьми. Его никто и никогда не любил. Часто он разбрасывался загадочными фразами, намекающими на то, что он задумал, но всем было попросту наплевать. И вот, в одно майское утро он прыгнул отсюда, и так как я его знала, и жила в этом доме меня позвали на опознание. Смерть превращает близких людей в совершенно незнакомых. Ведь вроде вот он родной рот, из которого ещё вчера доносился смех, вот они глаза, но теперь потускневшие, лишённые жизни. Поэтому страшно смотреть на трупы. Ты пытаешься найти в них следы живого человека, но это невозможно, ибо он уже мёртв. Потом приехали его родители и брат, и всех их интересовало лишь материальная сторона произошедшего. Они сокрушались, что на похороны придётся потратиться, и пытались разобраться кому что достанется. Я тогда подумала, что он счастлив, потому что не видит этого, что он всё правильно сделал. После смерти он остался таким же одиноким, как и при жизни.

- То есть ты считаешь суицид приемлемым?

- Как осознанное прерывание ненавистной жизни – да. Как уход от проблем – нет.

- Знаешь, чего я боялась больше всего, когда хотела покончить с собой?

- Чего?

- Что после моей смерти толпа досужих зевак станет перемывать мне косточки, что набожные старушки будут голосить, что я грешница и меня ждёт ад, другие будут измываться, а кто-то назовёт дурой. И никто, никто не был на моём месте, никто не жил моей жизнью и никто не испытывал ту боль, которую испытала я.

Впервые за нашу встречу Р. улыбнулась:

- А знаешь, что эти старушки ответили бы на слова о боли? Сказать?

- Я догадываюсь, не надо.

Она изменила интонацию своего голоса:

- Ой, можно подумать ты в свои-то годы много знаешь о боли. Вон в Африке дети голодают.

Я рассмеялась:

- Да, меня уже достали с этой Африкой.

- Чем она им только далась? Поэтому лучше даже не пытаться что-либо объяснить, всегда найдутся те, кто не поймёт.

- Тормозы.

Заливаясь от смеха, Р. похлопала меня по плечу:

- Дело говоришь.

- Я не знаю, почему меня так сильно волнует мнение окружающих...

- Они простые люди. Знаешь, первое правило клуба самоубийц?

- Нет.

- Никогда – она особо подчеркнула это слово интонацией – никогда не суди о достаточности причин другого человека.

- И это чертовски верно. А разве клуб самоубийц существует?

- Не знаю, по крайней мере, не в этом городе, но если хочешь, можем основать.

- Конечно, правда, у нас всего два члена клуба.

- Членов таких клубов всегда больше убывает, нежели прибывает. – хохотнула она.

- Я тоже люблю чёрный юмор.

Когда на город опустилась тьма, большие городские часы показывали ровно пять – ведь зимой темнеет рано. Я могла бы просидеть здесь сколько угодно, но Р. возразила и сказала, что ей нужно идти домой, и не позволив мне её проводить она резво скрылась в тесной кабине лифта. Я дождалась пока он остановится, снова вызвала его на тринадцатый этаж и, спустя три минуты, счастливая и удовлетворённая шла домой.

Засыпая этой ночью, я мечтала, чтобы мне приснилась она, а ещё лучше, чтобы мы ещё раз встретились в реальности. Пусть она не поверяла мне своих самых горьких переживаний, но она просто говорила со мной, уделила крохи своего драгоценного времени. И я была по-детски глупо и наивно счастлива. Что могло быть лучше для меня? И теперь я уже была твёрдо уверена – это судьба, не зря ведь она меня понимала с полуслова.

Глава десятая. К - 3.

Стоит ли говорить, что наши отношения развивались подобно смерчу, сносящему всё на своём пути?

Эта любовь была столь созидательна, сколь и разрушительна.

Я сильно отстала в учёбе, потому что действительно не могла сконцентрироваться на чём-то другом, кроме Б. Начались проблемы с родителями, которые каждый день проводили со мной беседы, уверяя, что в моём возрасте в голове один ветер, а когда я повзрослею - пожалею о своих ошибках. По утрам они контролировали меня от похода в ванную до выхода из квартиры. Поминутно мне нужно было напоминать о важности этого года в моей дальнейшей жизни, об экзаменах, о их повышенной сложности. И, повзрослев, я уверена, что действительно пожалею о своих ошибках, а именно - о том, что не могла дать им достойного отпора, и позволяла помыкать собой, как безвольной рабой.

И отрадой в моей тяжёлой жизни подростка были, конечно же, тренировки. Раньше они приносили мне удовольствие только потому, что я безумно любила спорт, а сейчас там был человек, к которому я испытываю новые, ранее неизведанные, чувства. Она не была первым человеком, с кем я встречалась или поцеловалась, но была тем, к кому я испытывала по-настоящему сильную влюблённость. Я могла часами пялиться на неё с блаженной улыбкой на лице, пока она не замечала этого и не начинала смущаться. Мне почему-то казалось, что если я сейчас запомню каждую чёрточку её лица, то потом смогу восстанавливать её образ в памяти где бы я ни находилась, а это было очень удобно. Когда мы были вместе, когда она обнимала и целовала меня, всё вокруг замирало. Я готова была кричать на весь свет, что безумно её люблю, что она для меня единственная и неповторимая. Интересно, так бывает всегда, когда человек влюблён или когда он переживает первую взрослую любовь? Мы стали больше времени проводить вместе, она иногда ночевала у меня и мы смотрели фильмы, слушали музыку. Всё это время было заполнено короткими приятными эпизодами. Например, я до сих пор помню, как однажды мы готовили у меня дома.

Был солнечный зимний день. Из тех, когда небо нежно-голубое, светит солнце и если выглянуть в окно, увидишь толпы улыбающихся людей и детишек в цветных пуховиках. За ними с весёлым лаем носилась местная дворняга и радостно размахивала пушистым хвостом.

Б. стояла позади меня и одной рукой обнимала за талию, пока я помешивала молоко. Сегодня мы решили приготовить её любимое лакомство – капкейки. Мы обе были жуткими сладкоежками, поэтому нам всегда было что приготовить или купить, чтобы съесть вместе. С ней обыкновенный физиологический процесс поглощения еды превратился в нечто особенное. Иногда мы покупали конфеты и кормили друг друга с рук, или посыпали шоколадной крошкой мороженое и наслаждались этим десертом детства. Мне нравилось, когда она с удовольствием уплетала еду, которую я приготовила сама, когда она хвалила меня точным поцелуем в щёчку.

Мы добавили тёплое молоко в смесь для кексов и Б. перемешала. Приготовление теста было на ней, а я должна была сделать крем. Перемещаясь по пространству моей маленькой кухоньки, мы то и дело сталкивались, и тогда она обнимала меня или поглаживала по руке. Если бы я могла всю жизнь так готовить...

Когда всё было готово, она подготовила формочки и мы вместе наполнили их и поместили в печь. Б. широко улыбнулась и сняла салатный фартук, повесив его на спинку стула. Я села к ней на колени.

- На сколько ты поставила, милая?

- На двадцать пять минут.
 - Молодец – она погладила мою ладонь и поцеловала её.
 - Что потом посмотрим?
 - Не знаю, а что ты хочешь?
 - Может вторую часть Крика? – предложила я.
 - Да! Только хотела предложить – она запустила руки в мои волосы – Мне очень повезло, что ты тоже любишь ужастики.
 - Тебе вообще повезло со мной.
- Она обняла меня покрепче:
- Моя скромница.
 - Твоя, твоя.
 - Я люблю тебя – ласково произнесла К.
 - А я тебя.

Следующие несколько минут мы не отрывались друг от друга, пока нас не прервал резкий звонок плиты, извещающий о готовности наших капкейков. Я нехотя поднялась и вытащила противень с аппетитно выглядящими кексами. Б обошла меня справа и подняла руку с наполненным кулинарным шприцом. По очереди мы украсили их шоколадным кремом, а сверху посыпали разноцветными сердечками из марципана. Она красиво выложила их на фарфоровой тарелке, а я взяла стаканы с молочным коктейлем и со всем этим кулинарным изыском мы направились к моей комнате.

Практически каждая парочка вот так смотрела фильмы в обнимку, закусывая чем-нибудь вкусненьким, но для меня это было ново. В первую очередь потому, что это было с действительно любимым человеком, да и вообще создавалась такая уютная атмосфера. Будто мы уже давным-давно живём вместе, как полноценная семья. По утрам вместе умываемся, одеваемся, а после работы занимаемся чем-нибудь интересным, а в финале – счастливо засыпаем, прижавшись друг к другу. Разве не о такой семейно идиллии все мечтают? К тому же это покой без крика детей, без бессонных ночей, которыми приходилось бы укачивать грудного ребёнка, вставать в любое время суток и кормить его. В отношениях с девушкой – очень много плюсов. Особенно сейчас, когда мы не готовы к взрослой жизни, к детям, к обязательствам и вечной погони за деньгами в надежде хоть как-то улучшить своё существование. Да и зачем сейчас думать о будущей жизни, о проблемах, с которыми придётся столкнуться?

Пока что есть только этот день – мы можем многое успеть. Веселиться, радоваться жизни, а главное, быть рядом с любимым человеком.

Б. положила голову мне на плечо и, свернувшись в комочек, приобняла меня. От прилива такой нежности я чуть не задохнулась.

- Любимая, не хочешь спать? – зевнув, спросила она.
- Немного, давай ложиться.

Она с благодарностью взглянула на меня и встала, чтобы помочь мне расстелить постель. Через несколько минут мы уже лежали, обнявшись и накрывшись пледом с головой. Ещё один день с ней подходил к концу...

Казалось, ничто не может нарушить нашу идиллию, ведь мы любили друг друга и были счастливы. Дни превращались недели, а недели в месяцы, никто из нас не успел и глазом моргнуть, как пролетел год. Целый год регулярных прогулок, поцелуев и частого употребления местоимения «мы». И вот, как будто всё это было коротким сном, мы проснулись, и оказалось, что минуло уже полтора года.

По этому случаю решено было не нарушать нашу традицию – и посетить излюбленно местечко – кафе в ретро-стиле.

Сегодня она выглядела особенно привлекательно. Воздушное яркое платье, уложенные локонами волосы, подведённые глаза. Я никогда не переставала твердить ей, что женственный стиль просто невероятно ей идёт, но, то ли из-за своей твердолобости, то ли из-за несогласия с моим вкусом, она продолжала выглядеть так, как ей самой нравилось – спортивный стиль, удобные и практичные вещи, такие как – джинсы, кеды и футболки на пару размеров больше требуемого.

Я тоже постаралась выглядеть на все сто и пол дня провела в размышлениях «что надеть?». Мой выбор остановился на средней длины платье пастельно-сиреневого цвета и туфлях на высоком каблуке. Я накрасилась, надушилась и ещё довольно долго придирчиво рассматривала своё отражение в зеркале и, наконец, удовлетворившись увиденным, взяла сумочку и вышла из дома.

Теперь мы сидели за круглым столиком в самом углу – мы специально выбрали уединенное место, подальше от любопытных взглядов прочих посетителей. Ожидая свой заказ, мы рассматривали фотоснимки моделей 70-х, развешенных повсюду. Прямо над Б. висело три фотографии Мэрилин Монро в позолочённой раме, справа мы узнали Вивьен Ли, а позади меня разместился отретушированный фотоснимок Энн Шеридан. Сколько бы мы не приходили в это кафе, всегда что-то ускользало от нашего внимания, хотя здесь ничего не менялось. Мне кажется, и в нашей жизни мы слишком многое упускаем из виду, хотя следовало бы быть более внимательными.

Когда, наконец, принесли наш заказ мы уже оживлённо беседовали на тему жизни и смерти Мэрилин Монро, поглядывая на людей, сидящих за столиками поодаль.

Я протянула руку и взяла чашку зелёного чая – это мой любимый, а Б. сделала глоток чёрного кофе.

- Жаль, что у нас нет шампанского, разлитого по бокалам, чтобы я могла произнести тост, - торжественно начала Б. - но сегодня мне хочется сказать, что ты самое дорогое и ценное, что есть в моей жизни. Никогда раньше я не чувствовала себя такой счастливой, какой сделала меня ты. Наши отношения длятся уже довольно долго, и я рада, что мы смогли найти общий язык и понять друг друга. Впереди нас ждёт много интересного и приятного. Я люблю тебя. Безумно люблю.

- И твоё чувство, к счастью, не безответно. Даже не верится, что прошло так много времени, с тех пор, как мы начали встречаться. Казалось, ещё вчера ты поцеловала меня в раздевалке и я мучилась вопросом «что же всё-таки ты чувствуешь», а сегодня мы сидим за этим столиком и мило беседуем. Не чудо ли?

Её глаза заблестели и, растрогавшись, она чуть не заплакала, но сдержалась и сделала судорожный глоток кофе:

- Что было бы, если бы мы не встретились?

- Я думаю, и ты и я были бы одиноки.

- И несчастны.

- Да. Удивительно, как порой случайности влияют на нашу жизнь.

- Тогда нам стоит благодарить судьбу за этот щедрый дар?

- Наверное, не помешало бы – я зачерпнула ложечкой чуть-чуть мороженого и отправила к себе в рот.

Б. последовала моему примеру, и мы вновь наслаждались обществом друг друга, флиртуя и обмениваясь комплиментами.

Когда в этот день мы вместе засыпали, меня мучило странное предчувствие чего-то неизбежного и ужасного. Я сильнее стиснула её руку в своей, потому что мне казалось, что всё это – сонный храм моей комнаты, настолько хрупок, что может вдребезги разлететься от любого прикосновения. Я представила что стало бы с моей жизнью без

неё и чуть не заплакала, а потом, миллион раз прокрутив различные сюжеты развития событий в голове, заснула, обхватив обеими руками её тонкую талию.

Глава одиннадцатая.

На улице очень холодно. Декабрь – наиболее терпимый месяц зимы. Не так холодно, не так снежно и ещё есть предчувствие праздника. Январь же и февраль совершенно невыносимы – повсюду оледенелые ветви деревьев, бесконечные сугробы и полное отсутствие какого-никакого неба – только серый цвет, а вернее много-много оттенков серого. А по утрам возле моего окна слетаются вороны и жутко каркают, будто говорят мне «Скоро ты умрёшь, каррр!»; тогда я пытаюсь плотнее закрыть окно тёмными шторами и включаю музыку погромче, но её звучание всё равно прерывают их устрашающие вопли. Отец дал мне пневматическое ружьё и сказал «Ты знаешь что делать». Интересно, он и правда думал, что я возьму в руки пистолет и начну отстреливать птиц? Мне пришлось смириться с их присутствием.

Один раз я сидела с книгой и чашечкой чая возле настёжь распахнутого окна. Я читала одну строчку уже несколько раз и всё не могла вникнуть в её смысл – мои мысли сейчас находились явно в другом помещении, в том, которого я никогда в жизни не видела, только его окна. Я начала раздражённо качать ногой и делать большие глотки чая, пора было делать уроки – иначе я не успела бы. Вдруг из своры копошащихся ворон, одна подняла свою голову кверху и стала изучать меня своим умным глазом. Может быть, мне это показалось, может быть, это была уже паранойя после нескольких дней недосыпа, но я готова была поклясться, что она наблюдает за мной.

С тех пор проблема пернатых перестала меня волновать. Они стали слетаться к моему окну, я кормила их и они, казалось, были благодарны. Ту самую ворону я замечала в стае других и давала ей дополнительную корочку хлеба. Ружьё же покоилось возле моего шкафа – на всякий случай.

В 6:35 я обычно завариваю кофе. Кофе и ничего больше. Это помогает мне согреться в зимние дни. Вообще, моё увлечение кофе можно было назвать фанатичным: я пила его всегда и везде, если была такая возможность. Скупала в магазинах все его виды, в кафе каждый раз заказывала новое, чтобы перепробовать всё. Латте с карамелью – разве не аппетитно звучит? Или эспрессо? Ванильный капучино с молоком? Я вполне могла просидеть весь день в каком-нибудь ресторанчике, заказывая только кофе и читая что-нибудь.

Зима – это целых три месяца ожиданий весны. С их непроглядным снежным вихрем и метелями. Когда на улице -30 сложно наслаждаться красотой зимней поры, даже думать невозможно; я иду по улице, и мне кажется, что моя голова это уже огромный замёрзший кубик льда. Пытаюсь закутаться в шерстяной шарф, но нос и щёки всё равно краснеют от мороза.

Зимой хочется больше спать, вообще не вылезать из тёплой кровати, не идти никуда, не разговаривать ни с кем. Хочется, как медведь, впасть в спячку и пробудиться лишь весной, когда на улице поют птицы, витают соблазнительные запахи, и нет этого проклятого льда и снега.

Тем не менее, есть что-то в этом времени года, что бесконечно очаровательно, что притягивает меня. Этот холод. Проблема лишь в том, что когда холодно и внутри и снаружи – жить не так уж хорошо.

По белоснежной дороге торопливо катят машины, пёстрые жёлтые маршрутки и долговязые троллейбусы с длинными рогами. В школу шагают совсем маленькие детишки с огромными рюкзаками за плечами, то и дело, поскользнувшись, падая, и вновь поднимаясь. Взрослые тоже поскользываются и, чертыхаясь, с озлобленным видом продолжают свой путь.

Зимой по утрам всегда темно. Я подумала, что было бы прекрасно, если бы мы жили в городе вечной ночи. Темнота пряная и липкая. Мы бы учились в школе, а за окном была тьма, мы бы выходили на улицу и, поднимая глаза к луне и звёздам, улыбались фонарям. Наш город превратился бы в неоновый монстр. Повсюду были бы вывешены лампы с голубоватым свечением. У нас бы больше не было кислорода, и мы бы все умерли. Солнце – это жизнь, но в смерти больше притягательного трагизма.

Я неспешно иду по узенькой тропинке – до занятий ещё полчаса, есть время, чтобы подышать воздухом. Идти некуда. И вообще, идти незачем. Зачем я вообще вышла так рано? Знаете, иногда появляется такое чувство, будто тебе непременно нужно что-то сделать, ты не понимаешь логической подоплёки, но всё твоё шестое чувство кричит, надрываясь «Иди туда!» или «Уходи отсюда» и всё в таком роде. Это называют интуицией, но мы никогда не сможем проверить её справедливость. Допустим, мы ушли откуда-либо, доверяя своим ощущениям, но разве мы можем знать, что произошло бы или не произошло, не выполни мы этой загадочной воли мозга?

Что делать мне в это тёмное утро? Скоро станет светло – так всегда бывает зимой; желанная темнота очень непродолжительна. Пройтись до дома Р.? Конечно же. Я всегда прихожу туда. Каждый день. Вот уже четыре месяца. Сажу на лавочках или на качелях, наблюдаю за окном с никогда не включающимся светом. Мне очень хочется, чтобы дом вдруг стал прозрачным, и я бы увидела квартиру изнутри.

Зачем я сюда прихожу? Безнадёжно. У меня ничтожно мало шансов хоть чего-нибудь добиться – это угнетает. Чёрт, да я ведь никогда в жизни не любила. Тогда почему теперь мной овладело это странное чувство? За мной ещё в предыдущей школе пытались ухаживать несколько парней, и вполне симпатичных, но отчего меня к ним не тянуло? И почему я приняла свою влюблённость к девушке, как что-то такое же естественное, как есть и спать? Разве это нормально? Почему я не мучилась вопросами вроде «Что теперь со мною будет?» или «Ой, а что скажет общество? Что скажут родители?». Мне плевать – вот и всё, вот и моя причина.

Я пнула концом ботинка твёрдый грязный снег – его комья посыпались на тротуар. Так хотелось врезать кому-нибудь со всей силы или даже избить до полусмерти, и неважно, что потом со мной будет – я просто устала.

Впереди показался магазин с неровными стенами, выкрашенными в вишнёвый цвет – М. уже успела рассказать мне, что там всегда продают алкоголь и сигареты, даже несовершеннолетним. Может, купить себе бутылочку? В конце концов, что я теряю? В школу мне не хочется, сидеть на уроках сплошная скука, а Р. уже неделю её не посещает, так что идти туда смысла вообще нет.

Ещё минуту нерешительно потоптавшись на месте, я вошла в магазин – меня сразу же обдало волной тепла и крепкого запаха табака. На полках было довольно много разнообразного алкоголя – мой выбор остановился на абсенте, благо, мне выдавали значительную сумму на карманные расходы и я привыкла к дорогим вещам и продуктам. Чего ещё взять? Сигарет? Я не курю, но сейчас подходящий момент, чтобы начать – терять нечего, ведь так?

- Дайте абсент и две пачки Мальборо. – я не узнала свой хриплый голос

- Восемнадцать есть? – поинтересовалась продавщица с круглым лицом уличной торговли. В самом деле, я не понимаю, почему в подобных маленьких магазинчиках работают исключительно толстые возрастные женщины с вульгарно ярким макияжем.

- Нет.

Она рассмеялась, обнажив свои ровные белые зубы, выстроенные в один сплошной ряд:

- Обычно отвечают совсем другое.

- Я исключение.

- Ну, тогда я просто обязана продать за оригинальность. – она усмехнулась.

- Благодарю вас.

Она положила в серый пакет бутылку и сигареты, подсчитала сумму – я расплатилась и ушла, оставив ей сдачу.

Через пару минут я уже сидела на металлических качелях во дворе дома Р. Абсент оказался вполне годным – после двух глотков я сразу же почувствовала, что начинаю меньше ощущать своё тело и больше – необыкновенную лёгкость в нём. Я достала сигареты и вытащила одну – затяжка, потом ещё – в воздухе оказывались причудливые кольца дыма. А ведь жизнь чертовски хороша, когда тебе нет до неё дела. Я сижу на морозе, но моя кровь всё быстрее бежит по венам, моя кровь распяляет мой пыл. Уже не хочется никому причинять боль – только сидеть себе тихонько и пить. Кажется, я вполне понимаю, почему вокруг столько алкоголиков.

Вокруг уже прошло несколько человек, озадаченно поглядывающих на меня и ускоряющих шаг. Интересно, они думают, какого чёрта эта малолетка сидит в школьное время на холоде и хлещет, недешёвый алкоголь? Вполне возможно, что нет – это Россия, здесь к этому привыкли. Нет, не так, как в анекдотах про водку и русских, но привыкли, особенно в этом городе, четверть которого была законченными или начинающими алкашами.

Тепло разливается по телу, накатывает на меня и укрывает с головой. Руки и ноги наливаются тяжестью – мне становится тепло. Воздух больше не обжигает ноздри, его градус теплеет и греет меня.

На сапогах грязный снег. Закуриваю ещё одну сигарету. Почему она никогда не включает свет? Чем можно заниматься по вечерам в темноте? Да что с ней вообще такое? Почему она не может со мной просто поговорить, я не прошу больше ничего – только это. Почему она носит всё время только чёрное? И я никогда не видела её в кофте или платье с короткими рукавами, неужели она что-то скрывает? Кто она такая и откуда? Никто не может мне рассказать; все наперебой советуют мне держаться подальше от странной девушки, а меня наоборот только сильнее к ней притягивает. Моя влюблённость имеет чёрный цвет. Не красный – цвет страсти, а чёрный – смерть, пустота, безысходность. Почему в жизни всегда всё так?

Солнце тускло освещает скудные заросли деревьев неподалёку от дома Р. У подъезда стоит много разных машин, но все, как одна, невзрачных синих и серых цветов. Делаю ещё глоток. Я никогда не видела, чтобы она выходила из подъезда, или напротив, входила. Её окно мне показала М., да и я сама знала, что её квартира где-то в этой многоэтажке. Но для чего я сюда пришла? Сидела бы сейчас дома, читала или тратила минуты жизни на оупляющий интернет, наконец, занималась бы в школе, а вместо этого я сижу в промозглом дворике и пью одна, как какой-нибудь великовозрастный алкоголик. Что я сама творю? Но если не это, то..что? Что ещё делать мне, видевший смысл дальнейшего существования только в девушке с грустными большими глазами? Но это не от любви, точнее сказать, не только от любви – это от отчаяния. Что ещё делать? В чём искать смысл? В чём вообще смысл смысла?

Чёртов подростковый возраст. Взрослым, должно быть, намного легче. Их голова уже забита внушёнными предрассудками, стереотипами и чужими идеями – они живут по принципу дом-работа-дом-работа и на том всё оканчивается. Они умирают, их хоронят и ставят деревянные кресты. Целые кладбища людей, проживших свою жизнь и ничем особенным не выделяющихся, а даже если были и такие индивиды, то, что от них осталось теперь? Кости? Прах? Пепел? У взрослых людей побеждает инстинкт

самосохранения и они смиряются с безысходностью и безнадёжностью нашего существования – я не хочу такой стать. Ах, какая разница. Я уже не могу трезво размышлять – мой мозг затуманен, всё происходящее мне кажется чёрно-белым старым фильмом с бездарными актёрами и наркоманом-режиссёром. Тепло.

Бутылка наполовину пуста, а быть может, наполовину наполнена, но я уже ничего не различаю. Глаза слипаются, очень хочется спать. Яркий белый свет бесшовного неба меня ослепляет и я близоруко щурюсь, чтобы различить предметы, окружающие меня. Я чувствую, что проваливаюсь в сон. Его наступление неотвратимо и я подаюсь в этот медленный поток реальности. Последнее, что я вижу – это хлопнувшая кодовая дверь слишком хорошо знакомой четырнадцатизатки.

Я открыла глаза и слепо уставилась в темноту. Я, по-видимому, нахожусь в какой-то тёмной комнате или чулане. Как я здесь оказалась? Когда я попыталась подняться, у меня из горла вырвался хриплый стон – я всё ещё была немного пьяна.

- Уже проснулась? – прозвучал женский голос из темноты.

- Где я?

- У меня дома.

- Но как я здесь оказалась?

- Я принесла. – обыденным тоном произнёс голос.

- Ты? Но ты же девушка!

- Мне это не помешало.

- Кто ты?

- Не узнаёшь свою одноклассницу?

Я попыталась всмотреться в силуэт, сидящий напротив меня, но не смогла заметить ни одной детали, которая дала бы мне подсказку.

- Тогда я зажгу свет.

- Хорошо.

Внезапно вспыхнувший свет на секунду ослепил меня, я потёрла глаза и посмотрела на девушку возле меня. Очень резко из лёгких пропал весь воздух, я стала задыхаться и судорожно обхватывала свою шею рукой, в надежде, что это хоть как-то поможет. В глазах потемнело и казалось, что я прямо сейчас ещё раз отключусь, нужно было прийти в себя, но это было непросто, особенно потому, что я увидела напротив себя Р.

Она, как всегда невозмутимо, смотрела на меня в упор:

- Вижу, ты удивлена. Но раз уж ты узнала меня, то я, пожалуй, отключу свет – мне так комфортнее.

Свет снова погас и я беседовала уже не с Р., а с приглушённым голосом, отвечающим откуда-то из заполненного темнотой пространства.

- Почему я здесь?

- Я подумала, что оставить тебя в отключке на морозе -28 будет немножко жестоко.

- Спасибо. Ты могла позвонить в школу, а там известили бы моих родителей – и меня забрали бы.

- Легче было просто принести тебя сюда.

- Может быть. В любом случае, я надеюсь, не доставила тебе никаких неудобств?

- Никаких. По какому поводу пила?

Если бы нас не окружала такая беспросветная мгла, то Р., наверное, заметила бы, как я покраснела. В самом деле, что мне нужно было ответить? Я пила потому что я безответно в тебя влюблена и потому что моя жизнь это кусок серой пластмассы, готовой расплавиться при малейшем изменении температуры? Или что жизнь наша сплошная боль, как бы пафосно это не звучало, и что я устала трезво воспринимать

реальность?

- Я...отмечала именины...

Она усмехнулась:

- Врёшь ведь.

- Увы.

- Ладно, в таком случае, не буду приставать с расспросами. Уверена, у тебя есть причина не говорить мне этого.

- Верно.. – рассеянно произнесла я. – который сейчас час?

- Два часа ночи – спокойно произнесла Р.

Удивительная девушка. Притаскивает домой практически незнакомую одноклассницу, оставляет её спать и так же обыкновенно разговаривает со мной, будто ничего и не произошло. Интересно, что подумали обо мне её родители? А интереснее всего, что подумали мои родители? Я оказалась в довольно непростой ситуации.

- Если хочешь, можешь остаться.

- А твои родители разве не против?

Даже в темноте было заметно, как она слегка дёрнулась, видимо, состроив гримасу отвращения:

- Я живу одна.

- Как?? – удивлённо вскричала я.

- Это долгая история. Вкратце так – моя мать с отчимом считают, что я достаточно самостоятельна, чтобы жить одна, а я считаю, что мне свободнее дышится без их надзора.

- Но как же ты справляешься?

- Разве это трудно? – спросила Р.

- Я не знаю, меня никогда не оставляли одну. Только пару раз и всего на неделю.

- Без них лучше, поверь.

- Охотно верю, они мне надоедают – слегка усмехнулась я.

- Тебе сделать кофе или чай? Есть горячий шоколад, кола – всё, что пожелаешь.

Я слегка смутилась, и от неловкой паузы моё смущение стало ещё больше.

- Или тебе чего покрепче? – немного издевательским тоном произнесла она.

- Ты только не подумай, что я часто злоупотребляю этим...

- Да ничего, я всё понимаю. Так что тебе принести?

- Колу, если не сложно.

- Ладно.

Она вышла из комнаты, и я осталась на её кровати в полном одиночестве. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я смогла разглядеть черты присутствующей в комнате мебели.

Небольшая кровать у самой стены со множеством постеров и плакатов, маленький столик для ноутбука, стеклянный журнальный столик напротив чёрного кожаного дивана.

Длинные стеллажи с книгами и средней высоты шкаф с металлическими ручками. Больше рассмотреть, к сожалению, было нельзя. А ведь её комната выглядит так же, как комната любого другого нормального подростка; здесь нет никаких скелетов и гробов, как фантазировали наши недалёкие одноклассники. По общению она так же абсолютно нормальна – только замкнута, я так и знала, что все слухи о ней – сплошная нелепость, выдуманная нашими недоумками-одноклассниками.

Через несколько минут она вернулась и сунула мне в руки холодную баночку колы, которую я сразу же открыла и жадно сделала первый глоток.

- Спасибо.

- Да не за что. Так ты останешься?

- Только если ты не против. Домой идти уже поздно.

- Тогда оставайся. Родителям не хочешь позвонить? – и она протянула мне телефон. Я отрицательно покачала головой, и она убрала руку:

- Потом с ними объяснюсь, я порой не возвращаюсь домой – они всё понимают. Ещё несколько минут мы сидели в тишине, и слышно было только, как я остервенело сжимаю жестяную банку и делаю большие глотки.

- Почему у тебя никогда не горит свет? – спросила я.

Она, казалось, была немного удивлена:

- Ты за мной следишь?

- Нет, просто знала, где твои окна. Я часто здесь прохожу и ни разу не видела света в твоих окнах.

- Это потому, что я в основном, веду ночной образ жизни, а отсыпаюсь днём. И предугадывая твои вопросы, отвечаю сразу – ничего общего с вампирами и прочим, как обо мне ходят слухи, просто такой режим и мне так удобнее. Ночью пик активности, а днём скукота, да и только.

- Мне это знакомо, днём всегда чувствую себя паршиво – я улыбнулась.

- Верно.

- Мне почему-то хочется так о многом с тобой поговорить, о многом спросить.

- Жаль, но я не смогу на всё ответить. Я примерно представляю, что ты можешь у меня спросить – почему я такая, почему в чёрном – это все спрашивают, но я не могу ответить, это слишком личное.

- Я понимаю, извини.

- Можешь спросить что-нибудь нейтральное.

- Что не приоткрывает завесу твоей тайны? Так неинтересно.

Я услышала отрывистый смех:

- Значит, я для тебя одна сплошная загадка?

- Я веду себя невежливо. Ты спасла меня, обогрела, предоставила ночлег, а я лезу без приглашения к тебе в душу.

- Ерунда. Это интересует почти всех, я привыкла.

Я допила колу и поставила пустую банку на стеклянный столик. В её комнате было очень уютно – не то, что в моей, всё здесь как бы говорило о её интересах и о том, что она старательно пыталась выстроить свою квартиру по собственному вкусу. Странно было, что в её возрасте она живёт одна, но может быть, именно поэтому она такая? Хмурая и печальная. Я, наверное, вела бы себя точно так же, если бы родители оставили меня жить одну. С одной стороны – это свобода действий – делай что хочешь, приглашай кого угодно, но с другой очень скоро начинаешь чувствовать себя одинокой и покинутой.

- Я могу принять душ?

- Конечно. Я покажу, где находится ванная комната. – она встала и я пошла за ней, пытаясь не наткнуться на что-нибудь в темноте; она-то привыкла к своей обстановке и знала квартиру, как свои пять пальцев, а вот я рисковала обо что-нибудь споткнуться или что-нибудь случайно задеть и разбить.

Она шла впереди, а я пробиралась за ней. Наконец, она щёлкнула выключатель и включила свет. Я увидела такую же миниатюрную комнатку, как и все в этой квартире. На удивление, она была выполнена в тёплых тонах и стиле прованс. Покатая ванна занимала всю переднюю стену, а сбоку стоял великолепный белый столик из белого мрамора с букетом пастельно-красных роз. Всю его поверхность занимали разнообразные баночки и пузырьочки – духи, шампуни, кондиционеры и гели, там же находилась и косметика – чёрные карандаши для глаз, подводка, белая пудра и помады,

не отличающиеся разнообразием цветов – бесцветный блеск, ядовито красная и чёрная. всю соседнюю стену занимали полки с полотенцами, мылом ручной работы и прочими принадлежностями для душа: эфирными маслами, ароматическими палочками, засушенными цветами в прозрачных коробочках с лентами разнообразных оттенков, сосудах из стекла с морской солью, а рядом красовалось широкое зеркало в белой резной раме. На полу был расстелен маленький коврик бежевого цвета с маленькими бордовыми цветочками.

- Как красиво – протянула я, залюбовавшись – ты так любишь находиться в ванной?

- Да, я очень часто здесь читаю, к тому же обожаю все эти ароматные штуки и засушенные цветы для настоящей королевской ванны.

- Здорово. Даже слов нет.

- Да ничего – она показала рукой на полки – там найдёшь полотенца, бери любое, а халат найдёшь вот здесь – и она кивнула в сторону ящиков под столиком, вообще пользуйся чем угодно. Если не сможешь что-нибудь найти, просто поищи, не стесняйся.

Я довольно улыбнулась, предвкушая бодрящую ароматную ванну:

- Спасибо тебе.

- Не за что – и она вышла, тряхнув волосами и закрыв за собой дверь.

Я проворно скинула с себя одежду – джинсы и клетчатую рубашку и открыла воду, наполняя ванну. И всё же использовать всякие масла и соли мне было неудобно, поэтому я ограничилась гелем и шампунем. Горячая вода согрела мою кожу, я разомлела и с блаженной улыбкой на лице лежала в этом белоснежном великолепии. У меня было достаточно времени, чтобы как следует поразмышлять над сложившейся ситуацией. Самый первый вопрос – почему она решила мне помочь? Разве ей не плевать на всех? Разве её не малюют бесчувственным монстром, и разве она не ненавидит всех людей и всё, порождённое человечеством? Или, быть может, я исключение, но в таком случае мне хотелось бы знать по какой причине?

И сейчас я моюсь в её ванной, нахожусь в её квартире и я, наконец, смогла подольше с ней поговорить. О таком я даже не мечтала – неужели мне начало везти?

Такие люди, как я просто не умеют быть счастливыми, они везде видят подвох или неискренность, а даже если убеждены в реальности происходящего, то чувства их омрачает мысль, неотступно следующая за такими людьми, а именно мысль, что в скором времени всё это останется в прошлом. Время убивает все события, чувства и людей. Оно как лава – стремительно движется и покрывает собой всё, встречающееся на пути. Мы заложники времени. И если я знаю, что всё что ни было, уже через минуту обратится в ничто, то могу ли я быть счастлива?

Сегодняшний день закончится, и мне придётся вернуться в свой дом к своим родителям и продолжить свою скучную жизнь. А она...она останется здесь один на один со своей собственной жизнью. Вся наша жизнь и состоит из этого – годы мук, ради одного счастливого дня, наркотики и ломки, ради минуты кайфа. Счастье – это та самая пресловутая иголка в стоге сена, и чтобы найти её, недостаточно сжечь сено и провести магнитом над пеплом, счастье не терпит ухищрений. И самая страшная вещь – это понимание этого, особенность человеческого разума. Мы уже не те примитивные существа, разжигающие костёр и охотящиеся ради того, чтобы выжить – нам дано сознание и мы можем задать себе справедливый вопрос – а для чего мы это делаем? Мы ищем и ищем ответы на этот вопрос – но его нет. Всё, что мы делаем, мы делаем лишь для того, чтобы продолжить своё существование, чтобы и дальше продолжать подчиняться животным инстинктам. Обречены и прокляты те, кто продолжает свои искания, кто не может удовольствоваться простым ответом «просто потому», тот, кто не способен

смириться.

Я могу бесконечно благодарить судьбу за то, что она подарила мне эти прекрасные минуты и даже часы, но рано или поздно она это отнимет, оставив, однако воспоминания, которые будут терзать и мучить меня.

Вода постепенно стала охлаждаться и я решила, что мне пора вылезать; я вытащила пробку, взяла полотенце цвета кофе с молоком и вытерлась. Достала из ящика чёрный махровый халат и накинула на обнажённое тело – халат был очень нежным и мягким, я буквально утопала в нём, и ещё он приятно пах какими-то духами.

Когда я снова вошла в её комнату – она по-прежнему была погружена во мрак. Р. сидела возле окна – недвижимо, будто спит.

- Куда положить вещи? – спросила я, слегка краснея от смущения.

- На диван кинь. – небрежно бросила она – ну, что спать ляжем или ещё выпьем по чашечке кофе или чего-нибудь ещё?

- Пожалуй.

- Сейчас принесу.

Она вышла и очень скоро вернулась с двумя прозрачными высокими кружками – кофе выглядело как-то странно. Я протянула руку и сделала маленький осторожный глоток и тут же поперхнулась:

- Что там?!

- Немного коньяка, тебя это не должно смущать – она засмеялась, а я покраснела ещё больше, вспоминая утреннее происшествие с абсентом.

Р. всё продолжала смеяться:

- И главное, ладно бы вина купила или там водки, так нет, абсент семидесятиградусный! Ты забавная.

- Не хотелось очень быстро протрезветь.

- Ну, ещё бы, ты весь день проспала.

- Прости, пожалуйста.

Она тоже сделала глоток:

- Ну, хватит. Я сама раньше себя так вела, правда у меня на это были свои причины, а твои мне неизвестны.

- Обычно я не пью.

- Ага, и не куришь – усмехнулась Р.

- Сегодня начала.

- Как знаешь.- она подняла свою руку и посмотрела на часы – уже четыре часа, может, ляжем спать? Или завтра ты тоже не планируешь идти в школу?

- Не знаю, мне всё равно. А ты почему не ходишь?

- Болею. Якобы.

- Понятно, тогда я тоже не пойду. Если проснёшься раньше меня, разбуди – и я уйду.

- Договорились.

- Можно я лягу на диван?

Р. удивлённо взглянула на меня:

- Он слишком жёсткий, лучше на кровать. Если хочешь – я сама уйду на диван, ну, а если тебя ничего не смущает, ляжем вместе.

Хорошо, что в темноте не было видно как я то бледнела, то краснела, особенно сейчас, когда передо мной замаячила перспектива лежать в нескольких сантиметрах от Неё.

Естественно, меня ничего не смущало, и я ей сразу же об этом сообщила и мы стали готовиться ко сну.

Она без стеснения скинула платье и натянула гигантских размеров толстовку с эмблемой

Нирваны и легла к стенке. Я же сняла халат, переоделась в своё нижнее бельё и майку и пристроилась сбоку от неё.

- Спокойной ночи – сонно пробормотала она.

- Сладких снов – вторила ей я.

За окном начинало светлеть, скоро настанет новый день с этим холодным солнцем, люди выйдут из своих квартир с угрюмыми физиономиями и медленно поплетутся на работу; школьники снова будут сновать по улочкам, весело болтая друг с другом, а по дорогам будут катить разноцветные троллейбусы с рекламой по бокам. И только для меня этот день станет чем-то особенным, я буду в этой тёмной крепости дома, в тесном пространстве этой квартиры и рядом с Ней. Она лежит под боком и еле слышно дышит, я даже иногда склоняюсь над ней и начинаю прислушиваться, мне порой кажется, что она не дышит, что сердце её больше не бьётся и тогда я впадаю в панику, но вот она переворачивается на другой бок или начинает негромко что-то бормотать во сне, и я облегчённо вздыхаю. Во сне она напоминает ангела. Лицо её гладко, без выражения, оно печально и завораживает своей трагической красотой. Она по-детски спит, свернувшись калачиком, я едва сдерживаюсь, чтобы не завизжать от умиления и чтобы не броситься к ней, обнимать и целовать. Её сон так безмятежен, так спокоен и я стараюсь вообще не двигаться и не дышать, чтобы ненароком не разбудить её. Как же я благодарна ей за помощь, за то, что она приютила меня в эту зимнюю ночь и что теперь спит совсем рядом. Настолько, что я могу склониться и почувствовать на своём лице её тоненькие реснички. Комнату озаряет пока что ещё не совсем яркий свет проклятого солнца. Вот хотя бы ещё одна причина ненавидеть его – оно привело к концу этой волшебной ночи, оно заменило собой величественную луну и теперь приближает тот час, когда мне придётся покинуть эту квартиру и Р.

Сейчас в моей голове сплошная неразбериха – я не спала и думаю, а не приснилось ли мне всё это часом? Не было ли это очередным сном, в котором ко мне приходила Ночная гостья? Я реальна? И всё, что меня окружает, это правда? Может быть, я всё-таки заснула на морозе и умерла? А это мой рай? Я бы была совсем не против умереть прямо сейчас, если бы загробная жизнь выглядела именно так. Я готова была бы вечность провести здесь. Целую вечность. А целая вечность – это не так уж мало.

На стене напротив висят часы, я усердно изучаю их циферблат, пытаюсь оттянуть время, повернуть его вспять и вернуться в сладостное прошлое. Шесть часов тридцать минут. Меня безумно клонит в сон, глаза слипаются, я погружаюсь в забытье, но в тот же миг пробуждаюсь – мне нельзя спать. У меня так мало времени, чтобы запомнить каждую чёрточку её лица вблизи, в полной мере насладиться этой счастливой ситуацией, которой меня, наконец, наградила моя судьба. Я не должна спать, не должна. Р. всё так же спит сном младенца, я же вот-вот провалюсь в тяжёлый сон. Она так близко, так невероятно близко и она так крепко спит, что я могла бы чуть приподняться на локте, приблизиться к ней и коснуться её губ, но я не могла. Я слишком уважаю и люблю эту девушку, чтобы делать что-либо без её разрешения, чтобы вот так беспардонно сорвать с этих губ поцелуй. Нет, я не могу. Быть может, она любит кого-нибудь другого и не хочет, чтобы к ней прикасался чужой человек. Если так, то я ненавижу того человека, безумно ненавижу, но её ещё более безумно люблю. Именно поэтому, переборов себя, я стала ещё пристальнее всматриваться в её лицо, но уже без подобных желаний. На часах было уже шесть сорок пять, когда я сомкнула глаза и незаметно для себя уснула.

Глава двенадцатая.

Моя голова нестерпимо болела. Она будто разрывалась на миллионы кусочков, а я пыталась уменьшить боль и вспомнить, что вчера произошло. Мой взгляд упал на безмятежно спящую рядом Р. и я невольно улыбнулась. Это непередаваемое ощущение – когда мечты начинают претворяться в жизнь. Несколько дней назад я лежала вот так в полном одиночестве и надеялась, что однажды проснусь рядом с любимым человеком, а надежды всё таяли и таяли, как грязный снег за окном, а сейчас я понимаю, что всё не так плохо, как было тогда. Всё хорошо. Сейчас по-настоящему хорошо. Вся моя жизнь была безрадостна и безотраднa до момента моей встречи с ней. А самое главное, я не знаю, как вышло, что она приобрела для меня такое значение.

Быть может, это от одиночества и непонимания, ведь у меня не было друзей, даже просто приятелей, меня сторонились. Когда в школе во время занятий нас порой просили разделить на пары – ко мне никто не хотел приближаться, а когда в младших классах нас строили, чтобы отвести в столовую, девочки презрительно оглядывали меня и разбивались на свои собственные группы. Однажды девочке не хватило пары, и учительница попросила её стать вместе со мной, но она наотрез отказалась. Не помог ни сердитый тон учительницы, ни даже то, что она почти силой приставила ко мне бедную девчущку. От меня бежали, как от чумы. Сама я стояла возле окна и наблюдала за происходящим. Наконец, учительница вышла из себя и накричала на девочку, а та заплакала. Её маленькие карие глазки наполнились слезами, и она разревелась, как грудной младенец. После этой истории никого не заставляли становиться со мной, и я была одна. Поначалу мне было обидно, но с возрастом я уже сама вызывающе смотрела на одноклассников и демонстративно отходила от очередной девочки с недовольным лицом. Моих родителей вызывали в школу, и классная руководительница часами говорила с ними. Они пытались найти мне друга или подругу, сделать из меня общительную добрую девочку и все их попытки разбивались об острые скалы моего безразличия. Как-то мать пришла с собрания и практически с порога начала выговаривать мне:

- М., если ты не изменишь своё отношение к людям, то нам придётся перевести тебя в другую школу! Дети боятся тебя! Понимаешь? Боятся! Ни один ребёнок не хочет к тебе подходить и в чём, как ты думаешь, причина этого? Мне надоело выслушивать от учителей жалобы на тебя, я устала! Даже взрослые люди говорят о тебе с каким-то страхом. Я не могу больше! – и она расплакалась.

После этого, придя в чувства, она, конечно, извинилась и пообещала купить мне всё, что мне захочется и побаловать меня сладостями. О моей школьной жизни речь больше не заходила.

А я, хоть убейте меня, не знала в чём причина ненависти ко мне. Чем я отличаюсь от остальных? У меня совершенно нормальная одежда, нормальные учебники, обычный рюкзак, я обычная девочка! Тогда почему? Теперь мне уже, разумеется, всё равно, но я с грустью вспоминаю те моменты терзаний и самобичевания.

А может, причина привязанности к Р. кроется в интересе к её личности. В том, что она отличается от остальных, как и я. Люди, похожие друг на друга, буквально улавливают запах единомышленника в толпе и в конечном итоге сталкиваются. Она меня понимает – и это всё, что мне требовалось от человеческого общения. Мне становилось легко на душе, когда я представляла, что теперь-то уж избавлюсь от бремени одиночества и стану жить нормальной жизнью с близким человеком.

Я хотела ей помочь – и я это третья причина. Неважно, сколько сил потребуется, но я

почему-то была только рада бросить все усилия на излечение этой девушки от тоски, ведь хоть она и улыбалась и смеялась, в глазах отражалась лишь боль и горечь. Каждая составная часть её лица жила своей жизнью. Губы иногда изгибались в улыбке или ухмылке, рот раскрывался и доносился приятный смех, а глаза оставались всё те же. Печальные, какие бывают у собак или сироток.

Но возможно, что вовсе и не это послужило причиной моей одержимости ею. Просто я из разряда тех людей, которые вечно всему пытаются дать объяснение. По их разумению, каждая эмоция вызвана чем-то и их задача – докопаться до этой причины.

Но мы, в большинстве случаев, не можем объяснить, почему нам понравился или не понравился тот или иной человек. Это происходит самопроизвольно. Мы случайно знакомимся с кем-то в транспорте, а потом оказывается, что это человек, которого ты ждал всю жизнь, мы случайно поскользываемся и падаем в объятия будущего возлюбленного. Но ведь мы могли просто встретиться, перекинуться парочкой фраз и на этом бы всё закончилось, но уже спустя пару дней мы ощущаем, что испытываем к этому человеку определённые чувства. Наверное, это и называют влюблённостью. В таком случае, пытаться что-то объяснить – просто глупо. Всё так, как есть и не задавайте лишних вопросов.

И вот сейчас я, лёжа на правом боку не отводя глаз, смотрела на Р. и в моей голове проносились обрывки разных мыслей, а она ещё спала.

За окном уже снова начинало смеркаться, я перевела взгляд на часы – 18:37. Р. сначала потянулась, потом сонно что-то проговорила и, наконец, открыла глаза.

- Доброе утро, мой серый мир.

- С пробуждением, уже тридцать семь минут седьмого – долго мы спали.

- Это моё обычное утро, я же говорила, что не люблю день и солнце.

- Да, помню. Мои родители уже, наверное, в панике, разрешишь позвонить?

- Конечно, бери и...- она запнулась – Если они не слишком в ярости и если ты сама захочешь, то можешь остаться.

- На ночь?

- Да, а утром в школу – я как раз уже выхожу с моего мнимого больничного.

- Хорошо, договорились.

Я взяла трубку, набрала номер и с полной уверенностью, что сейчас мне придётся выслушивать разъярённую проповедь отца или матери, отсчитывала гудки – один, второй, третий, четвёртый – на том конце провода раздался встревоженный голос папы. Я объяснила ему, что вчера вечером пошла гулять, зашла к подруге и случайно уснула, а аккумулятор на мобильнике сел – поэтому не могла позвонить и сказать, чтобы они не волновались. Несколько минут, как я и ожидала, мне пришлось слушать его поучения, а потом я сказала, что не приду и этой ночью, после чего он ещё немного побурчав, наконец, сдался и пожелал спокойной ночи. Я отключила связь.

- Всё улажено.

- Если захочешь есть или пить – спрашивай, у меня всё есть, я тебя накормлю. – великодушным тоном заявила Р.

- Спасибо, ты и так много для меня сделала. Если бы не ты, я бы замёрзла.

- Да не стоит благодарности.

- Кстати у тебя чудесная квартира. Я сама бы хотела жить в такой.

Вопреки моим ожиданиям похвала не обрадовала её, а наоборот произвела угнетающее действие и только потом, когда она заговорила, я поняла в чём дело.

- На самом деле, скоро мне придётся съехать. Моя мама говорит, что им с отчимом нужна эта квартира.

- Но куда?? Разве нельзя жить вместе?

- Нет. Они будут жить здесь с моим сводным братом – отвратительным избалованным маленьким хулиганом, от которого меня воротит. А я лишняя в их семейной идиллии. Поэтому они купили мне комнату в общежитии и заверили, что по-прежнему будут меня обеспечивать.

- Это просто ужасно.

- А мне вполне по вкусу – Р. пожала плечами – Так даже лучше.

- Почему?

- Тут я одна, а квартира для меня слишком большая. Этот тёмный коридор, кухня. Куда удобнее, когда всё умещается в маленькую комнатку крошечного размера. Конечно, есть и свои минусы, такие как – общая кухня и санузел, порой шумные соседи, но в целом, я довольна.

- Да я не про это. Ужасно так поступать со своей дочерью. Покупать ей какую-то комнату, решать денежные вопросы, почему вы просто не можете существовать бок о бок?

- На это целая куча причин. Во-первых, я сама хочу жить без них, во-вторых, мои отношения с отчимом и заодно со сводным братом сразу не заладились. Я не люблю таких капризных детей, как он. Мало того, что он по-хамски ко мне относился, так ещё и прямо заявлял, что мне не место в их семье. Отчим, разумеется, не дал в обиду своего любимого сынишку, а мать безропотно с ним согласилась. Мне была зачитана лекция об их беспокойстве за мою дальнейшую жизнь и об их намерениях помочь. Помочь подготовиться к самостоятельной жизни, которая мне предстоит и именно так я осталась одна. В-третьих, причина кроется и в моей матери – она мне чужая, я не хочу доставлять им никаких неудобств, не хочу, чтобы она волновалась или переживала. Мне действительно хорошо в одиночестве.

Мне стало не по себе от этого рассказа:

- Всё равно, так поступать... У меня тоже есть младший брат, но я с ним лажу.

- Это потому что он родной. – возразила Р. – а этот такой же гадкий, как и его папочка, регулярно пьющий и смердящий дешёвыми сигаретами. Моя семья давно уже перестала быть семьёй.

- Прости за такой вопрос, но что стало с твоим родным отцом?

- С ним не произошло ничего особенного. Они с моей мамой развелись ещё много лет назад, и у него теперь тоже новая семья и двое детей. Одна девочка – дочь его жены от первого брака, а второму чаду всего два годика, но он уже начинает проявлять своенравный характер всех членов нашей семьи.

- И он не захотел забрать тебя к себе?

- Третьей? Брось. – фыркнула она.

В этот момент мне почему-то стало стыдно, что у меня есть довольно-таки дружная и счастливая семья, мать и отец, брат. Немного неумный, но добрый и отзывчивый.

Почему у кого-то есть всё, а у другого ничего? Чем люди заслужили такую роскошь?

Один засыпает рядом с мамочкой, которая и день и ночь за ним носится, а другой обречённо разглядывает трещины на потолке общей комнаты в детдоме.

- Ладно, не будем больше о семье. Так когда ты переезжаешь?

- Сегодня уже буду собирать вещи. Мне повезло, что их не так уж много.

- А ты уже видела эту комнату?

- Нет пока ещё.

- Они купили её без тебя?? – я возмущённо всплеснула руками.

- Ты обещала больше не говорить о них.

- Ладно, ладно, извини. Я могу помочь тебе собрать вещи, если хочешь.

- Да нет, не надо, я сама. Лучше, пошли, я накормлю тебя, а то ты уже вторые сутки ничего не ешь.

Она встала и потащила меня на кухню. Та была не менее шикарно обустроена, нежели ванна, в которой я была накануне. Просторная, современная, с огромным стеклянным столом в центре. На окне в разноцветных горшочках располагались нежно-сиреневые фиалки и белые розы, а на высоком холодильнике красовалась целая коллекция магнитиков.

- Хлопья любишь?

- Да, я не против.

- Тогда сейчас сделаю. Кофе?

- Я просто обожаю его, кофе – моя страсть.

Она усмехнулась, хитро сощурилась:

- Уж не мой ли ты клон?

- К сожалению, нет – я засмеялась и села на стул рядом с ней.

За ней было интересно наблюдать – какая она в домашней обстановке. Как она готовит. Открывает пачку с хлопьями, насыпает в тарелку и как заливает молоком. А потом как варит кофе. Я бы всё отдала, чтобы так происходило каждое утро. Чтобы каждый день я проводила только с ней.

Она поставила передо мной тарелку с хлопьями, а сама села рядом с баночкой спрайта.

- А ты разве не проголодалась?

- Нет.

- У тебя дома так много еды, а практически ничего не ешь?

- Её покупают родители – неохотно произнесла Р. – Так им кажется, что они добросовестно выполняют свой родительский долг.

- Хм. И почему ты нормально не питаешься?

- Да нет, порой я съедаю что-нибудь, если особо захочется, но, в основном, я пихаю в себя всю эту гадость лишь для того, чтобы жить. Была бы моя воля – я бы не ела совсем ничего. У меня просто нет аппетита. Ни капельки.

Я отправила ложку с хлопьями в рот и непонимающе посмотрела на Р:

- Если бы я жила с тобой, я бы заставляла тебя есть.

- Вряд ли бы у тебя это получилось.

- Я в себе уверена.

Оставшуюся часть трапезы мы провели в тишине, а потом Р. предложила что-нибудь посмотреть. Мы переместились в зал и включили первый попавшийся канал, на котором шла документальная передача о городах-призраках. Изредка мы переговаривались и снова замолкали. Мне показалось, что эта ночь пролетала слишком быстро. Наверняка вы замечали, что когда счастлив – время летит с ужасающей быстротой, не успеваешь моргнуть, как уже всё прошло и остаются одни лишь воспоминания. Когда утром мы шли в школу, хоть она и была рядом со мной, меня одолевали воспоминания о событиях двух предыдущих ночей. Больше всего это было похоже на сказку, ведь в настоящей жизни чудеса происходят крайне редко, если вообще происходят.

Вот она идет, как-то беспомощно опустив руки, немного сгорбившись и ни на чём толком не фокусируя взгляд. Кажется, что она смотрит сквозь дома, сквозь людей – этот взгляд направлен в никуда. Такой отсутствующий, словно она смотрит на что-то, но это находится в её собственном вымышленном мире, в её голове. Если бы я сейчас спросила о чём она думает – Р. вряд ли удостоила бы меня правдивым ответом – и мне приходилось лишь догадываться. С её плеча всё время соскальзывает ремень сумки, и

она то и дело его поправляет, но машинально, не обращая на это внимания. Я не понимала перепадов её настроения – одно время она смеется над своими циничными шутками, другое молчит, иногда фальшиво улыбается, а порой уходит куда-то вглубь себя.

- Кстати о школе – неожиданно заговаривает Р. – Ты ведь теперь тоже изгой. Стоит тебе сейчас ступить со мной на порог и начнётся твоя новая жизнь в этом проклятом учреждении.

- Ты всё ещё думаешь, что я трушу?

- Я просто предупредила, не более.

- В таком случае, пошли – и мы поднялись по заледеневшим ступенькам школьного крыльца.

С тех пор прошло практически полтора месяца, и я по-прежнему всегда и везде увязывалась за ней. Я не боялась показаться назойливой или наглой, ведь с того последнего её предупреждения прошло много дней и она больше ни разу не сказала ничего подобного, признаков недовольства моим присутствием она тоже не проявляла и поэтому я с чистой совестью пользовалась выпавшей мне удачей. Мы вместе были в библиотеке, вместе ходили на крышу и в лес, вместе обедали – я чем-нибудь вкусненьким, а она, по своему обыкновению, газированным напитком. Несколько раз я пыталась заставить её поесть, но дело ограничилось одним лишь пончиком в шоколадной глазури.

Как ни удивительно, в школе её перестали задирать. На нас, конечно, бросали недвусмысленные косые взгляды, но никто больше не подходил и не выхватывал вещей из рук. Неужели, чтобы от неё отстали, требовался всего лишь один человек, ставший на её защиту? Причём самая обыкновенная слабая девушка, последний раз участвовавшая в драке разве что в детском саду, но нас всё равно обходили стороной. Видеть, что она может свободно перемещаться по школе, когда я иду за ней – было сущим наслаждением. Я чувствовала себя кем-то вроде телохранителя важной особы, и, может быть, именно эта мысль и придавала мне ту серьёзность, которая отпугивала былых ненавистников Р. Так или иначе, это был огромный плюс. Я гордилась первыми успехами своих начинаний – я обеспечила ей безопасность – это и была начальная цель.

Р. переехала в маленькую комнатку в общежитии и однажды, совсем внезапно, предложила мне жить с ней. Она аргументировала это тем, что ей одной даже это крошечное пространство кажется огромным, к тому же мне нужно привыкать жить без родителей. Только с её уст слетели эти слова, как моё сердце радостно забилось в ритме «о, господи, конечно, я к тебе перееду». В одной комнате с ней. Много-много ночей. Целую вечность.

И вот она сидит на диване, а я затаскиваю свои чемоданы с немногочисленными пожитками. Комната уютная, тёплая. Справа от входа своя миникухня, состоящая из холодильника, электроплиты и одной тумбы с шкафчиком над ней. Дальше располагается мягкий диванчик и кровать, напротив которых находится телевизор и огромный шкаф во всю стену. Моих вещей было совсем мало – одежда, книги, плакаты. Сувениры и прочие безделушки я не стала брать, дабы не загромождать и без того маленькую комнату.

Р. поднимает голову и усталым голосом говорит:

- Вот ты и вступила в самостоятельную жизнь.

- Я рада – улыбка не сползает с моего лица.

Дверь на балкон распахнута – комната наполняется морозным воздухом, а порывы ветра

раздувают полупрозрачную тюль.

- Эта комната лучше квартиры.

Слышны звуки, доносящиеся из общей кухни. Кто-то смеется, и всё время громко восклицает «Ах, ты!», различается стук ножа по разделочной доске, где-то надрывно плачет маленький ребёнок.

- Ты хотела бы всегда здесь жить? – спрашиваю я.

От холодного воздуха потрескивают обои.

- Я бы не хотела жить вообще.

Ребёнок перестаёт плакать и до наших ушей долетает его озорное хихиканье, на кухне начинают спорить на повышенных тонах и кто-то стучит кулаком по столу.

Я захлопываю ногой дверь балкона и обессилено падаю на кровать.

Глава тринадцатая. Спокойной ночи

Прошло уже несколько недель нашего совместного сожительства. Весна уже вовсю овладевала ещё сонной природой – снег таял, на дорогах образовалась сплошная слякоть и грязь. Но дни становились длиннее, и темнеть стало гораздо позже, солнце согревало землю, и теперь было приятно выйти на прогулку и подышать свежим воздухом, в котором можно было уловить сотни различных приятных запахов. Птицы вернулись с юга, и теперь по утрам нас будил не будильник, а их задорное щебетанье. Можно было снять ненавистные пуховики и облачиться в более легкую одежду. Природа, люди, каждое живое существо радовалось весне, кроме, разумеется, Р. Для неё это было лишь одно из времён года – ничего плохого и ничего хорошего. Однако вместе с таянием льдов, таяла и её холодная стена обледеневших эмоций. Иногда в разговорах она позволяла себе одну или две фразы о прошлом и сразу виновато замолкала, словно случайно рассказала важный секрет разведчику вражеского стана. Я не пыталась давить на неё и не заостряла внимание на этих моментах, делая вид, что ничего не поняла. То, что она начинала делиться со мной чем-то личным, было прогрессом. Правда я не знала было ли так потому, что она привыкла и привязалась ко мне или это было оттого, что человек просто не может держать столько боли в себе. Я склонялась ко второму варианту. Каждому человеку свойственно давать слабинку – и это опасно лишь в случае, когда вокруг находятся люди, только и поджидающие когда же ты свалишься без сил. Со мной же она могла чувствовать себя спокойно, я не использую знания о её жизни во зло, я не оставляю её до последнего – пока она сама не скажет «уйди». Но и тогда я буду приглядывать за ней, терпеливо ожидая благосклонности Ночной гостьи.

Дни мы проводили неплохо – после школы гуляли по лесу или поднимались на крышу. Порой разговаривали, а порой молчали, будто нам было нечего сказать, потому что всё уже сказано. Р. по-прежнему хранила свою холодность, хоть и чуть подтаявшую с наступлением тёплых дней весны. Её взгляд был всё так же грустен, а лицо ровным счётом не выражало никаких эмоций. Она практически ничего не ела, хотя я каждый вечер настойчиво пыталась её заставить, но все мои попытки заканчивались полным провалом, зато недостаток пищи она возмещала разными напитками – газировкой, энергетиками – её почти всегда можно было заметить с маленькой жестяной баночкой в руке. Она много спала и мало занималась чем-нибудь, что ей нравится. И, честно говоря, я не была уверена, что ей хоть что-то приносило удовольствие. Музыку она слушала охотно и даже рассказывала о любимых группах и памятных песнях, но при этом упоминала, что это уже не так хорошо, как раньше. По её словам читать она любила всегда, но раньше, вникая в книгу, отключалась и полностью погружалась в вымышленные миры, а сейчас чтение давало лишь короткий миг отрыва от реальности. И так было со всеми её увлечениями. Уставшая и тихая она напоминала мне перегоревшую лампочку.

По вечерам мы обычно включали телевизор и под монотонную речь диктора делали уроки или просто лежали и смотрели новости и разные документальные передачи. Никаких сериалов, ток-шоу, и, боже упаси, фильмов. Вернее я была бы совсем не против посмотреть с ней что-нибудь, но ничего из предложенного мной не вызвало у неё интерес. Фильмами она увлекалась чуть больше года назад и пересмотрела уже всё, что только можно из интересующих её областей, а теперь её буквально от них тошнило. Новости и передачи – другое дело. Они ей нравились. Она не переставала ухмыляться и цинично подшучивать над любым бедолагой, с которым произошло несчастье, или

ехидным голосом комментировала политические происшествия и новшества науки. Чаще всего я молчаливо наблюдала за ней в эти моменты и каждый раз замечала, что под её цинизмом скрывается не злоба, а скорее горечь, но сочувствие она не умела выражать. В этот раз она сидела на диванчике и, поджав под себя ноги, делала русский язык, изредка поглядывая на экран телевизора. Я же лежала на кровати и смотрела, в основном, на неё, но порой так же отвлекалась на передачу.

Тогда ещё показывали громкое дело об убийстве священника, когда преступник вбежал в храм и застрелил священнослужителя. После показывали семьи священников, живущих в малонаселённых пунктах, демонстрирующих двуствольное оружие и рассказывающие о своей нелёгкой жизни.

- Не глупо ли собачиться из-за веры? – подала голос Р., приподняв голову с волосами, завязанными в хвост.

- А когда люди не совершали глупых поступков? – ответила я вопросом на вопрос.

- Я говорю о том, что из-за религиозных противоречий люди устраивали войны и убивали друг друга, хотя вера, по сути, дело вкуса. Почему же не начать убивать из-за того, что мне нравится рок, а остальным регги?

- Регги ещё ничего, но вот за пару жанров в музыке, действительно, следовало бы расстреливать. – пробурчала я.

- Не помешало бы – усмехнулась она – Но ненавидеть юных любителей того, что и музыкой-то назвать нельзя – одно, а убивать людей просто потому что не согласен с ними – совсем другое.

- Я тебя понимаю, но навряд ли это можно исправить. Твердолобые болваны всегда будут существовать. Кинь баночку колы, пожалуйста.

Она отложила в сторону учебники и, откинув плед, подошла к холодильнику и распахнула дверцу.

- Кола закончилась, могу предложить только севен-ап.

- Давай.

Р. достала газировку и бросила мне, а я одной рукой её поймала.

- Зря ты не ходишь на физкультуру – у тебя большой потенциал.

- Возможно, но я слишком скромна, чтобы это признать. – улыбнулась я.

Она вернулась на своё место и вновь закуталась в плед, но учебники уже не стала брать, а подперев голову кулаком, уставилась в экран телевизора.

- Зачем люди всегда пытаются доказать, что они правы?

Я почувствовала, что этот вопрос явно не был связан с религией, или убийством того священника:

- Я думаю, для того, чтобы не чувствовать себя ничтожеством. Люди всегда боятся неясности – они должны чувствовать, что у них всё под контролем, они всё знают и они в любом споре правы. Тогда они ощущают себя хозяевами своей никчёмной жизни. – осторожно ответила я.

Она повернулась и теперь смотрела прямо мне в глаза:

- Неужели нельзя пожертвовать чувством собственного превосходства ради чего-то, что дороже?

- Если на это хватает ума.

- А если он есть? Есть, но всё равно ничего не меняется.

- Тогда посоветовала бы этому человеку умерить свои амбиции и разобраться что для него важнее, а в чём, собственно, дело? Почему тебя это интересует?

Она отвела взгляд.

- Я пойду покурю.

- Стой, может, позже?

- Нет, я пойду.

- Р! – окликнула я.

- Не сейчас, - она вышла и удалилась в направлении кухни.

Я понимала, что ей, наверное, лучше было побыть одной, но какая-то расплывчатая бесформенная мысль, маячившая в моей голове, заставила меня мгновенно вскочить с кровати и броситься за ней. И только когда я шла по тёмному коридору я поняла – она не курила. Никогда раньше и сейчас тоже.

Нервно толкнув дверь ногой, я влетела в небольшое пространство кухни с закопченным потолком. Р. стояла на коленях на грязном полу. Я подбежала и постаралась поднять её, приподняв за руки.

- Что с тобой?

- Ничего, уходи.

- Пожалуйста, перестань. Вставай, ты простудишься.

- Мне всё равно! – в её голосе послышались истеричные нотки.

- Так, всё, хватит. – я сделала ещё одну безуспешную попытку заставить её подняться и, наконец, сдавшись, опустилась на пол рядом с ней. – Умоляю, поднимайся.

Она свернулась в комок и отстранилась от меня:

- Нет! Я не хочу! Почему все просто не оставят меня в покое??

- Прости, если я что-то сказала не так, но прошу тебя. Лучше ляг на кровать.

На её лице появилась жуткая гримаса боли, она зажмурилась и бессильно опустилась на моих руках, когда я вновь попробовала сдвинуть её с места. Её рот урывками глотал воздух, как будто у неё был приступ астмы. Из горла послышался не то хрип, не то стон, полный такого отчаяния, что мне захотелось схватить её и вместе укрыться от мира под одеялом, как в детстве. Р. беззвучно плакала, задыхаясь и впиваясь ногтями в мои руки, удерживающие её.

- Как больно, как чертовски до сих пор больно – с трудом прохрипела она.

- Тише, тише – я принялась укачивать её как младенца – Всё хорошо.

Она пыталась вырваться из моих цепких объятий, подносила руки к лицу, словно защищаясь ими, открывала рот, как рыба, выброшенная на берег жестоким течением. Но ни одна слеза не вытекла из её глаз. Это был припадок, истерика. Какая-то часть её эмоций, погребённых под деланным равнодушием смела на своём пути все преграды и вырвалась наружу так внезапно, как вырывается раскалённая лава. Ей было плохо - я это знала, но не представляла, как ей можно помочь.

- Нееет, не трогай меня, не прикасайся – кричала она и изо всех сил колотила меня тоненькими руками, сжатыми в кулаки.

Я всем телом прижала её к полу и крепко, хоть и не слишком сильно, чтобы не причинить ей боль, зажала руки и, близко наклонившись к её лицу, медленно, делая большие паузы, произнесла:

- Послушай, возможно, я не так близка тебе и ничего для тебя не значу, но я единственное, что есть у тебя на данный момент. И если тебе плохо – я всегда буду готова помочь, даже если моя помощь кажется лишней. Мне больно смотреть на тебя в таком состоянии.

Р. перестала бить меня и удивлённо, будто оправилась от глубокого шока и не понимала где находится, заморгала глазами, а я продолжила:

- Ты живёшь в настоящем времени. Я знаю, что такое призраки прошлого, но всё уже прошло! Прошло!

Она закрыла глаза и послушно встала, позволяя увести себя в комнату. Я уложила её на

кровать и легла рядом, чтобы она чувствовала мою близость.

Припадок миновал, но лёжа настолько близко к ней, я отчётливо слышала её гулко бьющееся сердце и прерывистое дыхание, которое постепенно стало приходить в норму.

- Спокойной ночи. – сказала она и повернулась на другой бок.

- Спокойной ночи.

Глава четырнадцатая

Мы снова сидели на крыше. Небо будто разделилось на две части. С одной – оно было светлым, голубовато-жёлтым. А с другой – бархатно синим. С этой второй части наступала тьма, погружая маленький провинциальный городок во мрак. Становилось всё темнее. Облака задумчиво поползли по небосклону на запад. Ещё пару минут и всё вокруг погрузилось в приторно-сладкие сумерки. Приятно было наблюдать, как на небе одна за другой загораются звёзды. Их становилось всё больше и больше, и вскоре бесчисленное множество звёзд смотрело на нас своим ледяным взглядом.

Р. сидела на бортике, покачивая ногой в такт музыке, играющей у неё в наушниках. Я, молча, стояла рядом и смотрела на небо. Взошла луна.

Меня изнутри раздирало какое-то необъяснимое чувство.

Вчера ночью она вновь проснулась в холодном поту от кошмара. Это стало происходить намного чаще, чем раньше. Она резко садилась в кровати и начинала тихонько поскуливать, как бездомный щенок с ушибленной лапкой. Потом я слегка толкала её, она просыпалась и изо всех сил пыталась сделать вид, что ничего не произошло, а я кутала её в плед и отпаивала кофе. Я не могла спросить, что ей снится, потому что она наверняка не дала бы мне ответа, но предположить, что это может быть – не составляло труда. Иногда, во сне она бормотала: «Хватит, хватит. Ты ненастоящая». Ей снилось прошлое. Те события, которые сделали её такой, каковой она теперь является. И мне было страшно и немного неудобно подслушивать её разговор во сне. Например, как-то она отчаянно кричала «Лучше убей меня», а в другой раз «Нет, нет. Ты же не можешь». Мне казалось, что я приближаюсь к её тайне, но потом осознание её боли с новой силой обрушивалось на меня и чуть не доводило до слёз.

Этой ночью она спала особенно беспокойно, скорее всего, из-за вечернего происшествия. Убираясь в шкаф, я случайно обнаружила её медицинскую карточку, но стоило мне поднести её к лицу, чтобы рассмотреть мелкий шрифт, Р. успела вырвать её у меня из рук до того, как я успела что-либо прочесть. Там определённо должна была быть информация о том её длительном отсутствии, но Р., понятное дело, не хотела посвящать меня в свои личные дела. Карточка была тщательно где-то запрятана, а Р. даже и не собиралась выдавать мне её местонахождение. И я, наверное, всё ещё мучилась бы с её поиском, если бы он в одно мгновение стал совершенно бесполезен – чуть позже мы, как обычно, сели смотреть новости с баночками энергетика, как ей вдруг стало плохо. Она встала, чтобы взять стакан воды, покачнулась и плавно стала оседать на пол. Я сразу же вскочила со своего места и подбежала – она уже лежала, глаза закатились, руки стали ещё более ледяными, чем обычно, сердце не прослушивалось. Ну, конечно! В это была и моя вина. Нельзя ничего не есть и на голодный желудок пить энергетика. А я, чёрт возьми, не останавливала её! Нужно было прощупать пульс, я взяла её худенькую руку и попыталась справиться с пуговицами на рукаве – они не расстёгивались. Через некоторое время я, наконец, расстегнула их и задрала вверх рукав чёрной рубашки. Тонкое, почти прозрачное запястье уродовали огромные белые шрамы. Они тянулись от конца ладони и почти до локтя – не такие порезы, что делают маленькие девочки подростки, а действительно большие, глубокие раны, сделанные для определённой цели. На них были следы швов – настолько они были широкие. Сквозь её бледную кожу просвечивались голубоватые сплетения вен. Мои руки опустились, из тела будто выкачали весь воздух, я была в ступоре.

Р. открыла глаза. У неё было выражение лица человека, не понимающего, где он очнулся и что с ним случилось. Когда она опустила взгляд и увидела, что я сжимаю её

искромсанную руку, её глаза расширились от ужаса.

- Ты не должна была это видеть.

- Я должна была хотя бы знать. Ты пыталась покончить с собой?

- Да.

- Как ты выжила с такими порезами? Ты искромсала руки, чуть ли не до кости!

- Меня нашли в самый неподходящий момент и отправили в больницу. А там, на беду, как раз был врач, приехавший на конференцию из Н. Высококласный специалист, чёрт возьми. Заштопал меня буквально за четыре часа.

- Как раз-таки в самый подходящий! – воскликнула я, тряхнув её за плечи – Ты хоть понимала, что делаешь?

- Разумеется, понимала. Я вышивала этот план не один день. И, знаешь, почему я до сих пор жива?

- Почему?

- Потому что я исполняю одну просьбу мамы.

- Какую?

- Хочешь, чтобы я рассказала? Тебе интересно что чувствует человек, пришедший в себя, хотя ожидал смерти?

- Да.

- Когда я очнулась в палате с забинтованными и привязанными руками – напротив сидела мама. Знаешь, большинство людей, которые пытаются себя убить, боятся выжить и увидеть слёзы родителей. Они просто не знают, как объяснить им, что запутались в жизни, или что больше не хотят её продолжать, но у меня не было такого страха. В первую очередь потому, что я надеялась, что всё же не выживу, да и потом...я слишком знала характер моей мамы. Она сидела на деревянном стуле, обитом коричневым бархатом, и усталым взглядом наблюдала за мной. Под потолком кружили две жирные мухи и с мерзким жужжанием бились о пыльные плафоны люстры. Я ещё тогда подумала, что они такие глупые – летят на свет, даже не подозревая, что он ненастоящий, изо всех сил бьются в толстое стекло и надеются, что однажды смогут добраться до цели. Мама мялась, не зная как начать разговор, но я даже не собиралась ей в этом помогать – мне было вполне комфортно просто лежать и наблюдать за насекомыми.

- Доктор сказал, что опасности для жизни уже нет, хоть раны и могут открыться. – холодным тоном сказала она, убирая со лба прядь волос, похожих на солому.

- Мне всё равно, мам.

- Ты хочешь повторить свою попытку?

Я промолчала.

- Мерзавка! – вскричала она – Я тебя не такой растила! Разве так я тебя воспитывала? С детства всё носилась за тобой, терпела все твои капризы и это благодарность? Это твоя благодарность, скажи мне? – она поднялась со стула – Коллеги всё время рассказывают какие у них дети молодцы, спортом занимаются, в театре выступают, а мне чем похвастаться? Что моя дочь самоубийца?? Да ты знаешь что вообще с такими делают?

- Зна...- начала я, но она меня перебила

- Их на кладбищах даже раньше не хоронили! Такой это был позор!

- Мама! Тебе же плевать! Чего ты от меня хочешь?

- Хоть каплю благодарности!

- Дай-ка я догадаюсь, благодарности в виде бабушкиного наследства??

Дело в том, что моя бабушка просто люто ненавидела мать и когда умирала, завещала мне всё, что у неё было, а это довольно приличная сумма. Её ненависть была настолько

велика, что она даже приписала пунктик насчёт того, что в случае моей преждевременной смерти, деньги достаются фонду защиты животных, но не коим образом не попадут в руки мамы! После восемнадцати лет, получив наследство, я могла бы всё это переписать на маму – и только так ей достались бы деньги.

- Перестань! – продолжила мамы, распаяясь - Я говорю не о деньгах!

- Успокойся. Оставь меня в покое, я хочу побыть одна. Если тебе нужны деньги, я сделаю тебе одолжение – дождусь совершеннолетия и перепису всё на тебя. Не люблю быть в долгу у кого-либо. Только не нужно, пожалуйста строить из себя тут обиженную мать. Хочешь денег? Будут. А теперь собирайся и проваливай!

- Да каак ты смеешь?? – завопила мама, покраснев до корней волос.

- Уходи.

Она подошла и, бросив на меня презрительный взгляд, ногой пнула кровать. Через пять минут у меня открылись раны, и мне пришлось снова накладывать швы. Мухи куда-то улетели.

- Значит, ты ждёшь восемнадцати лет, чтобы умереть?

- Я не знаю. Вряд ли ты поймёшь это чувство. Я ничего не хочу. Не хочу жить, но и не хочу умирать.

- Я не хочу, чтобы ты умирала.

- Я знаю.

И тут мною овладело желание дотронуться до неё. Коснуться пальцами, чтобы проверить, что она реальна – она не сон, её образ не исчезнет от прикосновения. Я тронула её за плечо и притянула к себе. Её губы находились буквально в пяти сантиметрах от меня. Они так манили меня, так соблазнительно ухмылялись. Как давно я мечтала поцеловать их, как долго мне это грезилось. Поддавшись этому порыву, я потянулась к её лицу, чтобы сорвать с её губ поцелуй, но она мягко остановила меня рукой.

- Не надо.

- Почему?

- Потому что ты влюблена в меня.

Как давно она знала? Как давно? И почему говорит об этом лишь сейчас?

- И что с того?

- Мне не составило бы труда поцеловать тебя. Но так будет только хуже.

Я молчала и просто пыталась дышать. Вдох-выдох. Что же она скажет дальше? Какие слова определяют мою дальнейшую судьбу? Вдох-выдох. Отчего же она молчит?

- Твои чувства не взаимны – наконец, говорит она, отводя взгляд.

Воздух обжигает мои лёгкие, я на мгновение прикрываю глаза, и в голове проносится масса разных ярких образов. Детство, юность. Всё, что случалось со мной, всё, чему я была рада и не очень. Говорят, когда умираешь, перед глазами проносится вся жизнь.

- С каких пор ты знаешь? – говорю я, чтобы не создавать неловкую ситуацию.

- Очень давно. Иначе, с чего бы ты стала за мной следить?

- Мало ли. Может, я оказалась бы какой-нибудь ненормальной – я изобразила на своём лице улыбку и попыталась отшутиться.

- Я уже никого не люблю, М. – она встала и вышла их комнаты. А я не стала её останавливать, как обычно делала.

Теперь я осталась один на один со своими мыслями. И с самой собой. Я ненавидела себя. На самом деле, я ненавидела себя всю свою жизнь с младенчества, а сейчас это чувство только прогрессировало. Она ничего не испытывает ко мне, она хочет умереть, я никак не могу помочь ей, но я уже полностью утопла в вязком болоте её боли, отчаяния и

разочарования. Она одновременно и слабая и сильная. И взрослая и маленькая. Она – это личность, не имеющая аналогов. Общаясь с людьми, она затягивает их к себе в топь, из которой не может выбраться сама. Раньше она, скорее всего, барахталась, пыталась выбраться, рвала на себе волосы от досады, но не сдавалась и хваталась исцарапанными руками за гнилые брёвна вокруг, но теперь она смирилась. Она больше не пытается выбраться и безразлично наблюдает, как её поглощает отвратительно пахнущая масса. Р. И как мотыльки на свет, к ней слетаются люди, тронутые печальным видом обречённой девушки. Они протягивают руки и палки, они оглушительно кричат, их голос разносится на огромные километры непроходимого леса, и распугивают собирающихся в стаи ворон. Самые смелые понимают, что это гиблое дело и уносят ноги. Самые упёртые и твердолобые, рвут на себе рубаху и с разбегу кидаются в болото, как в реку, но с этого момента они уже никак не могут ей помочь – их засасывает. Один за другим они уходят на дно и остаются там гнить, разлагаясь, меняя свой облик на неузнаваемый. А она всё так же держится на плаву, равнодушно проводя взглядом погибших. Она уже не ждёт помощи, она знает, что никто ей не поможет, даже она сама. Я тону. Меня тянет на дно, но я хватаюсь за ветку и пытаюсь протянуть руку Р.

Глава пятнадцатая.

Учёба подходила к концу, приближалось лето. Мы по-прежнему жили вместе, смотрели по вечерам старенький телевизор, а по ночам выходили на прогулку. Это было так же сказочно и волшебно, как и в моих снах, только наяву. Её лёгкие движения, взмах ресниц, взгляд – она завораживала меня. Даже если я не могла обладать её сердцем, я могла просто на неё смотреть, ведь этого никто не запрещал? Как она идёт, свободно, будто ночь освобождала её от оков стеснения, плавно, словно не ступает, а плывёт по воздуху. Как поднимает голову вверх и смотрит на небо, вдыхает воздух, лишённый навязчивых запахов людей, оглядывается на меня этим своим колко-ледяным взглядом. Я любила его больше всего, потому что в нём было всё и одновременно ничего. Её глаза были как калейдоскоп и в них, то отражались моменты её жизни, то селилась пустота. Но смотрела она всегда одинаково. Холодно. Безразлично. Будто говорила «если останешься со мной – я не прогоню, но если уйдёшь – я отпущу». То есть «мне всё равно». Конечно, она спрашивала, как я себя чувствую, как у меня дела, но я не была для неё ни любовью, ни другом. Я не знаю, кем я для неё была. Мы были чем-то вроде двух растений в симбиозе.

Утром, днём, вечером, а особенно по ночам я без конца думала «что будет дальше?». А если быть более честной, то «что будет дальше с нами?». Придёт время расстаться. Рано или поздно. Что будет тогда с нею и со мной? Ведь память не стирается. Возможно, я забуду какие у неё любимые запахи, забуду, как звали её первое животное, но эти мелочи всё равно не исчезнут из головы. Это не так просто.

Мы проходим кривой фонарь и скрываемся в сумраке одинокого дворика. Р. садится на маленькую деревянную лавочку под деревом и ест мороженое. Я сажусь рядом.

Выжидаяще оглядываю её, но она молчит.

- Я хотела спросить...

Р. вопросительно смотрит на меня.

- Ты сказала, что никого теперь не любишь. Но ведь был кто-то, к кому ты испытывала любовь?

Её смех звенит у меня в ушах:

- Ты хотела сказать, к кому я испытывала боль?

- Нет, Р., любовь.

- Любовь и боль всегда идут рука об руку. Нет любви без боли. – она откусывает кусочек шоколада и весёлым тоном продолжает – Вот смотри, ты в меня влюблена, а я в тебя нет. Разве не боль?

В глазах темнеет, снова не хватает воздуха – её привычка говорить прямо и грубо обескураживает меня.

- Есть более удачные примеры.

- Мне всё равно. У меня не было ничего счастливого. Никогда. – она проводит языком по нижней губе, слизывая остатки шоколада.

- Расскажи о том человеке – прошу я, умоляюще заглядывая в её лицо и пытаюсь найти там ответ сразу на все вопросы.

Р. молчит, а у меня по спине пробегают мурашки – я боюсь отказа.

- Я могу рассказать что угодно, но всё это будет навевать лишь тоску.

- Ну, и что?

- Ты хочешь испортить себе эту прекрасную лунную ночь?

- Очень.

- Мазохистка – говорит она – Большинство людей, на самом деле, мазохисты, просто не

признаются себе в этом.

Она кивком показывает на своё плечо:

- Каждый из этих шрамов – это история неисправимого мазохизма.

Показываю наугад:

- Расскажи об этом.

- Всё это очень скучно, но раз уж ты так просишь. Только доем.

Следующие семь минут мы молчим. Я точно знаю, что семь, потому что сижу, дрожу и считаю про себя «один, два, три». Она ест, а на самом деле, будто даёт мне время приготовиться. «Двадцать шесть, двадцать семь». Я боюсь того, что она расскажет. Её истории никогда не имеют хорошего конца. Я узнаю ещё одну историю боли. «Сорок три, сорок четыре». Узнаю я или нет – какая разница? Это прошлое, его я изменить не в силах. Я ничего не значу для неё, я – пустое место. «Двести тридцать шесть, двести тридцать семь». Я сижу на этой лавке, мне жарко и душно – некуда бежать, нечего делать. Мне страшно.

- Я передумала – выдаёт она – Не хочу ничего рассказывать.

Она встаёт и быстрым шагом уходит, а я семеню за ней.

Вот так непредсказуемо и оживлённо течёт время. Постепенно в нём утопает всё – я, мои мысли, ибо я уже не знаю, зачем и почему иду за ней. У меня нет шансов, более того у меня нет даже возможности ей помочь. Эта отвратительная беспомощность давит на меня. С течением каждого месяца я наблюдаю за изменениями, происходящими в ней, ведь весна так и не растопила всего, лишь показалась малая часть её чувств и переживаний. Лето прошло так же безрадостно, целыми днями мы слонялись по пыльным дорогам города и говорили о пустом, осенью началась учёба. Нас не посадили вместе, как мы того хотели и я присматривала за ней с задних парт.

Не зная её, и взглянув со стороны, может показаться, что она психически больна. Взгляд в одну точку, почти немигающие глаза. О чём же она думает? Только эта тонкая, как лист, грань и отделяла её от сумасшедших – в глазах был проблеск мыслей, не одна сплошная пустота.

А с приходом зимы, первого снега и холодов мне даже стало казаться, что ей становится лучше. В одно промозглое утро я проснулась, а она сидела напротив с остриженными волосами. Её роскошные длинные локоны были безжалостно срезаны, и на их месте появились не слишком длинные волосы до плеч. Ей шло, да, она стала выглядеть ещё красивее. Она как-то оживлялась, порой на неё что-то находило, и она начинала вдохновенно что-то рассказывать, активно жестикулируя руками. Я удивлялась происходившим с ней переменам.

Город был укутан снегом, как белоснежной шалью, она хранила под собой замершую жизнь. В воздухе носились крохотные снежинки, оседая на её ресницах и тая. Мороз щипал кожу, наши руки и лица жутко обмерзли. Р. ходила в своём неизменном чёрном пальто с подкладкой и поэтому всё время куталась и дрожала, но ни в какую не соглашалась поменять его на что-нибудь другое. В её одежде появился белый цвет, а на шее за одну ночь очутился старый по виду медальон, который она теперь никогда не снимала.

Мне оставалось только восторженно пялиться на неё. Как она ожила. Как, налитая кровью, красная роза посреди холодной зимы. Всё чаще она покупала цветы – такая у неё появилась мания. Она заставила ими всю комнату настолько, что по ночам было трудно уснуть в этом изобилии запахов. Розы с огромным нежными бутонами, белые

чистые лилии, нежно розовые орхидеи, редкие красные пионы, массивные гроздья гладиолусов – всё утопало в цветах, наше жилище стало похоже на оранжерею или магазин цветов.

Ещё одна её странность – она стала рисовать. До этого момента она часто повторяла, что у неё ничего не получается, рисование – это не для неё, но теперь всё поменялось. На листах оживали здания и пейзажи, но, в основном, конечно же, люди. Маленькие девочки в лёгких платьицах стоящие босиком на снегу, изящные дамы с мундштуками, две подруги, держащиеся за руки и прыгающие с крыши – вот примеры её мрачных сюжетов. Штрих за штрихом несчастным и страдающим девушкам твёрдая рука Р. приписывала всё новые болезни, новые потрясения. Эти бесконечные листы с набросками чёрной гелиевой ручкой заполнили всё пространство компьютерного столика. Что не помещалось на него, она засовывала в шкаф, а что не влезало и туда, она небрежно швыряла под кровать.

На улице была метель, когда она, постояв три минуты на балконе, достала из потёртого чемодана стопки листов, маленьких книжечек и прочие разнообразные предметы. Она высыпала всё на застеленную кровать и принялась всё перебирать, осторожно осматривая каждый предмет, коих тут было, несметное количество. Помятые листы со стихами и фразами она отбросила вправо, следом полетели полностью исписанные ежедневники и какие-то бумажки вроде билетиков или чеков, бархатная чёрная коробочка, точно такая, в каких обычно преподносят обручальные кольца, но содержание конкретно этой было неизвестно. Она повертела в руке пустой флакон из под духов, камушки: один гладкий, как галька, а другой белый и прозрачный, как кварц; сухую поломанную ракушку и странную квадратную открытку. Извлекая из этого чемодана вещи, она осматривала их, а затем швыряла в разные стороны. Когда я спросила у неё что это, она отмахнулась и пробурчала, что это меня не касается. Наконец, закончив осмотр, она всё снова сложила в этот чемодан, села рядом с ним и впервые, за всё время нашего общения, закурила. Когда позже я спросила у неё про сигареты, она сказала, что ей они не нравятся, и она не курит.

Много всяких странностей происходило с ней этой зимой и мне почему-то казалось, что всё это к лучшему.

Вечерами она сидела в недавно приобретённом кресле-качалке и, попивая кофе, читала книги, причём в эти моменты на её лице расцветала прекрасная, довольная улыбка. Будто в один момент всё тяготившее её, разом рухнуло вниз с её плеч и навсегда скрылось под слоями времени. Даже со мной Р. обращалась дружелюбно и почтительно, как никогда раньше.

Не это ли счастье? – думала я. Вот сейчас, этот конкретный момент, не заботясь о завтрашнем дне, я переживаю с радостью и блаженным спокойствием.

Я лежала рядом с ней, уже спящей, поглаживала её по голове и представляла, как мы будем жить дальше, вдвоём снося все превратности судьбы. Засыпая, я улыбалась, я была счастлива.

Глава шестнадцатая

Изменения в ней самой и в её облике продолжали происходить. Она была вроде бы всё та же, но в какой-то совсем новой оболочке. Уже другая.

Вот мы сидим на географии – она читает на задних партах в задумчивой изящной позе. На ней надето кремовое платье с нежными кружевами, фигурные бежевые чулки и туфли на высоком каблуке. В маленьких аккуратных ушках красуются серёжки-жемчуженки молочного цвета. Подперев голову правой рукой, в левой она держит книгу в твёрдом переплёте и неторопливо пробегает глазами по строчкам. Она читает "Лолиту" Набокова. Вернее сказать перечитывает. За последний месяц Р. перечитала около десяти своих старых книг. Она не отвечает, зачем это делает, не говорит, почему она вырядилась во все эти странные платья, отличные от присущего ей стиля одежды, не договаривает, куда по ночам выскальзывает за дверь.

Она рассказывает о перенаселении. По её словам – войны, эпидемии, вирусы – всё это существует для того, чтобы сократить число человеческих особей. Никто никому не нужен. Люди – бесполезная биомасса, как и животные. Или просто животные. Так она говорит.

Ночью она напевает мне старинную колыбельную про девушку, которая ждёт своего любимого из дальнего плавания, а тот погиб в сражениях.

По утрам она читает газеты, а собираясь в школу, объясняет свою теорию бесполезности образования.

В общем, она говорит о чём угодно, только не о самом важном, не об изменениях. Не о прошлом, не о ней самой. О массе ненужных глупых мелочей, пытаюсь заговорить меня и увести от главного. Не знаю, почему я играю в её игру, но я старательно делаю вид, что так и должно быть.

Это всё потому, что мне кажется, что так лучше. Ведь она начинает жить полноценной жизнью. Не так ли?

Мы идём по обледенелому тротуару, я поддерживаю её за локоть, чтобы она не поскользнулась. Её маленькая голова метается из стороны в сторону, оглядывая улицу. Она изучает всё с таким умильным выражением на лице, будто видит впервые. Даже не отдавая себе отчёт в том, что говорит, она бубнит о психологии убийц, о синдроме Аспергера, о всякой ерунде. Мне начинает казаться, что она боится умолкнуть... Боится утонуть в тишине. Поэтому я тоже говорю и стараюсь поддержать тему разговора.

- Ты хотела бы уехать отсюда? – спрашивает она меня, снимая перчатки и засовывая их в карман пальто.

- Для меня это не столь важно. Если бы ты захотела, мы бы могли уехать. Ты бы хотела?

- Нет, я не хочу. Ты не уедешь от себя.

- Ты можешь изменить себя – я шурюсь от зимнего солнца – Стать другой.

- Один человек говорил, что люди не меняются, а лишь притворяются. А потом я поняла, что людей могут менять только события. Трагичные, рвущие сердце и душу, ужасные события.

- Они могут быть и хорошими. – поправляю я её.

- Нет, не могут.

- Например, рождение ребёнка – продолжаю я свою мысль – Оно полностью меняет девушку.

- На неё просто ложится дополнительная ответственность, не больше. Со мной бесполезно спорить.

И мы молчим.

Я подхватываю ком снега и делаю снежный шар, запуская его в ближайшее дерево.

Мы по-прежнему молчим.

Может быть, в её словах и есть смысл. Тебя предают – ты перестаёшь верить, тебя обманывают – ты становишься замкнут, и ищешь везде подвох, тебе плюют в душу – ты с опаской станешь открывать её людям, или перестанешь это делать вообще. Но зачем это делать? Почему просто нельзя смириться с тем, что этот мир и эти люди не идеальны и продолжить жить, не заостряя внимания на таких моментах. Зачем во всём хорошем искать плохое? Со скуки ли?

Если задать ей эти вопросы – она не ответит. И я не отвечу, потому что я точно такая же. На самом деле. Я просто боюсь потерять её, стоит только на миг выпустить её из рук и она исчезнет в потоке жизни, как рыбка, вырвавшаяся из плена и скрывшаяся в толще мутных вод – её не вернуть.

Почему мы всё время думаем и думаем? Над смыслом жизни, над поступками, над их причинами. Разве нельзя жить, не отравляя своё существование постоянным напоминанием его бессмысленности? Нельзя. Мы уже не можем по-другому.

Мы останавливаемся возле магазина с широкими синими окнами, она открывает дверь, и мы входим в тёплое помещение. На нас косятся кассирши и охранник, переглядываясь и перешёптываясь. Мы сдаём школьные сумки в камеру хранения и проходим в зал. Возле молочных продуктов стоят женщины в поношенных дублёнках и пристально изучают состав продуктов, рядом с ними их дети, укутанные в шарфы и тёплые комбинезоны, хнычущие и трущие свои красные от мороза носы маленькими ручками. Волна отвращения захлёстывает меня.

Семейная жизнь только портит людей. Поначалу всё идёт хорошо: пикники, вылазки на природу, рестораны, кафе и ухаживания, быт, о который не разбивается лодка любви, даже рождение ребёнка не сразу меняет этих двух людей. Всё хорошо, как кажется на первый взгляд.

Но страсть уходит, уходит понимание и доверие, а следом за ними уходит и любовь.

Тогда что же их связывает? Почему они не расстаются и не разъезжаются по разным концам города, деля совместно нажитое имущество и отвоёвывая право воспитывать их ребёнка? Некоторые, между прочим, так и делают, но остальные остаются делить семейное ложе с нелюбимым человеком ради уверенности в завтрашнем дне.

Людам, знаете ли, очень нравится знать, что завтра ничего глобально не изменится. Они пойдут на работу, вернутся домой – и будут твёрдо уверены, что там их ждут. Эти же люди одновременно страдают от этой нудной рутины, заводя романы на стороне или с головой уходя в новые хобби и увлечения.

Они счастливы. Или, быть может, они так только думают. В любом случае, у нас есть уверенность лишь в одном – завтра мы будем так же одиноки, как и сегодня. По крайней мере, мы не обманываем самих себя.

Не свободой ли это называется? Если нам не нравится такой сценарий дальнейшей жизни – мы всё можем изменить. Всё в наших руках. Мы не должны жить, как нам кто-то говорит, не должны выполнять чужую волю, нас не сдерживают рамки зыбких понятий морали. Сегодня или завтра мы можем умереть. Или взять деньги и сорваться в чужую страну, даже не зная языка.

Но если кому-то кажется, что нам это нравится – это ошибка. Мы просто знаем правду, знаем, как всё это случается с другими, но вовсе не довольны участью одиноких неприкаянных путников.

И, наверное, именно поэтому я не хочу её отпускать. Именно поэтому она не прогоняет

меня. Среди всего этого мы есть, только мы вдвоём. Что бы нас ни связывало, но мы рядом. Завтра утром я открою глаза и услышу, как рядом тихо и мирно дышит Р., я буду видеть её ещё много-много дней, она не оставит меня, а я её.

На земле нет верности, но попробовать никогда не бывает лишним.

Р. проходит мимо стелажей с печеньем и заворачивает налево, окидывая взглядом полки, переполненные товаром. Я следую за ней, и мы останавливаемся возле напитков. Она берёт пару банок энергетика, я беру энергетик и кофе.

С таким питанием и режимом сна не знаю, как мы ещё держимся на ногах. Думаю, все наши внутренние ресурсы истощены уже до предела, но, тем не менее, никто не собирается останавливаться. За всё это время, живя с ней, я сильно похудела, хоть она и пыталась отучить меня от её же привычки пить жидкости, но не есть.

У кассы мы берём несколько пачек жвачки и шоколадку и выкладываем свой товар. Охранник подозрительно на нас косится и брезгливо окидывает взглядом наши скромные покупки. Я расплачиваюсь, и, получив обратно сумки, мы движемся к выходу. Этот магазин один из наших любимых. В нём удобное расположение полок, такое, что сразу можно найти, что требуется, не тратя время на лишнее разглядывание витрин, попадающихся на пути. Здесь, у входа, окна во всю стену и сквозь них видна улица и толпа людей. Снаружи холодно, а внутри так тепло и уютно, что не хочется отсюда выходить.

Стоит открыть дверь и выйти, до нас доносятся звуки дороги прямо напротив. Я прикрываю глаза и стараюсь насладиться свежим зимним воздухом.

Р., подцепляет ногтём крышечку жестяной банки и открывает её, сразу же делает глоток.

- И всё-таки, нам бы не помешало уехать. Так я думаю.

- Несколько минут назад у тебя было иное мнение – я удивлённо поглядываю на неё, недоверчиво шуря глаза.

- Оно изменилось – она наступает на мягкую игрушку, валяющуюся посреди дороги – Этот город я и люблю и ненавижу, но одно знаю точно – я хотела бы умереть именно в нём.

- Тебе ещё рано умирать.

- Я думаю, что в самый раз – она смеётся одними губами, глаза остаются всё такими же печальными.

- По тебе не скажешь. Ты выглядишь новой и чуточку счастливой.

Мы проходим мимо зеркальных окон ещё одного продуктового магазина и она, заинтересованно оглядывая себя, говорит:

- Ты сделала этот вывод, потому что я надела это светлое платье? Потому, что я постригла волосы?

- Может быть, и так. В любом случае, ты же мне ничего не объясняла.

- Придёт время, и ты всё узнаешь, обещаю.

- Почему не сейчас? – я задаю этот вопрос, но знаю, что чем спорить с ней, лучше замолчать.

- Потому что мне этого хочется. Тебе не холодно? – она указывает на мою лёгкую куртку.

- Нет, мне тепло.

Она долго роется в кармане, прежде чем выудить оттуда ключ с брелком в виде летучей мышки, и открывает дверь, пропуская меня вперёд. Наше любимое шумное общежитие. Из кухни доносятся заманчивые запахи выпечки и шипение сковородки, соседи о чём-то сплетничают, порой переходя на шёпот. Мы снимаем мокрую обувь и верхнюю одежду, и проходим в свою комнатку.

Что мне нравится так это то, что в ней редко что меняется. Не считая цветов, что здесь повсюду наставлены, рисунков и прочих мелочей комната остаётся прежней. В ней всегда лёгкий беспорядок, что только прибавляет ей домашнего очарования. Эта маленькая комната стала мне домом, которого у меня никогда не было. Были бездушные коттеджи с двумя спальнями и тремя ваннами, были особняки с прудами и бассейнами, с оранжереями, вобравшими в себя коллекцию всевозможных редких растений, огромные столовые с длинными дубовыми столами, отполированными и покрытыми лаком, но дома, его никогда не было. Ведь дом это не роскошь и не богатство, не то, чем можно кичиться и гордиться. Это твой персональный уголок, где ты чувствуешь себя комфортно и хорошо. Твоя крепость, за стенами которой испытываешь защищённость и покой. Чем больше в нём полочек, шкафчиков, вещей и разных милых деталей, тем больше он мне приятен, я не люблю минимализм и большие пустые комнаты – они напоминают мне те дома, которые я всегда ненавидела. Она ставит купленное в холодильник и, переодевшись в тёплую толстовку, ложится на диван. Я сажусь рядом:

- Давай я приготовлю поесть.

Р. откидывает голову на подушку:

- Ты же знаешь, что я редко ем.

- Конечно, знаю – беззаботно отвечаю я – Вот и настал момент.

- Нет, я не хочу.

- Я не буду тебя слушать, всё равно приготовлю и заставлю съесть. Можешь пойти со мной на кухню и посидеть рядом, или подождать здесь. Выбирай.

Вместо ответа она встаёт и направляется к двери, мы идём на общую кухню.

Она заставлена старой развалившейся мебелью и плитой, по виду, времён советского союза. Змеи труб тянутся по потолку и стенам. Пол здесь покрыт дешёвым линолеумом, а потолок побелён: над плитой побелка вся стала коричневой, а в других местах кошмарно жёлтой в крапинку. Любимый уголок в этом месте – стол возле окна. На него наставлено порядка пяти растений в глиняных горшочках, а посередине стоит пепельница. Она всегда или почти всегда пустая и чистая – это потому, что все курильщики выбрасывают сигареты из форточки.

Р. садится на табурет возле этого стола и щепетильно рассматривает листочки тёмно-зелёных растений.

- Кто-то прожёл сигаретой листок – грустно выдаёт она.

- Это бывает.

Я открываю принесённый пакет с замороженным картофелем-фри – ведь кроме «только напитки, никакой еды», существует ещё и «если готовить, то только полуфабрикаты», и кидаю их в кастрюльку с кипящим маслом.

Пока еда готовится, мы говорим о разных странах и городах, о Палестине, Риме, Париже и постепенно переходим на нашу родную Россию. Она вспоминает о своей поездке в Санкт-Петербург, об Александро-Невской лавре.

- Я бы не хотела покоиться в обыкновенном гробу, под чёрным мраморным памятником.

- Тебе подавай шик и лоск?

- Я бы обошлась склепом. Это красиво и величественно. Ведь раньше фараоны строили целые пирамиды, которые позже стали местом экскурсий для туристов со всего света.

- Конечно, ведь это были фараоны. А мы простые обыватели.

- А я думаю, что иногда люди воспринимают тебя так, каким ты пытаешься показаться. Это играет немалую роль. – она отрывает прожжённый листочек и кидает в корзину для мусора – Если я умру раньше тебя, пообещай построить мне склеп.

- Обещаю – не задумываясь, отвечаю я. – Все покойники города тебе обзавидуются. Я достаю из кастрюли готовый картофель и выкладываю на тарелке. Мы снова возвращаемся в комнату, я беру из холодильника кетчуп и аккуратно выдавливаю на тарелку.

- Не хуже, чем в ресторанах – довольно заключаю я.

- Ты молодец – одобряет Р. и делает первую пробу – Вкусно.

Мы едим, а время течёт и течёт. Совсем скоро уже вечер, хотя я не заметила как прошло столько времени.

Только мерцающий экран телевизора освещает комнату – Р., лежит рядом и смотрит очередной выпуск новостей.

- Обними меня – вдруг говорит она – Мне очень это нужно.

Мы засыпаем в обнимку.

Глава семнадцатая. Снег

Это произошло 31 декабря. Я открыла глаза, но никого рядом со мной не оказалось, я вышла в коридор, пошла на кухню, но и там никого не нашла. Я вбежала в комнату и стала рыться в ящиках – они были пусты. Исчезли цветы, рисунки, её вечный хлам, который умилял меня – везде, где прежде располагались её вещи, теперь ничего не было. Оставалась только вмятина на простыне возле меня – совсем недавно она была здесь. Я пробовала позвонить, но телефон был отключён.

Я ощущала себя опустошённой. Слово это я и есть та самая квартира, из которой всё вынесли. Где она? Где она, чёрт возьми? У меня будто вырвали душу. Взяли и вырвали грязными острыми когтями.

Эта комната, такая родная и близкая в одно мгновение стала чужой и враждебной. Я-то думала, что весь этот уют создаётся за счёт милых безделушек и мебели, но в действительности всё дело было в человеке. С Р. даже комната с оштукатуренными стенами была бы пределом мечты. И я поняла это только сейчас. Главным компонентом этого счастья была, конечно, она. Не идеальная, не такая уж добрая и отзывчивая, но родная и близкая до боли.

В полной растерянности я вышла на улицу и медленно побрела в школу – моей единственной надеждой было то, что Р. уже там, что она объяснит мне произошедшее, и я успокоюсь. Я встречала людей, машины – всё в один миг стало чужим. Удивительно, ведь я даже не заметила насколько привязалась к ней, как жизнь уже не кажется такой, как прежде, когда она далеко. Подобные слова раньше казались мне чушью, но не теперь, когда я всё прочувствовала на себе. Это такое чувство, будто у тебя нет ноги или руки, чего-то катастрофически не хватает.

Но в школе меня ждал новый сюрприз.

Нет, она пришла. И даже пришла вовремя, без опозданий. Но как...какая она была. Я посмотрела на неё и испытала внезапный приступ страха – она была такая же, как в нашу первую встречу. Её одежда, взгляд. Длинное чёрное платье с корсетом и прозрачной тканью в области шеи и плеч. Короткие рукава, но на запястьях повязаны чёрные атласные и кружевные ленты, надёжно скрывающие шрамы. Тяжёлая обувь, лак – всё снова чёрное.

Вот она Р., моя ночная гостья, представшая передо мной во всей своей мрачной красоте. Чёрная ткань на фоне белоснежной кожи. Траур на юном, трепещущим жизнью теле. Я хотела бы запечатлеть каждый сантиметр её тела. Ногти, руки, родинки, шрамы, её волосы, лопатки и ключицы. Она такая худая, лёгкая, её так мало в этом мире. На маленьком лице ярко выделяются глаза – самое любимое в ней. Я ни у кого не видела таких глаз. Такого же окраса – сколько угодно, но вот такого же выражения – никогда. В них, кажется, есть всё, кроме радости и хоть чего-нибудь хорошего. Там есть тошнота от осмысления всего происходящего и окружающего, тоска, грусть и отчаяние. Они затягивают. В них страшно смотреть, но и отвести взгляд становится невозможным. Порой в них проскальзывает безумие, и я ощущаю, насколько тонка грань между разумом и полным его развалом. В эти минуты я понимаю, какая она сильная, какие титанические усилия требуются ей, чтобы продолжать существовать. И, увы, именно существовать, а не жить, потому что, по сути, она не живёт.

Она сидела за своей партой и смотрела в окно, сжимая в руках чёрный маркер. Когда я вошла она лишь украдкой взглянула на меня и тут же снова переключилась на зимний пейзаж за тонким стеклом, показывая мне, что не желает со мной общаться. А на улице была метель. Р. любила её.

Я хотела подойти к ней на перемене, но не смогла её найти: ни в библиотеке, ни в коридорах её не было. Она не пришла на следующий урок. Теперь ещё и школа стала пустой. Всё не то, всё не так. Я была обеспокоена сверх меры: где она живёт, если съехала с комнаты? Почему делает вид, что не знает меня? Неужели её видимое выздоровление оказалось ничем иным, как блефом? Мне-то казалось, что ей стало лучше, она начинает жить и чувствовать, но за этим последовал упадок, такой неожиданный, что я была ошарашена и не в состоянии здраво мыслить о причинах этого. Последние уроки были для меня пыткой: такие нудные и томительные. Мне хотелось вскочить со своего места, скинуть все учебники, перевернуть парту и рвануть отсюда со всех ног. И никогда-никогда больше не возвращаться. Наверное, когда-нибудь я так и поступлю, если мне удастся уговорить Р. уехать отсюда со мной. Далёко, в другой город или даже другую страну. У моих родителей хватит средств на нас обеих, поэтому бояться нечего. Я бы могла изменить её жизнь, я старалась изо всех сил, но навряд ли у меня получалось хоть что-то.

Когда мне исполнилось десять – родители отдали меня в музыкальную школу. Они купили огромное пианино и заставляли меня часами просиживать за ним, усердно уча заданное в школе. В доме с утра до ночи было слышно, как я играю, порой фальшивя. Со временем я полюбила играть на нём, как и осознала всю прелесть классической музыки. Это было восхитительно. Быть не творцом, но исполнителем гениальных произведений, извлекать чудесные звуки и пробуждать в сердцах те или иные чувства. Когда играешь на каком-нибудь любимом инструменте, даже становится легче. Нужно только подобрать близкое тебе произведение, и, тогда, играя его, постепенно отходишь от всех своих проблем и погружаешься в мир музыки.

Я играла «Лунную Сонату». Снова и снова. От начала до конца. Это должно было спасти меня от навалившейся пустоты, но не спасло. Я остервенело жала на клавиши, пытаюсь выжать из старого пианино всё, что возможно. Окно было настежь распахнуто, в комнату задувал холодный ветер, раздувая тюлевые занавески. Где-то вдалеке долго и протяжно выли собаки. Я не могла найти себе места. Меня удерживало лишь ожидание – я была уверена, что скоро ситуация прояснится, но вместе с тем на душе было скверно от страхов и фобий. Так или иначе, но сложно находиться одному, когда привык двадцать четыре часа в сутки проводить с одним человеком. Когда вы делаете вместе буквально всё. Начиная с утра, когда вы просыпаетесь вместе и идёте умываться, заканчивая тем, как вы вместе засыпаете. А между утром и ночью огромный промежуток в день и вечер, в который вы тоже вместе. Читая или слушая музыку, но рядом, в нескольких сантиметрах друг от друга. Ты привыкаешь к человеку, к его привычкам и характеру. Как он пахнет, как ест, вся его мимика, ужимки. Господи, как мучительно вспоминать всё это, когда от вас, единого целого, остаются только две расколотые половины.

Вдруг мой телефон пикнул, извещая о новой смс от Р., следующего содержания:

«Приходи ко мне, на старую квартиру ровно в полночь».

Значит, вот куда она переехала. Что ж, это было ожидаемо, хотя я не думала, что она не предупредит меня и не заберёт с собой. Интересно, какие у неё были причины на такой поступок? Будет возможность с ней поговорить и всё обсудить – уже хорошо, ибо человека всегда пугает неизвестность.

Я подняла руку и посмотрела на часы – полдвенадцатого, осталось полчаса, собраться и пойти. Никогда в жизни спешка не приносила ничего хорошего, но только не сегодня. Одежда летела из шкафов на кровать, ящики стола с резким звуком выдвигались, да так и оставались в таком положении, я чувствовала, что нужно спешить.

Уже схватив ключи, я обнаружила, что моя верхняя одежда постирана и мне совершенно не в чем добраться до её дома, но даже это не могло меня остановить. Родители спали, я закрыла дверь на ключ и побежала.

Ветер пронизывал меня насквозь. Под тонкой рубашкой сердце трепетало и бешено колотилось, адреналин разливался по телу, согревая меня. Тук-тук-тук. Ещё бежать и бежать, это кажется бесконечным. Горят фонари, мягко опускается снег. Тук-тук. Времени на то, чтобы пожалеть себя или хотя бы поёжиться от холода нет, я бегу всё быстрее и быстрее. Грудь разрывается от боли, но нужно спешить. Свет фонарей, горящие фары машин и одинокий свет в окнах кирпичных домов – всё смешивается и превращается в какой-то ком света. Это чувство потери реальности, как сон. Будто это всё не со мной, я лишь наблюдатель, соглядатай. Тук-тук-тук-тук. Развевающиеся волосы хлестают меня по лицу, горло обжигает ледяной воздух, но я вдыхаю его всё сильнее и сильнее. Вот уже вдалеке маячит её многоэтажка, но я слишком устала и замёрзла, чтобы радоваться этому. Это просто цель. Как в играх, когда ты бежишь до пункта назначения, только герои игр ничего не чувствуют, в отличие от реальной жизни. Я подбегаю к кодовой двери и непослушными пальцами набираю номер её квартиры, дверь открывается.

Р. смотрит на меня. Я стою на пороге, с меня ручьями стекает растаявший снег, она в ужасе округляет глаза:

- Где твоя одежда?

- Её постирали.

- Бери полотенце, вытирайся и проходи в комнату.

Я раздеваюсь и растираю обмороженные красные конечности, она подаёт мне тёплую толстовку и джинсы, закутывает в плед. В комнате полная разруха. На стеклянном столе стоят бутылки виски и рома, в беспорядке валяются сигареты, причём там же, рядом с ними, лежат окурки и пепел. Гремит тяжёлая музыка из колонок. Одежда раскидана по комнате, а шторы сорваны вместе с карнизом. Хрустальные статуэтки безжалостно разбиты вдребезги. Сама Р. в коротком платье и чулках, она приземляется на кожаный диван и берёт в руки уже открытую бутылку виски, пьёт прямо из горла, а затем протягивает мне:

- Пей, согреешься.

Я беру и делаю несколько глотков.

Она закуривает, я вместе с ней.

- Как это понимать?

- Что именно? – спрашивает она.

- Всё это. Что за погром? Что с тобой произошло? Откуда здесь вся эта дрянь? – я обвожу взглядом стол с алкоголем и сигаретами – Переезд празднуешь, чёрт возьми?

- Не слишком ли много вопросов ты задаёшь? А впрочем, ладно. Я позвала тебя сюда именно затем, чтобы дать ответы на все вопросы. – она откидывает голову назад и выпускает через ноздри дым.

- Неужели, наконец, я буду в курсе всего случившегося с тобой?

- Да. Так нужно. – она пьёт ещё.

Я пытаюсь жестом остановить её:

- Тебе, по-моему, уже достаточно.

- Нет, мне в самый раз. Сегодня всё должно быть именно так. Я расскажу тебе мою историю. Не с начала, разумеется, и не до самого конца. Вряд ли ты поймёшь, вряд ли воспримешь это точно так, как воспринимаю это я, но я хочу, чтобы ты знала. – она

закидывает ноги на стол, и я думаю до чего же она роскошна в этих чёрных чулках.

- Да, я бы тоже хотела это знать.

- Единственное, я не знаю с чего начать. Если с рождения – это слишком долго, с самих событий – ты не поймешь, почему я так на них реагировала, если не знаешь о юности. – она тушит сигарету о стекло и вытаскивает из пачки новую.

- Твоё детство тоже было богато на события?

- Конечно. Всё не задалось с самого начала. Мама ходила по врачам, ложилась на обследования и все наперебой твердили, что родится мальчик, а появилась я, своим первым резким криком извещая присутствующих о своём твёрдом намерении ворваться в эту жизнь. – Р. растягивает губы в улыбке, только сейчас я замечаю, что на них тёмно-бордовая помада – А потом к маме в палату приносили меня на кормление и рассказывали, что я лежу, молча оглядывая окрестности в то время, как другие дети исходят истошным криком.

- Твоя мама напротив должна была радоваться этому факту – я подмигиваю и стараюсь настроить её на более весёлый лад.

- Не знаю, ей было, наверное, всё равно. Но я всегда отличалась от других – это факт. И это мешало мне жить.

- Это твоя индивидуальность и уникальность.

- Это бред. На самом деле, лучше быть невообразимо глупой, чем видеть всё, как есть и всё понимать. Лучше сливаться с остальными и ничем не выделяться.

- Я думала ты наоборот с уважением относишься к индивидуумам, отличным от серой массы.

Р. делает затяжку, оставляя на сигарете тёмный след от своих губ:

- Да. С бесконечным уважением и бесконечной жалостью. Это прекрасно в плане искусства, но не пригодно для жизни. Сама посуди. Ты не знаешь ни о горестях, ни о разочарованиях, ты имеешь подругу, такую, каких можно найти за пять минут, но ты думаешь, что она самая лучшая и ты счастлив. Ты туп, глуп и являешься примером зомбирования масс телевидением, правительством и всем, кому не лень, но ты просто этого не осознаёшь. Тебе просто хорошо. И кто ответит что лучше?

- Если бы не было выдающихся и выделяющихся людей у нас бы не было ни этого телевидения, ничего, понимаешь? – я блуждаю по комнате в поисках стакана, чтобы не пить из горла и натыкаюсь на папку со всеми теми рисунками. Она небрежно перевязана верёвкой и брошена посреди комнаты.

- Но кто сказал, что я хочу быть в их числе? Я ненавижу этот поток мыслей в моей голове, который невозможно остановить. Я бы хотела избавиться от него хотя бы на минуту, побыть в тишине, не слыша своего мерзкого внутреннего голоса.

- Продолжай.

Р. встаёт и, прикуривая сигарету, начинает ходить из угла в угол. Ленты давно сняты, я вижу её шрамы – она их больше не прячет от меня – в этом нет смысла.

Наконец, она перестаёт описывать круги по комнате и вновь садится на диван, подгибая под себя ноги. Она начинает рассказывать.

Глав восемнадцатая. Всё так, как должно быть

Каков был для вас первый день весны? Вы запомнили хотя бы один из таких?

Я – да.

Это воспоминание, погребённое в моей голове со временем стало белым, как засвеченная плёнка. Оно сливается со всем, становится прозрачным и исчезает, чтобы потом вернуться вновь. Странно, что я не могу вспомнить деталей. Например, какая тогда была погода, или сколько было времени.

Но я помню всё остальное.

Вот сижу я. Вся в чёрном, перепуганная и побледневшая. Мои руки мелко подрагивают, я прячу их в складках своей кофты. В комнате неимоверно душно, мне кажется, что я задыхаюсь.

Это мой внешний вид. А внутри я маленькая и невинная. Моя душа кристально чиста, а любовь – высокое светлое чувство.

Она – рядом, слева от меня. В сером пиджаке и белой футболке. Её глаза искрятся, я смотрю и не могу наглядеться. Какой взгляд, какие ресницы, неужели это реальный человек, а не сон?

Ведь всё происходит действительно как во сне, замедленно и переливчато. И, если я дотронусь до неё – или проснусь, или сойду с ума.

Её руки, как раскалённое железо, обжигают меня, оставляя на белой коже следы. Она всё ближе и ближе, я слышу её дыхание, и как в нотках её голоса звучит чистое озорство.

Как же так, почему всё так? Что происходит со мной, когда она поблизости?

Она обнимает меня. Тёплая, мягкая, настоящая, я не могу поверить, что держу её в своих объятиях.

Она что-то говорит, но из-за шума в ушах я ничего не слышу и переспрашиваю.

«Я слышу, как стучит твоё сердце».

Я тоже слышу, как безумствует моё сердце, его неровный ритм отдаётся эхом в голове.

А она такая горячая, раскалённая, в её руках я ощущаю себя тающим льдом, ещё немного – и от меня останется одна только вода. Я растворюсь.

А потом в памяти всё и вовсе сливается. Её губы. Нежные, влажные. Мы соприкасаемся губами, я с трудом дышу, но ещё крепче сжимаю руки вокруг её талии. И в этой позе мы проводим много времени, ещё очень много.

Потом была тёплая звёздная ночь, я лежала на кровати, уставившись на кусочек неба, видневшийся из окна, и блаженно улыбалась. Что удивительно, в моей голове не было ни одной мысли, всё куда-то испарилось, оставив только спокойствие и умиротворение. Как было хорошо ни о чём не думать! Ни о том, что будет завтра, ни о том, к чему это приведёт. Я бы всё отдала за такую жизнь. Да, без идей и мыслей, без способности творить, без возможности чего-то добиться. Но в этом вечном состоянии заторможенности и безграничной радости. И ведь у некоторых именно такая жизнь.

Мне это напоминает рождественские подарки, как если бы Санта Клаус перепутал подарки и девочке подарил машинку, а мальчику куклу. Наши жизни отданы не тем людям. Бедные хотят стать богатыми, обеспеченные люди изнывают от тоски. Моя жизнь – она не должна быть моей, это чья-то чужая несчастная судьба, но уж точно не моя.

После того эпизода в моей квартире мы встречались каждый день. Ни одного не было дня, чтобы мы пропустили его и не встретились. Она заходила за мной, и мы шли гулять. Удивительно, но первая моя мысль с начала наших отношений – осознание, что я больше не одна. Вот так в один момент я перестала быть одинокой. Ведь каждый вечер я была с

ней, смеялась и наслаждалась жизнью.

Когда счастлив – сам не замечаешь, как летит время. Как стремительно проходят дни, недели, месяца. Ты стоишь, окликаешь жизнь и не понимаешь, почему же всё так быстро пронесётся вокруг тебя, но остановить ход времени невозможно. Наступает вторая осень, зима, весна, а ты всё оглядываешься на прошлую и не понимаешь, как так промчался год. Ну, как же так?

И почему, когда мы несчастны, всё с точностью до наоборот? Зачем на страдания нам дано гораздо больше времени? Не коварная ли это шутка судьбы?

Ведь когда каждая минута даётся с трудом, тогда и все эти недели тянутся бесконечно долго, будто в замедленной киносъёмке.

Так произошло и со мной, я не успела прийти в себя, как поняла, что время безвозвратно ушло и его ни за что не вернуть. Мы были вместе уже больше года, и, моя жизнь стала невыносимой.

Потому как я снова была одинока. Это было одиночество вдвоём. Я просто не была уверена в завтрашнем дне, что и завтра, и послезавтра и всегда-всегда она будет со мной.

Если отношения длятся слишком долго, можно заметить, как более редки становятся встречи, становится меньше тёплых искренних чувств и слов, а всё больше ссор, склок и скандалов. В этом и есть отличие пары парня с девушкой и парой двух девушек. У первых есть ещё будущее – свадьба, дети, а что есть у вторых? Разумеется, завести ребёнка такая пара может, но решающихся на это единицы, остальные просто расходятся потому как не видят впереди больше ничего.

Со временем всё переосмысливается, и я стала думать: а любила ли она меня вообще? Или это была лишь видимость любви?

Я чётко помню её изображение на экране монитора. Её лицо, взгляд и изгиб её губ, когда она произносила это «Я тебе изменила».

- С кем?

- Я тебе не скажу.

- Но почему?

- Не хочу, чтобы ты причинила вред этому человеку.

И это говорит та, что стала светом в моём тёмном мире, кто вытащил меня из пропасти отчаяния и обратно толкнул туда.

Но, так или иначе, я знала имя этого человека – К. Я не была лично знакома с этой девушкой, но знала, что она тоже пережила длительные отношения, долго страдала после расставания и одно время вроде как, ни с кем не встречалась, а после этого стала спать со всеми подряд. Как можно было изменить с таким человеком? И по какой достойной причине?

- Прости меня за всё. Я много раз плохо поступала.

Да ты просто убила меня. Заживо закопала. Испепелила равнодушием.

- Я знаю, что я плохой человек. Извини.

Из глаз даже не лились слёзы – я знала, что так и будет, всё шло именно к этому. А просить прощения за разбитое сердце – это ещё одно оскорбление и ещё одна пощёчина.

- Почему ты молчишь? Не простишь?

- Нет – выдавила я из себя.

- Жалко. Пока. – сказала она и отключила связь.

Сколько безразличия и равнодушия. Так много, что в нём можно утонуть.

Всё это никак нельзя было охарактеризовать, всё, что со мной происходило, было странным даже для меня. Первым тревожным симптомом было – не просто отсутствие

аппетита, а тошнота при одной только мысли о еде, не то что о её употреблении. Меня тошнило, когда я ела и когда не ела – тоже тошнило.

Мне была вполне понятна эта тошнота – это следствие того, что меня облили грязью мерзостной и отвратительной, и нет ничего противнее этой грязи. Меня тошнило от реальности.

Моя любовь всегда была чиста и возвышенна. Я не позволяла себе грубостей, не помышляла ни о чём плохом. Я была просто маленькой девочкой, а у детей любовь самая искренняя. И вот мои благие намерения утопи в слизи гнусностей человеческого мира. Это чувство не передать.

Было жутко страшно наблюдать, как наши отношения с неотвратимостью катятся в никуда. В тот мир, где случайно встретившись на улице, мы бы даже не поприветствовали друг друга, зная, что не так давно мы были в жарких объятиях друг друга, нашептывали слова любви и считали свой союз нерушимым.

Это момент, когда первоначальная страсть потухает, её должны заменить уважение и любовь, но для успешного завершения этой фазы нам катастрофически не хватало какого-то элемента. Я все силы отдавала на то, чтобы вытащить нас из этого банального сюжета всех пар, но она не делала ничего, кроме того, что всё больше охладевала ко мне.

Я задыхалась в беззвучном плаче и глотала слёзы ревности и обиды, когда она отстраняла мои руки, пытавшиеся обнять её, как она говорила, что сейчас не до этого. Всё превратилось в забавную игру, в которой я была чем-то вроде мячика, с которым играли только тогда, когда хотелось, а во всё остальное время он в гордом одиночестве возлежал на пыльной полке, вдыхая затхлый запах кладовки.

Это было несправедливо.

Но надежда, эта чёртова, изжившая своё, надежда умирает последней и только она держала меня на плаву. Какое-то смутное чувство, что всё может измениться, она повзрослеет и что-то осознает, поймёт как я ей дорога. И тогда она постучит в мою дверь, я отворю, и мы будем долго и чувственно разговаривать обо всём наболевшем. Она поймёт свою вину, извинится, и мы будем рядом. Столько времени, сколько потребуется. У нас будет совместное будущее с собакой и белым домом. Она будет приходить с работы, уставшая и запыхавшаяся, а я буду готовить ей ужин, ухаживать за ней. В нашей ванной будет висеть общее полотенце, а во всей квартире будет только одна кровать, чтобы мы не смогли спать по одиночке.

Всё обратилось в прах.

В один момент.

Я не знаю когда он наступил. Именно тот самый, переломный. Когда она проснулась и поняла, что больше меня не любит? Или не любила никогда?

Была ли наша любовь для неё только развлечением, а потом, когда пришло время решать проблемы и принимать важные для нас обеих решения, она сдалась и поняла, что сама не так уж преуспела во взрослении. Тем не менее, уже успев испортить меня.

И как это было мучительно. Получать от неё один незначительный поцелуй на прощание, как было горько, когда эта девушка, не хотела гулять наедине из-за якобы чрезмерной скуки. Каково было мне? Думала ли она?

А повышая на меня голос? Отталкивая? Проводя время с кем угодно, только не со мной? Обижаясь на меня, уезжая и оставляя меня совсем одну?

Неужели любовь не могла остановить это? Не могла крикнуть: «постой, что же ты делаешь? Ты ведь любишь её, нельзя так поступать. Она дороже тебе, чем обида». Но обида была дороже, а, может, и не было никакой любви, потому она и не вопила.

Мы встречались раза три в неделю, вместо тех наших каждодневных прогулок, а я не могла поверить: как быстро всё поменялось, почему так?

Наверное, за всё в жизни мы должны платить. Расплачиваться в три раза больше, чем испытали счастья. Это определённая дань этому миру.

И я ненавижу это.

Потом измена. И:

«Я не люблю тебя».

А ещё:

«Хорошо, что тебя нет».

И вот ещё:

«Я жалею о том, что было».

И я жалею. Как можно было так близко подобраться ко мне, чтобы вонзить свои стальные когти прямо в моё живое сердце, сжать его и сделать так, что я больше никогда не смогу любить?

Она не учитывала один простой факт – я слишком чувствительна и ранима, чем кажусь и каждое её неосторожное слово ранило меня так глубоко, что, если бы душевные раны были видны – всё моё тело было бы исполосовано кровавыми порезами, отдельные из которых порой открываются и кровоточат.

Я любила и ненавидела её. И, честно признаться, не знаю, какого чувства было больше. За всё это время она просто растоптала меня и мою любовь.

Я ощущала себя непередаваемо грязной.

Будто надо мной надругались.

Так вот я не могла есть, само моё тело отвергало жизнь, даже оно не хотело жить. Я шла по тротуарам, и всё казалось мне нереальным. Эти машины, лужи, деревья, кричащие птицы. Всё расплывалось, и было лишь чье-то дурацкой выдумкой.

Моё тело ломило, мне было невыносимо плохо, всё, чего я хотела – чтобы это прекратилось, но я не знала, как это сделать. А самым страшным явлением были воспоминания, всплывающие в любое время дня и ночи, чем бы я ни занималась. Как мы лежали на моей кровати, за окном хлестал дождь, а она говорила, что любит меня больше жизни. А после этого воспоминания – другое:

После ссоры я плачу, лежу и умоляю её не уходить. Прошу: «Останься, пожалуйста.

Просто засни со мной, я ведь не прошу больше, останься», но она всё вырывается из моих объятий и старается уйти, наконец, я укладываю её рядом, встаю, чтобы попить, а она говорит, что принесёт.

- Ты точно вернёшься?

- Да.

- Честно?

- Честно.

И вот не проходит и трёх секунд, как она вышла за дверь, я подсакиваю и вылетаю в прихожую, передо мной картина – она, взяв свои вещи, убегает, захлопывая за собой дверь.

Поэтому я не знаю, как будет правильнее – любить её или ненавидеть.

После того...я просто сломалась. Я не могла одна справиться со всеми этими мыслями. А потом произошло это.

Рука с лезвием в пальцах взметнулась вверх и с силой провела по венам. Кровь появлялась на моей руке и вдоль, и поперёк. Боли не было. Не было никакого ощущения реальности происходящего, было просто это лезвие, как орудие и безудержное желание остановить всё это. Простое желание – чтобы всё прекратилось, ведёт порой к страшным

вещам. Последнее, что я помню – это как вода в ванне стала ярко красной, а я отключилась. С улыбкой на губах, в надежде, что я больше не вернусь.

Потом больница, капельницы. Я об этом уже рассказывала.

Узнала ли она об этом? Конечно, узнала...и..даже не пришла. Не позвонила, не поинтересовалась как моё здоровье, да я и не требовала больше этого от неё. Почему мне что-то должен человек, который больше меня не любит? Я просто не могла смириться с мыслью, что такое возможно, до того я была ещё наивной. И я так же прекрасно знала, что она презирает людей, поступивших таким образом, значит, она презирала и меня.

Затем месяцы выздоровления, я поправилась и осталась жить, потому что чувствовала, что что-то не закончила, будто мне что-то предстоит. Моя мать вела себя равнодушно и избавилась от меня, переселив в другую квартиру. Они считали, что таким поведением я испорчу их ребёнка, а я просто собрала вещи и молча уехала.

Ветер шевелил кроны деревьев, повсюду были лужи и жухлая листва. Не пройдя и несколько шагов, я просто упала и впилась пальцами в землю. И тут мне стало так смешно. От понимания всей ситуации – какая я глупая. Ведь такое происходит со всеми, всех предадут, а я лежу тут и сжимаю землю со стекляшками окровавленной рукой. Я смеялась и не могла остановиться. В столь поздний час на улицах никого не было, только парочка мужчин выпивали у подъезда и поглядывали на меня, но это ещё больше рассмешило мой больной рассудок, и я продолжала смеяться, как ненормальная.

И вот, спустя несколько лет, я почти не вспоминаю о прошлом, но и настоящего у меня нет, равно как и будущего. Во мне навсегда пустота, только пустота и ничего больше. Чисто.

Как если стереть карандаш ластиком, или вывести пятна с одежды.

Но, кстати, о следах и пятнах – никто после неё не был со мной, никому я не позволяла целовать себя в губы – никому. Я не знаю почему.

Я успокоилась, сейчас нет эмоций, что захлёстывали меня тогда и я могу объективно обо всём судить. Всё, что было – сплошной бред, в котором я увязла.

Р. замолчала и между нами повисла неловкость. Она выпила ещё, я тоже потянулась за бутылкой и закурила.

- Тяжело. – сказала я, выдыхая дым через нос.

- Да нет, это обычно, я скоро объясню. – она затянулась – А пока давай просто покурим.

- И после того вы с ней не общались?

- Нет. Любовь нельзя навязать, ведь так? – она посмотрела на меня, будто сама не была уверена в сказанном.

- Нельзя.

- Вот и я так думаю.

- Насчёт того, что ты не была физически ни с кем после неё, серьёзно?

- Абсолютно. Я просто не хочу, чтобы кто-то ко мне прикасался в этом смысле. Или целовал. Она была первая и станет последней, хоть её этот факт и не обрадовал бы.

Она потушила сигарету и продолжила:

- И, понимаешь в чём дело. Все эти годы я просто молчаливо наблюдала за окружающим миром и не скажу, что всё, но многое в нём поняла. Наша жизнь попросту не имеет смысла. За взлётами падения, потом снова взлёты. Кто-то так живёт, кто-то этим мучается, но я просто вижу это. Я больше не участник жизни, я соглядатай. И так мерзко от всего этого становится.

Мне, знаешь, часто кажется, что я просто зря рождена. На земле властвует

естественный отбор и случайности, люди гибнут сотнями и тысячами, и никакого вреда от этого никому нет, всё естественно. А я лишь всё это осмыслила. Всю эту глупость. Ведь глупо, правда? Люди, единственные существа, обладающие абстрактным мышлением, до сих пор находятся во власти животных инстинктов и жестокости, а потом не могут продвинуться по лестнице эволюции вверх. Я родилась не в ту эпоху, а, может, и вовсе родилась зря. Я всё это понимаю, и не получаю от жизни уже ничего, правда. Ни радости, ни горести. По-моему нужно умирать именно тогда, когда уже ничего не чувствуешь.

- Но ко мне же ты привязалась? Значит что-то чувствуешь. – возразила я.

Она покачала головой:

- Это другое. Ты просто хороший человек, лучше всех, что я видела, потому я и не могла не привязаться немного к тебе, но в то же время эта привязанность ни к чему не приводит. Если бы ты сказала, что больше не хочешь быть со мной и ушла у меня бы не было ломки, как когда-то давно по ней.

-А что было бы?

- Мне бы было очень жаль. – она отвела взгляд в сторону, а потом резко схватила меня за руки – Пойми, ты должна жить, должна быть счастлива, но со мной у тебя нет ни одного шанса на это, я тонущий корабль, тебе необходимо спастись.

- А если я не хочу?

- Это будет лучше для тебя самой. Ну, почему ты меня не слушаешь? – со вздохом спросила она – Для тебя ещё не всё потеряно, поэтому нужно бороться.

- А для тебя, можно подумать, всё кончено? – обиженным тоном ответила я.

- Да. Сама видишь. Я не могу любить, не могу чувствовать и это не временная депрессия, это просто пустота от разочарования. Я думала - мир прекрасен, а он оказался пустым местом. Для него не существует понятий «хороший мир» или «плохой мир», он нейтрален, лишь мы придаём ему краски в соответствии со своими собственными суждениями о нём. Мир – это просто факт существования и не больше, и если это понять, то назад пути уже нет – это точка невозврата. Расставание с любимым человеком – это слишком банальная и простая причина для разочарования в мире, тем более для меня. Нет, она просто внесла свой вклад в то, процесс чего уже был запущен. Это были и родители, и люди, и она, и всё в совокупности.

- И никто-никто не может этого остановить? – я схватила её за плечи и легонько встряхнула – Но ведь тебе становилось лучше, я сама видела!

- Это было время, когда я думала, что если стать такой, как раньше, что-то изменится, но я ошибалась. Всё осталось на своих местах.

- Что будет дальше?

- Я не знаю. Не знаю. Знаешь, за что я люблю фильмы и книги? Они имеют конец. Герои, всё преодолев, в конце концов, к чему-нибудь приходят. Некоторые к смерти, другие к тому, что искали. Но в жизни ты вечно движешься, и это порядком раздражает. Считай эту ночь концом чего-то. Я хочу завершения всей этой глупой истории обо мне.

- Она не глупая ни на дюйм. Это история о несчастном человеке.

- Ты не знаешь ещё и половины моих горестей, это только четверть. Но об этом тебе уже ни к чему знать, я слишком устала. – она сползла с дивана на пол. – Я обессилена и хочу успокоения.

Я на четвереньках подползла к ней и обняла.

- Всё будет хорошо, обещаю. – я поцеловала её в лоб, полной грудью вдохнув запах её волос.

- Я верю тебе – она улыбнулась – Но теперь уходи, ты всё знаешь.

- Почему? Я не могу остаться с тобой?

- Завтра. Приходи завтра, я должна отойти. Захлопни дверь, я закрою позже.

Ничего другого не оставалось, кроме как обнять её в последний раз и уйти, надев на себя куртку, что она мне дала. Так прошёл этот странный день. Я плелась обратно домой. Шёл снег. Она никогда не сможет меня полюбить. Снежинки тают на моих ресницах.

На следующее утро её не оказалось в школе и я, словно что-то предчувствуя, вышла через запасной выход и помчалась к ней. Путь от школы до её квартиры показался мне коротким, и я преодолела его за несколько минут.

Перед подъездом были припаркованы машины скорой помощи и полиции. Я бегом взбежала к ней на этаж и принялась колотить руками в железную дверь, моля Бога, в которого я не верю, что эти машины для кого-нибудь из другой квартиры. Дверь открыла её мама. Хмурая и злая. На её осунувшемся лице, покрытом морщинами, был какой-то неизгладимый отпечаток старости, вроде она была и не слишком старая, но по глазам я бы могла дать ей все семьдесят лет.

Она вопросительно посмотрела на меня, а я стояла на лестничной площадке, не в силах собраться с силами и сказать хоть что-нибудь.

- Что с Р.?? – наконец, не то прокричала, не то прошептала я.

- А вы, собственно, кто? – хмыкнула она, оценивая меня разглядывая.

- Её близкая подруга.

- Её больше нет.

- Как?

- Вот так. Она умерла.

На батарее в подъезде тёмно-зелёная облупившаяся краска. А на потолке старая лампа с торчащими проводами.

Я падаю и тьма поглощает меня.

Я открываю глаза – белый потолок. Пытаюсь встать и обнаруживаю, что я лежу на каком-то диване, а вокруг меня сидит её мама и медики. Надо мной склонилась немолодая женщина-санитар, брезгливо держа двумя пальцами вату с нашатырным спиртом. Мне кажется, что я умерла и это начало моей новой жизни, родильный дом, но постепенно до моего просыпающегося сознания доходит, что я потеряла сознания и из глаз льются слёзы.

- Как она умерла? Когда?

Её мать устало смотрит на меня:

- Утром, или ночью. Эксперты ещё не установили.

- Но от чего?

- Она выпила упаковку таблеток и залезла в ванну.

Всё вокруг поплыло. Всё рухнуло.

- Почему вы не плачете? Ну, почему? Вы же её мать! - я протираю руки, потом опускаю их и сплетаюсь пальцами одной руки с пальцами другой.

- Да как ты смеешь? – шипит она, приходя в ярость – Не тебе меня судить!

- Ближе меня у неё никого не было, вы бросили её!

- Хватит устраивать тут драму, тем более при посторонних людях. Р. была больна, она уже совершала подобное раньше, но тогда её спасли и зря – на этих словах даже люди в форме осуждающе покосились на неё – Всё равно она завершила начатое. Так и должно быть. Жить нужно нормальным людям, а чокнутые должны в психушке лежать, а там их лучше всего умерщвлять.

- Но ведь она ваша дочь! Вы её девять месяцев носили под сердцем. – недоумеваю я,

переходя на отчаянный крик – Поэтому она так и поступила, всем вам с самого её рождения было плевать на судьбу дочери!

- Да это потому что она с самого рождения была странной! Вела себя не так, как другие обычные дети, мне было противно кормить её грудью, я не могла обнимать её.

- Вы тварь! – наконец, выкрикнула я то, что давно назревало у меня в голове – Просто бездушная тварь! Это вы должны были умереть, а не как Р.

- Чтоо? – взревела она, как сирена – Убирайся из моего дома! Быстро!

- Подождите – прервал мужчина средних лет с портфельчиком под мышкой, поднимаясь с кресла и подходя ко мне. – Дело в том, что Р. оставила что-то вроде завещания, пусть нотариально и не заверенного.

- Точно! – подхватываю я – Она оставила предсмертную записку?

- Да, но она взята для расследования следствием – говорит он, усаживая меня на диван – Но я её почти дословно помню.

Я бьюсь в истерике, до сих пор не в состоянии поверить в происходящее, я ведь видела её ночью накануне! Мы сидели на этом диване. Я сижу на коленях и рыдаю.

-Она написала - продолжает мужчина - что вы самое дорогое, что у неё было, что она смогла найти. Что она всегда и беззаветно любит вас и по этой причине просит хотя бы ради неё продолжить свой жизненный путь.

Самое дорогое. Самое ценное. Я опоздала. Я непоправимо опоздала появиться в её жизни.

- Где она сейчас? - спрашиваю я.

- Покойную отвезли в морг - отвечает главный врач, захлопывая оранжевый сундучок с медикаментами.

Покойная. Морг. Что значат эти слова? Какой контекст?

Морг. Эта бездушная комната с каталками и трупами. Трупами повсюду. Ей там не место, только не ей.

Это же она. Такая родная и любимая. Такая мёртвая.

- Когда будут похороны? - я задаю этот вопрос, не отдавая себе отчёта в сказанном.

- Ты и не думай, что ты туда сможешь прийти - вставляет эта отвратительная женщина, имеющая наглость называть себя "матерью".

- Да ну, не будьте зверем - примирительным тоном говорит врач – Лучше дайте девушке в последний раз увидеть подругу. Буду откровенен с вами, наши медики в последнюю очередь приезжают на вызовы именно с самоубийцами, они считают, что если уж они сами хотят умереть, то зачем пытаться их спасти. Подобное ещё существует в Японии - спасение жизни считается вмешательством в судьбу. Я не поддерживаю этого, но говорю как есть. - она хмыкает и опускает взгляд на пол в грязных следах.

- Нет, не будет её там! - возражает она.

- Если сами так не печалитесь, пусть хоть кто-то её оплакивает. - он кивает в мою сторону и хмыкает.

Она ещё некоторое время колеблется и, наконец, говорит:

- Ладно, так уж и быть, похороны во вторник.

Во вторник. Стало быть, через два дня.

Пол в этих чёрных следах врачей и полицейских. Ко мне подходят люди в форме и без конца что-то спрашивают о ней, я ничего не понимаю. Когда заходишь в ледяную воду - отнимается голос и ты не можешь произнести ни слова. Так вот чувство утраты - это как будто ты прыгаешь в озеро ледяной воды из которого нельзя вынырнуть.

И я понимаю, что снова падаю в обморок. Как всё смешалось в моей голове - Р., её бессердечная мать, санитары, смерть - я не могу всё это соединить воедино и осознать.

Это невозможно.

Гроб несут четыре с виду одинаковых мужчины в чёрных шапках и таких же чёрных куртках. Людей вокруг много и отовсюду слышно, как они переговариваются и шепчутся. До меня доносится: "Да по ней сразу можно было сказать, что ненормальная!", "Туда ей и дорога".

Вот этого и боялась Р. Этого гнусного обсуждения, ничего не понимающих людей. Будь моя воля, все они замолчали бы навсегда.

На улице холодно, но снег не идёт. Голые деревья скрючились в странных позах и заледенели. Ветви и небо – вот что сейчас перед глазами Р.

Мать идёт за гробом, держа в руках платок, но из её глаз не вытекло ни одной слезы. И вот я смотрю на неё... Она лежит в великолепном белом платье, накрашенная и красиво уложенная, что, если не присматриваться, можно, предположить, что она лишь заснула. Что это сон.

Но это реальность.

Я плетусь где-то сбоку, сжимая потерявшими чувствительность пальцами охапку белых роз. Во мне противоречивые чувства. Злость на её мать, горечь невозполнимой утраты и, тем не менее, я не испытываю жалости к ней. Теперь она не ощущает ни боли, ни страданий - ничего. И жалость – это низко. Она была не тем человеком, кто достоин жалости. И вот ещё что-то странное прямо в груди. Будто в меня выстрелили, хочется всё это бросить, закричать во всё горло. Когда ты ничего не можешь изменить, когда смерть прямо перед тобой, тебе хочется отключить сознание. Потому что ты не настолько мудр, чтобы примириться с этим, не настолько умён, чтобы дать объяснение этому, ты всего лишь человек, маленькая точка на огромной планете и тебе страшно. Очень страшно. Настолько, что всё остальное уже просто не имеет никакого значения. Как будто умер ты сам.

Все эти старухи, мужчины и женщины они вернутся домой и поставят чайник. Наберут полную ванну горячей воды и будут мыться, а потом лягут спать. А Р. этого уже никогда не сделает. Они забудут её, а потом, через какое-то время, они умрут и история повторится.

Она лежит здесь такая красивая, как в нашу первую встречу. Невозможно поверить, что нигде на земле её больше нет. Она - это только вот это вот неодушевлённое тело, да мои воспоминания. Что делает смерть с людьми, во что она их превращает? Вы можете в это поверить? Что эта материя, похожая на фигуру, вылепленную из воска, и есть Человек с большой буквы? Что он мог любить и плакать?

А теперь уже никогда не заплачет.

И слёзы ручьём струятся по моим щекам, замерзая на пальто и превращаясь в лёд. Солёный лёд.

В голове - пусто. Мыслей нет, только картинки из нашего совместного прошлого и бесконечное созерцание её мёртвого тела.

Мёртвого. До сих пор не могу привыкнуть к таким словам.

Настало время прощания. Прежде чем крышку гроба прибьют гвоздями и опустят на дно сырой глубокой ямы. Прежде чем она начнёт гнить.

Я целую её в холодный лоб. Не сдерживаюсь и плача в голос начинаю осыпать поцелуями её руки. Ледяные. Они и при жизни у неё никогда не были тёплыми. Меня оттаскивают от гроба и держат, пока мужчина вбивает гвоздь за гвоздём. "Нет!" - испуганно кричу я, а чьи-то руки только сильнее стискивают меня. Нет!

Я последний раз вижу её, самый последний. Краешек её волос.

Наконец меня отпускают, и я кидаюсь к гробу, его погружают в землю. Мать бросает горсть земли, потом другие родственники, потом я беру рыхлую землю и сыплю на дубовый гроб, изо всех сил борясь с желанием прыгнуть туда и попросить, чтобы меня закопали вместе с ней.

Кладу цветы. И могильщики, вооружившись лопатами, начинают закапывать могилу.

Секунда за секундой она всё дальше от меня, под грудой мёрзлой земли.

Не прошло и получаса, как на этом самом месте появилась могила. На неё установили памятник и обложили венками. Потихоньку все стали расходиться, ведь большинство пришло просто потому что у них вошло в привычку приходить на такие события как похороны и свадьба. Даже мама скоро уехала. И я осталась одна.

Я свернулась в комочек рядом с могилой и стала плакать.

- Зачем ты меня оставила? Ты же знаешь как мне тяжело без тебя. Я же люблю тебя! Как же я тебя люблю!

Меня даже посетила безумная мысль разрыть руками землю, оторвать крышку и похитить её. Принести домой, и лежать рядом пока я не умру.

Какая же разница между человеком, говорящим "я хочу умереть" и действительно смертью, ужасной.

- Даже твоей маме плевать, но мне-то нет, за что ты так со мной? Я ведь никогда тебе плохого ничего не сделала. Почему, Р.?

Ведь в её квартире ещё полно её же следов. На сигаретах отпечатки её помады, на горлышке бутылки частички кожи губ. Там повсюду она. Как можно этому поверить? Ещё несколько часов назад был человек, а теперь уже нет.

Когда я была совсем маленькая и однажды задумалась о смерти - я заплакала, я подошла к маме и спросила что станет с моими вещами после моей смерти. Кому они достанутся? В тот день моего детства я впервые осознала, что любой живой смертен.

Сейчас вспоминаю это и в горле горечь. Всем наплевать на её вещи, для всех они лишь груда бесполезного хлама. Её рисунки, стихи, всё, чего касалась её рука. Всё это станет лишь мусором.

В детском возрасте я вообще слишком часто думала о смерти и самоубийстве. И вот что я представляла: я умерла. Меня находят, увозят куда-нибудь, а мама уже отойдя от плача, заходит в прихожую и видит мои одиноко стоящие ботиночки. Уже никому ненужные и совсем ни для кого не важные. Они валяются так, как я люблю - в беспорядке. И вот она не знает что с ними делать и они одни одинёшеньки там стоят без хозяйки. А на полке лежит мой шарфик. А больше ничего и не говорит, что когда-то я жила. Потом их выбрасывают или кладут в коробочку и задвигают на антресоль и там они бесхозные и печальные собирают пыль.

Я сжала рукой землю.

Деревья нависают надо мной, холодно и сыро. Небо всё такое же безразличное.

И вот именно в тот день я выплакала все-все слёзы, что были у меня. И после того я не могу плакать.

Прошло несколько месяцев. Я ничего не взяла из её вещей потому что так посоветовал мой психолог. И, тем не менее, я нахожу это забавным, потому что сама я - сплошная память о ней.

Я уговорила родителей переехать, объяснив это тем, что больше не могу здесь жить и сегодня мы закончили сборы. Машины уже поджидали, чтобы их загрузили и отправили

по нужному адресу. Здоровенные белые фургоны.

За это время я многое поняла и обдумала, ведь времени у меня было предостаточно. И я пришла к мысли, что у неё действительно не было выбора. Остаться со мной - так было бы хуже и мне и ей. Ей - потому что она ничего не чувствует. Мне - потому что она не способна дать мне то, чего мне хотелось бы. И потому, что оставаясь с ней, я стояла на месте, а не двигалась вперёд, попирая главный закон жизни. Она была слишком несчастна, чтобы это было возможным вылечить. Как избавиться от плохих воспоминаний, если они - это вся прошлая жизнь? Может, она и была права, говоря, что не создана для жизни в этом мире. Она была слишком ранимой для мира, неспособного побороть жестокость и подняться на новый уровень. И как бы она не пыталась исправиться и измениться - всё было бестолку. Заставлять её жить - это просто было бы насилием над ней.

Мы слишком эгоисты, чтобы признать за человеком право добровольного ухода из жизни. Нам кажется, что он должен быть с нами для нашего же удовольствия. Нам вообще всегда слишком много всякой ерунды кажется.

Это как заставлять кого-то любить того, кто им противен. Любовь нельзя навязать. Ни к людям, ни к жизни.

Тем более что смерть одного человека ничего не меняет. Конечно, его близкие вряд ли это забудут, но в целом, жизнь людей - один большой муравейник и пропажа такого мелкого элемента - ничто.

Да, мне больно. Да, она до сих пор снится мне и будет сниться ещё бог знает сколько, но это жизнь и она просила меня прожить её как можно дольше, потому что знала, что я в чём-то покрепче, в чём-то потвёрже и что я смогу вынести натиск бед и горестей. Я пока не знаю кто я и что буду делать дальше, потому что мне кажется, что от моей личности не осталось ничего. Всё рухнуло и сломалось, как будто меня вдребезги разбили об пол. Её можно считать слабой, а можно сильной. Человеком, который не справился со своей ролью в этом мире или человеком, осознавшим всю нелепость этой игры под названием жизнь и добровольно ушедшим из неё.

Я часто вспоминаю и о той её девушке, безразлично относившейся к ней. Мне кажется, что она была просто не готова для серьёзных отношений. Да и, похоже, всё, что окружало Р., было совсем не для её серьёзных намерений.

Возможно, Р. не права, но смерть поставила ей статус "права посмертно". Кто был с ней не согласен, теперь может кричать и буйствовать, может говорить, что только его слова есть Истина - это уже неважно. А посему все сотрясения воздуха становятся бесполезными.

Такие вещи происходят, даже если нам думается, что этого не должно быть. Вот так гадко несправедлив мир.

Когда я слышу похоронный марш - мои руки начинают дрожать. Я не могу смотреть на мёртвых - я моментально отключаюсь и впадаю в состояние беспамятства. Сказать, что произошедшее нанесло мне психологическую травму - ничего не сказать. Поэтому мне ещё над многим предстоит поразмыслить.

Но одно я знаю точно - я всегда любила и буду любить только её. Пусть образ её сотрёт время, пусть я не смогу в мельчайших подробностях вспомнить её лицо и даже в один из дней забуду какого цвета её глаза, но на смертном одре я прошепчу лишь её имя, независимо от того, кого ещё я встречу на своём жизненном пути, с кем буду, и кто будет со мной.

Просто нужно было любить её раньше и не мне. Ей так отчаянно не хватало обыкновенной любви, что она, как цветок, чахла без неё.

Я просто люблю её. Всегда.

Я еду на переднем водительском сиденье и смотрю на мелькающие за окном поля, усталые молодой зелёной травой. Мы уже давным-давно миновали этот город на болотах. Пошёл дождь.